

ЭТО НЕ МИСТИКА, А БЫТОВАЯ ЧЕРТОВЩИНА

НАТАЛЬЯ НЕСТЕРОВА

*Про девушку, которая была
бабушкой*

Annotation

Однажды утром пенсионерка Александра Калинкина обнаружила, что чудесным образом помолодела почти на сорок лет! Теперь можно примерять модные платья, а не бесформенные балахоны, взыскать многолетний долг с работодателя и даже взглянуть в глаза бывшему мужу, который четверть века назад бросил ее одну с маленьким ребенком. Вскоре выясняется, что минусов у волшебного превращения не меньше, чем плюсов. Ни документов, ни семьи у юной Калинкиной больше нет, да и сама вторая молодость явно дана ей судьбой отнюдь не задаром и не навсегда. Нужно распорядиться ею правильно, а времени, чтобы найти верное решение, осталось в обрез...

- [Наталья Нестерова](#)
    -
    - [Часть первая](#)
    - [Часть вторая](#)
    - [Часть третья](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
-

Наталья Нестерова

Про девушку, которая была бабушкой

Книги Натальи Нестеровой – как подарок на счастье. Прочитать, улыбнуться, задуматься. Веселые, лукавые, нежные, грустные – ее книги вселяют надежду, что все в нашей жизни к лучшему. Даже если в какой-то момент мы этого не понимаем! Главное – вовремя разглядеть его, свое счастье, ведь оно где-то рядом с каждым из нас: ходит по соседней улице, живет за дверью напротив, а то и в вашем кармане, просто спит и ждет...

Фотография автора – Ян Сизов

(Пазлы. Истории Натальи Нестеровой)

Оформление – Александр Шпаков

(Совет да любовь. Проза Натальи Нестеровой)

Оформление – Екатерина Петрова

Часть первая

1

В детстве я очень любила фильм «Морозко», смотрела его раз пять, выучила наизусть. Утренний сеанс в кинотеатре, билет стоит десять копеек, в зале народу немного, и кажется, что фильм крутят лично для меня. Медленно гаснет свет, идут начальные кадры – сладкое предвкушение встречи с кумиром, с веселым божеством.

Главная героиня Настенька в исполнении Натальи Седых меня не трогала. Красивая, конечно, но ее писклявый голос – ненатуральный, будто притворяется замученной неженкой. Главный герой, Иван, смазлив, напыщен и трафаретен. Выпрыгнул из иллюстрации к русским народным сказкам и так и остался картонкой ходячей. Марфушенька-душенька в исполнении Инны Чуриковой неподражаема, как и Баба-Яга – Георгий Милляр. Но они отрицательные персонажи. У Морозко, то есть у Деда Мороза, великолепные наряды, и он жутко справедливый. Однако Дед Мороз – он всеобщий, для всех детей. Мне, Саше Калинкиной, он в Новый год положит подарок под елочку и помчится дальше, у него этих елочек миллионы.

Когда вышел фильм, в 1965-м, мне было семь лет, и в Деда Мороза я уже не верила, подарки бабушка, мама с папой покупают – это понятно. И в то же время отчасти верила или надеялась на его, Деда Мороза, существование. В детстве с иллюзиями и младенческими привычками расстаются не быстро. У нас в первом классе, например, многие ребята в минуты волнения на уроке сосали пальцы. Я в том числе. Большой палец правой руки. А Витька Самохин – указательный левой почему-то, Лена Афанасьева четыре (кроме большого) в рот пихала.

Моим кумиром в «Морозко» был Старичок-Боровичок, лесной волшебник. Маленький, добренький, смешливый, веселый, с огромной грибной шляпкой на голове. В руках веточки с бубенцами. Он веточками стукнет – дзын-дзынь: «Иванушка-а-а!» Играл в прятки с заносчивым красавцем. Потом наколдовал ему медвежью голову, за хорошее поведение вернул человеческую и, к моей досаде, больше не появлялся в фильме.

Затрудняюсь подобрать слово, описывающее мое отношение к

Старичку-Боровичку. Лесной колдунчик превратился в существо, используя современную лексику, виртуальное, которое стало для меня защитником и... звучит богохульственно, но – объектом молитв.

Родители велели доделать домашнее задание, съесть ужин, который в тарелке на столе в кухне, помыться и лечь спать. Мол, я уже большая, а они уходят в гости. Бабушка, как назло, уехала к своей двоюродной сестре, которой сто лет в обед, обед был в прошлом веке. «Пока не похороню, не приеду». К моим бы похоронам успела!

Квартира, давно изученная до каждой трещины в половых досках, становится жутким замком, где сейчас из *маминой из спальни* выкатится гроб на семи колесах, полетят черные простыни с кровавым пятном, клацая челюстями, из шкафов станут вываливаться скелеты. Я дрожу под одеялом, я сейчас насакаю в постель, хотя минуту назад с пулеметной скоростью бегала в туалет и обратно.

– Старичок-Боровичок! Мне страшно!

Дзынь-дзынь – машет он веточками:

– Ой, потешливая ты девица, Саша! Всех скелетов я давно разогнал, гробы на семи колесах поехали в починку, а на черных простынях кровавые пятна не видны. Пусть полетают? Не хочешь? Так я их в пыль рассею. А ты спи. Сказку рассказать? Или сама сочинишь, я послушаю.

Я придумываю сказку, в которой главные герои мои друзья, а Женя Уколов, абсолютный фаворит у девочек, вдруг обнаруживает во мне неземные прелести. Провожает до дома, несет мой портфель. Мы вместе ходим на каток, в кино, в парк на аттракционы. Женя занимает мне рядом с собой место в актовом зале (в спортзале, превращенном в актовый по случаю выступления детского театра). Девочки хотят пристроиться к Жене, он не позволяет: «Это для Саши Калинкиной!» Блаженство! Я засыпаю со счастливой улыбкой.

Конец четвертого класса. Я долго болела. Злостная ангина с осложнениями на суставы, вдруг опухшими, и на сердце, перестук которого не нравится врачам. Четыре месяца по больницам, операция по удалению гланд. В это время мои одноклассники решали задачки на движение (из пункта «А» в пункт «Б» выехал поезд, побежал спортсмен; они еще и навстречу друг другу носились) и про бассейны со шлангами (влилось – вылилось). Я же благостно читала замечательные книжки. Как горло перестало болеть, наступила благодать. Родители пачками носили мне книжки. Медсестры кривились недоверчиво: «Ты их читаешь или

глотаешь?» Одна сестричка провидчески накаркала: «Будешь так много читать, станешь толстой». Кассандра в белом халате и с клистирной трубкой! Папа устал носиться по детским библиотекам Москвы, в которые я была записана, получать и сдавать книги, купил у букинистов собрание сочинений Вальтера Скотта:

– Читай рыцарские романы! Закончатся, принесу «Капитал» Карла Маркса.

– И мандарины? – спросила я.

Напуганные моей болезнью, вероятно, сильно истратившись, влезая в долги, родители покупали мне мандарины и гранаты. В марте и апреле! Друзьям сказать, не поверят. Какой дурак поверит, что мандарины бывают не только в новогодних подарках, а гранаты не только в качестве экзотического презента, привезенного приятелем родителей из Грузии? Благодаря южным фруктам, которыми делилась, конечно, с соседками по палате, я пользовалась в больнице несправедливым авторитетом девочки из жутко богатой семьи.

Вальтер Скотт был проглочен и совершенно не сохранился в памяти. Потому что ранее в стопку книг из районной детской библиотеки затесался «Дневник Кости Рябцева» Николая Огнева.

Книга меня потрясла, взорвала мои хлипкие девичьи мозги. Какие уж тут «Айвенго», «Роб Рой» и чистая романтическая любовь? Эхо взрыва не проходило долго, да и сейчас раскаты слышны. Книга Огнева умная, честная, очень откровенная – про подростков-школьников. Динамит – это сквозная линия чувств подростка. Невероятной силы тяга к девочкам, страдания, муки, борения, самобичевания, конфликт низкого доступного и возвышенно-мечтательного. Косте Рябцеву было пятнадцать лет, а мне тогда двенадцать. Наши мальчики гораздо большую тягу испытывали к футболу, чем к девочкам. Когда в команде не хватало игроков, могли взять вратарем. И если ты пропускала мяч, то весь двор слышал, как тебя обзывают, списывая на тебя собственное мазилово. Но ведь в каждом дворевом приятеле, или в однокласснике, даже в Жене Уколове, прячется Костя Рябцев. И всех их влечет или повлечет к нам, девочкам, со страшной силой. Надо дожидаться и подготовиться. Как именно подготовиться, когда Женю Уколова повлечет, – вот в чем вопрос. Чтобы прямым курсом – ко мне.

А вдруг и с девочками то же самое происходит? Это будет тихий ужас, и к нему тем более нужно быть готовой.

Я однажды присутствовала при разговоре мамы с приятельницей, у которой дочь готовилась к поступлению в консерваторию.

Приятельница жаловалась:

– Я ей говорю, что надо заниматься по восемь часов в день, а ты в облаках витаешь, когда судьба решается. Она мне кивает в ответ понуро: «Да, мама. Я понимаю, мама». Я ей: «Зайка, мы с папой все для тебя сделаем! Скажи, чего тебе хочется?» Она поднимает глаза и бормочет: «Целоваться».

Моя мама рассмеялась, и я решила, что это шутка. Взрослые часто смеются над непонятными анекдотами.

Теперь эта история предстала в совершенно ином свете. Ведь это ужасно, когда постоянно целоваться хочется!

Из больницы меня выписали аккуратно перед экзаменами. Тогда сдавали – за начальную школу, с переводом в среднюю. Я бы все влет сдала... кроме арифметики.

– Старичок-Боровичок! Помоги!

– Чего ж тебе?

– Письменный экзамен по арифметике. А я ни бум-бум. Здравствуй, дерево!

– Какое дерево? Береза или дуб, осина?

– Порода дерева ни... при... чем! Задачи на движение и бассейны. Я их не решу! То есть потом разберусь, летом – обещаю! Мне так стыдно будет! Саша Калинкина! Была круглой отличницей, а стала неуспевающей? Это позорно! Тем более что вместо решения задач я вела дневник. Скучнейший получился! Потому что у меня не наблюдается зова плоти, а писать про уколы и лекарства, про больничную жизнь не интересно.

– От меня-то чего желаешь? – спросил Боровичок. – Ускорить зов плоти?

– Нет, что ты! Чтоб у меня раньше, чем у Жени Уколова? Вложи мне в голову недостающие знания.

– Не могу, сам есть неграмотный. Хочешь, на экзамене у учительницы рога станут расти?

– У Марии Сергеевны? – ужасаюсь я. – Ни в коем случае!

– Жаль, – поскуchnел старенький проказник. – Вот потеха: я бы поднатужился, и у всей школы, кроме тебя, – он поднял руки с растопыренными пальцами и показал, как забавно на головах учеников и педагогического коллектива ветвились бы рога.

Фантазия колдуна (она же моя собственная) не всегда отличалась человеколюбием.

– Лучше, – попросила я, – посади меня рядом с Фридманом или с Женей Уколовым. Они по математике самые сильные. И чтобы они дали списать. Ах! Все напрасно! У сидящих рядом за партой разные варианты, списывать бессмысленно.

Дзынь-дзынь – щелкнул веточками Старичок-Боровичок.

Двадцать минут от начала экзамена, я таращусь на условия первой задачи, в которой два велосипедиста рванули навстречу друг другу с разницей в полчаса, и скорость их была известна, также общий путь, требовалось определить координаты встречи. Вторая задача не проще. В цистерну заливали бензин, потом откачивали... сколько осталось, если известно время залива и откачки... Чтоб им взорваться, этим цистернам!

– Калинкина! – вдруг велела учительница. – Пересядь за парту к Уколову.

Женя сидел один, уже все решил, локтем двинул ко мне тетрадь и принялся сосредоточенно в черновике рисовать фигурки безумных человечков.

Я передирала решение задач с удовольствием и азартом, уж теперь могу сказать – единственным испытанным за всю жизнь, – с удовольствием воришки. И ранее, и позже мне не привелось что-то тырить, воровать, брать чужое. Хотя выпало цитировать без сносок на источники.

За экзамен, несмотря на копирование верных решений, я получила тройку и была переведена в шестой класс. Этот тройка мне дороже золотой медали, с которой я окончила школу. Потому что незаслуженная оценка – либо акт милосердия Марии Сергеевны, которая закрыла глаза на одинаковые варианты, либо колдовство. То и другое восхитительно.

На летних каникулах с помощью папы я разобралась в отношениях «скорость-расстояние-время», с вытекающими бассейнами и цистернами, перерешала все задачи, что пропустила. Я любила математику. Не так, как литературу, но любила. Нормальный человек должен преклоняться перед царицей наук. Как перед творением великого зодчего. Сам ты построить грандиозный дворец не можешь, но поклониться гениальному архитектору обязан.

Вероятно, человеку, ребенку особенно, надо на кого-то уповать, кого-то просить, верить в чье-то могущество и способность управлять твоей судьбой. Конечно, есть мама. Потерять ее – страшнее страшного. Но все-таки мама не всемогуща. Потому, что спит в соседней комнате, а не на небе почивает, и неумоимо прививает тебе хорошие манеры. Назначение

божества не воспитывать тебя, а исполнять желания.

Во времена моего детства в нашей семье никто в Бога не верил. Москва была утыкана сохранившимися церквями – как историческими свидетельствами предрассудков предков. Бабушка иногда обращалась к Матери Небесной, Царице Небесной.

Как я это слышала? «Царица Небесная, не дай моей внучке из-за гланд сердцем пострадать!» Как я могла представить Царицу Небесную? Снежной королевой из одноименного фильма. Такую допросишься! Если бы не Герда, Кай превратился бы в айсберг. Плывет этот айсберг, таранит советское научно-исследовательское судно, ученые сыплются за борт как тараканы, которых моя мама изгоняет из кухонных шкафчиков с помощью аэрозольного баллончика.

У меня всегда была буйная фантазия. С годами я сумела эту фантазию пинками и тычками загнать под плинтус. Периодически фантазия пыталась выбраться, пускала тонкие ростки. Слабые, хилые, бледно-зеленые, тянущиеся к свету. Жалко вырывать, но надо. Как сорняки. Побег вредной травы тоже бывают симпатичными, однако не дают произрастать полезным растениям.

Мой единственный сын Данька. Ему лет восемь было? Может, шесть, не вспомнить. Корежится. Тоскует. То ластится, то огрызается. На вопрос: «Что случилось?» – отмахивается с досадой: «Нормально у меня все!» Детские тайны крепче государственно-шпионских.

Я возьми и скажи Даньке:

– Когда тебе плохо и ты ищешь помощи, но ее не может оказать тебе никто из живущих и очень-очень любящих тебя, надо просить того, кому доверяешь, того, кто не в заправдашной жизни.

Через некоторое время у Даньки ушли из глаз тоска и отчаяние. Я не могла удержаться. Кто у сына ангел-хранитель? Точно не Старичок-Боровичок. На видеомагнитофон несколько раз ставила кассету с «Морозко». Старичка-Боровичка сын не заметил. Ему очень понравились ожившие коряги и разбойники, чьи палицы Иван пулял в небо.

Подруга Лена в это время была увлечена английской диетой. У Лены два ребенка, а у меня один. У Лены все научно, а у меня безалаберно.

Утром ребенок должен съесть порцию овсяной каши, которая обволакивает желудок и защищает. Я вяло отбивалась: чего там обволакивать и защищать, поди, не гвоздями питаемся, не соляной кислотой запиваем. Лена настаивала: «Ты, Саша, мать! Хорошая мать по утрам кормит ребенка овсянкой. Посмотри, как она чудно называется!

«Геркулес» на пачке написано. Ты не хочешь, чтобы твой сын был Геркулесом?» Я хотела, конечно, чтобы Данька внешне походил на героя мифов. Но Авгиевы конюшни чистить?

– Две уже проглотил, – пихаю в рот сыну ложку за завтраком. – Надо! Тетя Лена сказала. Осталось пять. Рот открой! Что значит, сама ешь? Я уже вышла из овсяночного возраста, я терпеть не могу эти сопли тягучие. Открывай рот! А то я не буду хорошей матерью, а ты Геркулесом. Не смей поджимать губы! Чтобы не опоздать на первый урок, тебе надо через десять минут выскакивать. Опоздаешь – меня снова в школу вызовут. Данечка, скажи мне, сыночек. Рот открой, проглоти и скажи. Ты кого из героев просишь, когда очень-очень надо?

– Разных, – давится ненавистой кашей сын. – Раньше Чебурашку, иногда Терминатора, в смысле Шварценеггера, Сталлоне, а бывает, что дедушку Ленина.

– В хорошенькую компанию Владимир Ильич попал, – говорю я, соскребая остатки каши с тарелки и толкая в рот сыну. – Даня!!! – воплю я.

– Что???

– У тебя сегодня лыжи по физкультуре!

– Точно! Ботинки на антресолях. А где сами лыжи?

– На балконе? За столом с бабушкиными консервами?

– Я за стремянкой и на антресоли. Ты – на балкон! – командует Даня.

Когда твой малолетний сын командует здраво, по-мужски – это благость подчинения. Мол, вырастила руководящую личность.

Когда та же личность находит нужным через несколько дней возвратиться к теме предшествующего разговора и признается, что всех своих «засыпательных» кумиров он обязательно просит: «Только чтобы всегда мама была!» – ты испытываешь... не полет счастья, напротив, погружение. В нирвану, в бочку с медом, в невесомые цветные облака. И когда ты слышишь от сына слова, оправдывающие твою пропадающую молодость, потерянную в его болезнях, а потом в его немотивированных капризах и взрывах бешенства – понимаешь, что не напрасно. Что твоя жизнь удалась, как бы там ни злословили про Сашу Калинкину, которая подавала *такие* надежды, но безобразно растолстела и превратилась в клушу.

В детстве Старичок-Боровичок мне снился часто. Засыпая, я вызывала его на разговор с просьбами наворожить мне ту или иную услугу. С возрастом, моим и его, очевидно, Старичок-Боровичок стал тускнеть, дзынь-дзынькал своими колокольцами не подняв рук, а опустив их меж колен, словно хотел, усталый, проверить звук. Огромная грибная шапка сморщилась, напозла на его курносое, раньше смешливое, а теперь обиженное лицо. Я выросла, он старел. Зрелым особям кумиры не нужны. Грибные волшебники – быстро портящийся продукт.

В ночь, предшествующую утру, с которого я должна начать рассказ, мне приснился Старичок-Боровичок. Прежний – из детства, бодренький. Много-много лет не снился, я уж думала, что преставился. А он крепенький, задорный, потрясывает веточками с бубенцами, коротенькими ножками с кочки на кочку перескакивает. Кочки – холмики на нетопком болоте – покрыты изумрудным ковром пружинистого мха. Из каждого холмика береза растет, вокруг ствола россыпь грибов. Я терпеть не могу фитнеса и прочую физкультуру, но прежде очень любила собирать грибы.

Колдун-боровичок со мной играет в догонялки. Я за ним по болоту ношусь легко и свободно, не устаю. В реальной жизни я с трудом поднимаюсь по лестнице на третий этаж.

Колдунишка наигрался и спрашивает:

– Чего тебе, Саша, хочется?

Я смеюсь и пожимаю плечами: что может быть замечательнее такого детского сна? Я отлично знаю, что сплю, что видения эти – подарочные, но приятны, как настоящее.

– Может, молодость тебе вернуть? – предлагает Старичок-Боровичок.

– Кто же не хочет быть вечно молодым?

Просыпаюсь по зову природы, иду в туалет. Сон не рассыпался, не забылся, стоит перед глазами, как понравившийся, только что закончившийся фильм. Романтическая комедия для семейного просмотра, поэтому я все время улыбаюсь.

Перемещаюсь в ванную, чтобы помыть руки. Возможно, и зубы почистить, хотя эту процедуру можно отложить на после завтрака.

Поднимаю глаза и замираю. Из зеркала на меня смотрит льбящаяся девица – та самая, из сна, то есть я, то есть не я, а я молодая, скачущая по грибному болоту. Во сне, как и в подсознании, мы себя воспринимаем сильно приукрашенными.

– Э-э-э... здрасьте! – бормочу я.

И отражение со мной здороваётся, точь-в-точь.

На девице моя любимая ветхая, застиранная до неприличия (а кто видит?) ночная сорочка. Только вырез сполз, выставив на обозрение юные ключицы и оголив плечико.

Я прочитала уйму книг и видела много фильмов про «попаданцев» – людей, которые неожиданно переносятся во времени или в другую действительность, про героев, с которыми происходят странные метаморфозы, – и прочую фантастику. Они достаточно быстро справляются с шоком. Это понятно – действие ведь должно набирать темп, и авторы никак не могут позволить героям три часа биться в истерике или убеждать себя, что не тронулись умом.

Не знаю, сколько я просидела на корточках под раковиной, я даже не заметила, как рухнула. Босым ногам и попе на кафеле стало холодновато. Тактильные галлюцинации? Зрительные тоже присутствуют. Эта ступня, что торчит из-под ночнушки. Она не моя! Узкая щиколотка, от сустава к кукольным пальчикам пучком расходятся проступающие сквозь тонкую кожу веточки сухожилий. Где отеки – водяные линзы, кольшущиеся при ходьбе? И рука не моя. Никакой дряблости, пальцы тонкие и длинные. Ущипнуть себя чужой рукой за чужую ступню – ой, больно!

И в то же время декорации прежние. У тумбы под раковиной отлетела ручка-шарик, все забываю сыну сказать, открываю дверцу с помощью пилки для ногтей. Мне видны полотенца, висящие на крючке – мои. У плитуса не достаёт десяти сантиметров. «Хозяйка, клянусь! – божился ремонтник. – Завтра приду и надставлю!» До сих пор идет, получил деньги и сгинул.

Самое главное! Как я могу сидеть, обхватив коленки? Физически невыполнимый номер. При росте метр семьдесят пять я вешу сто сорок три килограмма. Весила... когда последний раз вставала на весы... год назад. Чего зря расстраиваться? Контроль веса волнует стройных женщин, а когда перевалило за центнер, плюс-минус пять килограммов значения не имеют. Я никак не могла бы прижать коленки к груди и водрузить на них голову. Однако именно так сижу, и мне становится холодно.

Хотелось бы, конечно, написать, что я встала, выпрямилась во весь рост, посмотрела в зеркало на свое отражение, подмигнула ему и с прямой спиной, с ликованием во взгляде вышла из ванной. Ничего подобного! До комнаты я передвигалась на четвереньках, периодически дергая ночнушку, которая стала парашютных размеров, и если я вставала на нее коленками, тормозила движение. Я подвывала и скулила как испуганная собака, ищущая укромное и безопасное место.

Самым укромным был платяной шкаф. Но в нем под одеждой, что висит на плечиках, свалка вещей. Ко мне редко приходят гости. Когда приходят, я навожу быстрый порядок, запихивая неудобнообозримое в шкаф. Иногда совершаю расчистку. Когда ищу в шкафу что-то крайне необходимое. «Крайне» случается редко.

Шкаф – это стратегически неверно. Шкаф – это трусость, слабоволие, бесхарактерность и тупость. Все характеристики, кроме последней, ко мне относятся.

С чего все началось? Со сна. Такого милого. Чтоб он приснился моему врагу! Чтоб я имела врагов! Сон надо вернуть обратно, переиграть, переспать... Нет, глагол «переспать» совершенно иное значение приобрел. Давайте не будем углубляться в лингвистические дебри! Так мы дойдем до неожиданной современной семантики невинного в прошлые века глагола «трахнуть». Просто залезем в постель, укроемся простынкой.

Лето, июнь, жары еще нет, но у меня и под простыней в многочисленных жировых складках пот выступал. А сейчас прохладненько. Не будем привередничать – замерзла, видите ли! Легла, руки на груди сложила, сейчас сон придет.

Не приходит, и даже глаза не хотят закрываться – шарят, зрачками крутят, оглядываются.

Все мое – привычное, родное. Для убедительности я слегка подпрыгнула на ортопедическом матрасе. Он самый, хотя пружинит неубедительно. Даня, сын, и его жена, Маша, притащили мне этот матрас: надо спать ортопедически – водрузили прямо на разложенный диван, которой принимал сидячий вид очень редко. Зачем каждый день выполнять упражнения по складыванию-раскладыванию? Никто ведь не видит! К организованным, поддерживающим порядок для себя, а не для гостей, людям я не отношусь. Я ленива альтруистически.

Маша вытащила из пластикового пакета на молнии клетчатый плед – будет покрывалом. Матрас я сначала не оценила, а покрывалу-пледу возрадовалась. Какая красота! Можно поверх пледа среди дня завалиться с книжкой, да еще укрыться его длинным концом. И будет приличненько. А когда днем лежишь на стареньком шелковом покрывале, все-таки чувствуешь себя нарушительницей, похмельной забулдыгой, которая не в силах трудиться, ей требуется проспать.

Сейчас плед неживописно свисает с моего рабочего кресла. Его тоже Даня и Маша притащили, и оно тоже ортопедическое, с широченным сиденьем, как для гениального детектива толстяка Ниро Вульфа. Нет ли у современной молодежи некоего фетишизма на почве ортопедичности?

Плед на кресло брошен мной прошлым вечером. Прочая обстановка не претерпела изменений: громадный письменный стол, еще дедушкин. Бабушка говорила о рано ушедшем муже: «Какой был мужчина! Царица Небесная, благодарю, что мне достался!»

Поскольку слова *достался*, *досталось* употреблялись чаще всего в отношении продуктов и вещей, за которыми отстаивали в многочасовых очередях, я считала, что мужей тоже выдают в специальных пунктах, по очереди. Хорошо, что мама оказалась в начале очереди, и ей достался мой замечательный папа.

– Бабушка! – допытывалась я в детстве. – Кем дедушка, твой муж, был?

– Счетоводом! – Бабушка поднимала указательный палец.

Название профессии «бухгалтер» ей казалось недостаточно солидным, а я лет до пяти думала, уже будучи лишенной иллюзии про мужей по очереди, что счетовод – это главное министра. Правда, я путала слова и однажды гостям, когда бабушка пустилась в пространные воспоминания о покойном муже, не выдержала и выпалила:

– Он был звездочетом!

На письменном столе при жизни бабушки лежали счеты – громадные, отполированные временем, с рядами выгнутых спиц и костяшками размером с крупную сливу – дедушкины. Наверное, бабушка слегка обманывала себя – муж не умер, а ушел на работу, вечером после ужина сядет за стол, наденет очки, разложит бумаги и будет в многотысячном балансе искать пропавшие две копейки. Счеты – моя любимая игрушка в детстве. Костяшки – это герои. Принцессы, рыцари, их верные слуги (как Фигаро и Конек-Горбунок), всесильные, но ничего не понимающие в любви цари и королевны – родители принца или принцессы, рыцари – верные друзья влюбленных, попутные герои и прочая челядь. Костяшек-персонажей много, они туда-сюда щелкают, носятся по спицам – сначала медленно, а потом с бешеной скоростью, пока не замрут в счастливом финале на левой стороне счетов. Сказка окончена, хорошие победили.

Счеты сломал уже Данька, пребывавший в периоде разбора всего и вся на составляющие – от часов до радиоприемника. «Как ты умудрился раскурочить счеты, они ведь монументальные?» – «Я на них прыгал». Наши дети топчут то, что было для нас Вселенной. Теперь, говорят, у детей есть «Лего», и юных исследователей не интересует устройство новенького утюга.

Стол помнит мои глупые девичьи дневники, мои курсовые, диплом и любовные письма. В недрах его ящиков хранится семейный архив –

фотоальбомы, старые документы, письма, Данькины первые рисунки, школьные дневники, таблицы, медицинские книжки – много чего семейно-исторического, никогда не требующегося.

На столе монитор компьютера, клавиатура, кривая пирамида папок, книг, огрызков бумаги с крупной надписью: «Напоминание!» Я себе напоминаю. Чаще – бесполезно.

Если от стола проследить – открытая балконная дверь. Колышутся задернутые на ночь шторы. Внутренние, тонкие, гипюрово-кисейные, молочно-белые, выплескиваются при порывах ветра из-под гобеленово-бархатных, темно-бордовых наружных – как нижняя сорочка у зазевавшейся аристократки. Виктор Гюго, увидев, как его невеста переходит улицу, написал ей письмо, исполненное боли, страсти, стыда и отчаяния: когда девушка наступала в лужу, сохраняя платье, поднимала подол, и становились видны ее щиколотки и нижняя юбка. Мы едва не потеряли великого писателя из-за этого позора. Его бы в «попаданцы», в наше время, по телевизору музыкальные клипы посмотреть.

Поворот. Буфет. Старинный, но вряд ли антикварный. Бабушка увидела его в *скупке* – так она называла комиссионные магазины. Буфет очень напоминал тот, что мама бабушки, моя прабабушка соответственно, хотела дать ей в приданое, но «из-за революций все пошло не по-человечески». Дедушка, наверное, очень любил бабушку, иначе как объяснить, что он вез буфет через всю Москву на грузовике, а потом реставрировал? В верхней части буфета хранится покрытая вековой пылью парадная посуда, которой я не пользуюсь. В нижних ящиках то, что не влезло в письменный стол.

Уже упоминавшийся платяной шкаф по возрасту – внук буфета, по нынешним временам – винтажный предмет мебели. Тумба, на которой стоит телевизор, ровесница шкафа. После тумбы с телевизором книжный стеллаж от пола до потолка. Он невероятно тяжел, потому что состоит из отдельных полок. Раньше такие были в каждом доме, продавались поштучно, представляют собой прямоугольный параллелепипед из ДСП, длинная сторона с полозьями для стекла. Их вешали на стены, сдвигая для *красоты дизайна*, как шутил мой папа, по горизонтали, или просто ставили друг на друга, как у нас. Если бы полки не были прибиты к стене комнаты и вздумали упасть, а рядом вдруг оказался бегемот, то мы бы потеряли животное.

Стеллаж – моя сокровищница. Дверцы-стекла отсутствуют, потому что большинство книг не проходят по высоте полок и лежат плашмя, нестройно выпирают. При некоей доле воображения стеллаж можно

принять за книжное дерево, кора которого – корешки книг. Один вертикальный ряд полок – словари. Когда не было Интернета, когда никто не мог представить, что легким нажатием на клавиши можно узнать, сколько раз русские брали Берлин или как называется просмоленная нить сапожника (дратва), или как точно зовется жительница города Урюпинска: «урюпинка» или «урюпчанка», эти словари были бесценны. Теперь они, говоря литературно, немые свидетели эпохи. А я кто до сегодняшнего утра? Второй ряд – книги по искусству, в основном по живописи. Своей библиотекой я могу гордиться без ложной скромности.

После стеллажа снова поворот – дверь в коридор. Направо – на кухню и к удобствам, мой недавно проделанный на четвереньках путь. Налево – во вторую комнату, бывшую Данькину. Там на полу ковер моей бабушки. «Вот, купила, три месяца в очереди отмечалась, теперь мы как люди – ковер на стене». Бабушка была глуховата, и папин комментарий: «Теперь мы – как простые советские цыгане» – слышали только мы с мамой. После смерти бабушки ковер съехал на пол. Когда Данька женился, я совершила большой подвиг. Выбросила его тахту (символический акт – *живи с женой, а здесь тебе спальное место не предусмотрено*), заказала книжные полки, которые заняли две стены. На них переехали книги, которые до того – в коробках, связках, навалом – были везде: на антресолях, в кладовке, в прихожей, в углах – на любом пятачке свободной площади. Книги собирали родители, потом я, подросток Данька и подключился к этому увлекательному интеллектуальному коллекционированию. Все книги не поместились. Отсортированные я вынесла в подъезд, прошлась по этажам, положила на подоконники. И ведь кому-то приглянулись «Особенности термической обработки полупроводников» и «Теоретические основы математической физики».

У окна стоят маленькие детский столик и стульчик – внучкины. Ее игрушки в пластиковых контейнерах. Когда Катюшка остается у меня ночевать, мы достаем с антресолей односпальную надувную кровать. Надувать ее (с помощью электрического компрессора, в простонародье – *надувальщика*) увлекательно. Сначала растет база кровати, потом раздается щелчок и надувается матрас, простроченный в большую клетку. Получается ложе высотой Кате по плечи. Это уже не подающаяся учету надувательная кровать. На них очень весело прыгать (внучке, а не мне, конечно). Если долго скакать, то где-нибудь порвется. Тоже увлекательно – воздух выходит со свистом и шипением, как из обиженного толстого задаваки-хвастуна. Ставить заплаты, клеить прореху бесполезно – мы ведь потом снова прыгаем. Данька клеил и злился, что его труд напрасен. Он

терпеть не может напрасного труда. Мне проще купить новую надувательную кровать. В интернет-магазине. «Здравствуйте, Александра Петровна! – узнает по телефону девушка-диспетчер. – Снова односпальная кровать? У нас новая особо прочная модель. Ваша скидка постоянного покупателя – десять процентов». Не могу даже представить, что думает вежливая девушка на том конце об Александре Петровне, регулярно покупающей надувные постели.

Если кровать не лопнула, Катюша засыпает на ней, однако ночью все равно прибегает ко мне: «Бабуля, ты такая теплая, как из ладиватолов (радиаторов). И пахнешь крадавоном». Вероятно – «кардамоном». Я не имею понятия об этом запахе, да и внучка, подозреваю, тоже. Просто ей понравилось слово, она его перекрутила на свой лад. Точно как я в детстве: утверждала, что правильно говорить *всасос*, а не *пылесос*, он же не только пыль поглощает.

Ползти в детскую и проверять обстановку совершенно не хочется. К тому же забыла упомянуть про журнальный столик в моей комнате, что перед диваном, ставшим невыносимо ортопедическим. На столике улики ночного чревоугодия: разделочная доска с корочкой хлеба, огуречными хвостиками, шкурками колбасной обертки и срезанными с сыра жесткими стеночками. Плюс – нож и большая кружка с остатками холодного чая. Холодного не потому, что остыл. Мой любимый напиток (привет от американских романистов) – холодный чай с лимоном, и я уже давно не утруждаю себя сервировкой для одинокого ужина, ведь тарелки надо потом мыть. И книга, конечно. Электронная. Если бы я имела деньги и силы ходить по магазинам или, предположим, сын и невестка покупали бы мне бумажные книги, то через несколько месяцев в моей квартире остались бы муравьиные тропы для передвижения, а от пола до потолка высились пирамиды томов. Я не люблю выбрасывать книги, но куда девать прочитанные? Из редкого десятка одну стоит оставить дома, вернуться, перечитать.

Что я вчера читала?

«Элегантность ежика» Мюриель Барбери. Пленительно! Объедение! Главная героиня Рене в чем-то похожа на меня. Не молода, не красавица, фанатка-книгочей. Правда, Рене низкого происхождения, училась только в начальной школе, а я окончила университет с красным дипломом, она работает консьержкой, а я тружусь вольной журналисткой. Мы обе самообразованы в различных областях благодаря книгам. Рене разбирается в философии, в которой я плаваю, зато увлекаюсь естественными науками. Рассуждения Рене, то есть автора, о назначении и красоте языковой

грамматики умны, точны и восхитительны, я позавидовала ее умению сформулировать то, что я всегда знала и чувствовала.

Мюриель Барбери преступница! Я выяснила в Интернете, что у нее больше нет книг, которые стоит прочесть. Хороших авторов за отсутствие плодовитости надо подвергать тюремному заключению.

У меня скачаны в электронную книгу (куплены (!) в электронной библиотеке) три романа Исигуро и две повести Акунина, привязанные к его «Истории государства Российского». Еще говорят (в Интернете), что Тесс Герритсен ушла от детективов и написала великолепный фантастический роман, лучше «Штамма Андромеды» Майкла Крайтона. Действие происходит на космической станции, оторваться от чтения невозможно. Есть еще и умные нехудожественные книги, но я специально их не назвала, чтобы сразу признаться в пристрастии к легкой литературе, не исключаяющей регулярного знакомства с серьезной.

Лена Афанасьева, моя подруга, как-то в молодости принялась анализировать, как целуются ее кавалеры: Дима *так...* а Вова *этак...* Я слушала-слушала, а потом не выдержала: «Главное, что ТЕБЕ хочется и нравится целоваться!»

Не знаю, насколько понятным, уместным и приличным покажется вам это сравнение. Но с книгами, действительно, как с любовью. Есть необязывающий, легкий, приятный, щекочущий флирт. Это так называемая массовая литература – детективы, увлекательные мелодрамы, фэнтези. А бывает встреча с человеком, пусть и без постели в последующем, пусть короткий разговор, пусть он, этот человек, на другом конце стола во время банкета, на который тебя случайно занесло, говорил тост или просто смотрел на окружающих, отвечал на вопросы... Тебя перевернуло, встряхнуло, в тебе обнаружилось кладези, о которых прежде не подозревала. *Кладези* – слово торжественного стиля, гипербола, пожалуй. Окна, двери, порталы – в новые неожиданные мысли, рассуждения, в чувства новые, умные и вдохновляющие. Это – высокая литература. Всякий мало-мальски грамотный их отличает, как видит разницу между случайной связью и настоящей любовью. Умные книги встречаются чаще, чем настоящая любовь, а хорошей легкой литературы меньше, чем флирта в молодости.

По книге Исигуро снят фильм с одноименным названием «Остаток дня», я его скачала (бесплатно, пиратски). Как и сериал «Молодой Папа». Маша сказала: надо смотреть. Вкусу невестки я доверяю безоговорочно. Она мне посоветовала посмотреть «Аббатство Даунтон» и «Ментовские

войны». Английский сериал и отечественный. Сама бы на них не обратила внимания из-за слов «аббатство» и «ментовские» в названиях.

Все это обозначает, что на ближайшие недели мне обеспечено тихое приятное существование – обычное. Чужие талантливые фантазии вполне заменяют личные, спорного качества.

Итак, в комнате все на месте – родное, привычное, знакомое, как бы говорящее мне, что ничего не изменилось, повода для паники нет. Твое убежище не пострадало и хватит сочинять небылицы! Я не сочиняю! Вот, щупаю себя! Это не мое тело! Со мной непорядок, вернее – чудо. Каждому чуду находится объяснение.

Лена Афанасьева однажды мыла пол, вытирала вокруг тумбочки, на которой стояла лампа, которая вдруг тихо прошелестела: «А теперь вести с полей...» – и заткнулась. Стоит себе, лампа как лампа. Лена не успокоилась, пока через приятелей не познакомилась с аспирантом-физиком Сережей Калининым. Он растолковал, что, радиоточка, находившаяся за стеной от лампы, чего-то там экранировала, послала импульсы. Я плохо слушала, я влюбилась в Сережу. Через год стала его женой. Была Калинкиной, стала Калининой – явное повышение статуса. Через пять лет Сергей нас с Данькой бросил. Ушел как отрезал: ни звонков, ни воскресных визитов к сыну – навсегда.

Брошенная женщина испытывает непреодолимые страдания, единственное утешение – в мечтах отомстить – и потому способна на чудовищные пакости. Даже тихоня вроде меня может ударить точно в яблочко, в болевую точку. Когда меня спрашивали, кто был Данин папа, я отвечала: «Физик средней руки». Сергею, наверное, донесли, он так обиделся, что ни разу алиментов не прислал.

Все это было очень давно.

Если меня пугает чудесное превращение, то почему я не трясусь от страха, не звоню в «скорую», не рыдаю и даже не скулю жалобно? Дедушкин стол, нижние юбки и Виктор Гюго, Исигуро, Акунин и Барбери, шторы, словари, объедки на столике, электронная книга, надувные кровати, воспоминание о замужестве и разводе – это называется паническая атака? Ни один врач при такой *атаке* даже валерьянки не накапает. Валяюсь как покойница с руками, сложенными на груди, и думаю на посторонние темы.

«Думаю» – вот подсказка!

Гениальный женский рецепт Маргарет Митчелл, автора «Унесенных ветром». Ради этого рецепта стоило написать книгу, хотя и сам роман

замечательный. Я ПОДУМАЮ ОБ ЭТОМ ЗАВТРА.

Осмелюсь заявить, что сия спасительная подсказка годится не только для утилитарных личных невзгод. Она действует как женское оружие. На взрослых мужских особях мне не довелось испытать, но когда хулиганство сына выходило за все рамки, я строго просила:

– Подумай, пожалуйста, об этом завтра!

– Почему завтра-то? – недоумевал хулиган. Не знал, пугаться или радоваться отложенному наказанию.

– Потому что сегодня, вижу по глазам, ты не настроен думать о том, что натворил, анализировать, а не давать пустые обещания, лишь бы я отвязалась. Если и завтра до тебя не дойдет, почему нельзя на стенах подъезда и в лифте писать вульгарные стишки, то думай послезавтра и каждый день до конца недели. Заодно найди в словарях значение слова «вандал». Если к воскресенью ты мне приведешь пять исторических случаев вандализма, то поедем на Главпочтамт покупать и гасить марки.

Наверное, от такого *воспитания* профессиональный педагог пришел бы в ужас: ребенок нашкодничал, а ему – заветные марки для коллекции. Но Данька утром в воскресенье собрал «коллектив вандалов», и они отмыли стены, я им меняла ведра с водой и выдавала моющие средства. Мечтала, что поедем с сыном на Почтамт, будем выбирать марки, но по-мальчишечьим глазам поняла, что им милее без меня, своей компанией отправиться. Ведь на метро от «Сокольников» до «Кировской» (сейчас «Чистые пруды») по прямой всего четыре остановки. Вручила деньги, в том числе и Стасику двадцать пять копеек, который не марки, а значки собирал. Вечером «вандалы» несколько часов копошились над своими коллекциями, съели мои запасы макарон, тушенки, баранок, основательно уменьшили запасы варенья. И, конечно, не сделали домашнего задания.

Воспоминания – утеха пожилых, а я чудесным образом сейчас молода. С другой стороны, можно констатировать, что мой мозг не отбросило в юношеские лета. И за это – большое спасибо! Что бы делали Данька и Маша с девицей, чье сознание сорокалетней давности? Искали бы по миру клиники для таких уникалов? Я не хочу в клинику! И насколько лет точно меня отбросило? Чем изображать из себя новопреставленную, лучше выяснить, как я выгляжу.

Я вскочила, сняла через голову рубаху и поскакала нагишом в прихожую к большому зеркалу. Я не скакала полвека.

Это я еще до замужества? Еще и до родов? Грудь не обвисла, скульптурно торчит, как у греческо-римских изваяний богинь, нимф и

прочих весталок. Девушка не худа, по современным канонам ей не помешает сбросить три-пять кило. Но античный эталон выдержан полностью. Сергей, бывший муж, часто просил меня: «Постой нагая, я на тебя буду смотреть». Я вертелась счастливо, принимала позы, хохотала и просила не обращать внимания на наличие рук, чтобы уж совсем напоминать Венеру Милосскую, великую скульптуру.

Не помню, чтобы в юности я рассматривала себя голой со всех сторон в зеркале. Мы жили тесно: мама, папа, бабушка, я. Если бы застукали за припадком нарциссизма, умерла бы со стыда. Оголиться в старости и рассматривать гигантскую грушу жирной плоти? Зачем портить настроение? Разве что перед суицидом.

Но поверьте! Чертовски приятно после многих лет увидеть (просто опустив голову, а не в зеркало) свои ноги и курчавый лобок.

Я вертелась перед зеркалом. Вот я анфас, в профиль, вид сзади слева, вид сзади справа. Я издавала звуки. Не колокольчатую девичью трель смешков, а что-то более похожее на счастливое хрюканье поросенка, ловящего ртом сладкие кусочки.

Однажды я что-то искала в письменном столе, наткнулась на старый фотоальбом. Сравнение меня в юности и за-стокилограммовой настоящей было настолько поразительным, что я выдрала из альбома свои снимки, сложила в отдельный пакет и подписала: «Вскрыть после моей смерти». У меня нет комплексов на почве собственной разросшейся плоти, она не отвращает меня, не вызывает стыда, горечи, сожаления, проклятий генетическому наследству или эндокринному сбою. Что выросло, то выросло. Заливаться потом, конечно, противно, отдышка не подарок, как и боль в суставах. Но если мало двигаться, то всех этих неприятностей можно избегать. Меня волновало, что кто-нибудь из дорогих, родных, любимых и близких людей случайно увидит эти снимки и переживет шок, круто замешанный на сострадании, жалости, собственной беспомощности, неспособности выдернуть из жирной туши стройную девушку с фото. Доставлять подобные страдания родным и любимым – не гуманно. И что мне прикажете делать с их вселенской скорбью, абсолютно лишней? Людям обидно, когда их добрые чувства неуместны.

Хрюканья для выражения восторга было недостаточно, и я запрыгала. Так завидовала внучке, скачущей на *надувательной* кровати! Радовалась за

нее и отчаянно грустила по тому ощущению, что дарит короткий полет вперед или ввысь, качели, карусели и другие возможности оторваться от земли.

Если бы еще вчера мне вдруг втемяшилось подобным физкультурным упражнением заняться, то, не ровен час, проломила бы перекрытие и свалилась на нижний этаж: «Здравствуйте, я ваша соседка сверху!» Сценарий маловероятный. Вряд ли мне удалось бы оторваться от пола хоть на два сантиметра.

Я прыгала перед зеркалом с разворотами сначала на девяносто градусов, потом на сто восемьдесят, рискнула сделать полный оборот – триста шестьдесят градусов, не удержала равновесия, упала, захрюкала обиженно: поросенок вздумал подражать соседскому щенку, но не вышло.

И тут раздался испугавший меня звонок в дверь.

На четвереньках подползла к двери. Данный способ передвижения, похоже, входит у меня в привычку.

Я поднялась и посмотрела в глазок. Светлана Ильинична, старшая по дому.

Отлично, сейчас на ней проверим мою новенькую упаковку. Я такая молодая Венера вся из себя Милосская только в собственном видении или во всеобщем?

Встречать пожилую женщину в чем мать родила не годится, я сорвала с вешалки плащ, запахнулась в него и открыла дверь.

Светлана Ильинична наше, жильцов, финансовое счастье. Счастье – это уже трижды производимые в нашу пользу пересчеты квартплаты. Опасаюсь, что управляющая компания, с которой у Светланы Ильиничны неутихающая война, наймет киллеров и общественницу прибьют. Квартплата взлетит, но это ладно. Жалко человека, на пенсии обретшего дело, как она говорила, «во благо ста семидесяти трем квартирам и проживаемым». От нас, ради кого Светлана Ильинична воевала, ничего не требовалось, только ставить подписи под заявлениями и прочими петициями.

Если бы вам каждый месяц пришлось ходить по ста семидесяти трем квартирам и собирать подписи, то у вас, определенно, тоже выработалась способность быстро и кратко пояснять суть дела, задавать вопросы и самому на них отвечать – выслушивать нет времени.

Наш диалог занял пять минут. Я несколько раз сказала «да», один раз упомянула личное имя и одно географическое название. Меня интересовало, видят ли меня посторонние в новом облике. Видят! Светлана Ильинична подсказала мне легенду.

– Здравсьте, а ты кто? Родственница Саши?
– Да.
– Племянница?
– Да.
– Приехала погостить?
– Да.
– Почему нагая в плаще? Из ванны выскочила?
– Да.
– А где Саша, в магазин пошла?
– Да.
– Мне ее ждать недосуг, у меня еще сто три квартиры. Скажешь, была Светлана Ильинична по поводу ремонта крыши.

– Да.
– Совершеннолетняя?
– Да.
О! Выгляжу с подозрением на несовершенно-летнюю!
– Как звать?
– Шура Калинкина.
– Сама откуда?
– Из Благовещенска.

Мне очень нравятся названия с библейским флером. Преображенское. Борисоглебское. Воскресенское. А в Благовещенске я «была в командировке» – беру в кавычки, потом объясню.

– Это куда китайцы так и прут?
– Да.
– Распишешься за тетку?
– Да.
– До свидания!
– Да. То есть всего хорошего!

Я закрыла дверь и исполнила перед зеркалом выступление стриптизерши, которой было велено уложиться в три секунды. Распахнула полы плаща, чуть застыла и сбросила его с королевской грацией: вот! Смотрите, любуйтесь, восхищайтесь!

Стриптиз – это, конечно, смело и авангардно, и о-о-очень ново в моей жизни. Однако представительницы этой профессии потом все-таки одеваются.

МНЕ НЕЧЕГО НАДЕТЬ!

Типичный вопль женщин всего мира, включая европейских принцесс и

аборигенок в джунглях Амазонки. Однако если принцессы бесятся с жиру, а у аборигенок соломенные юбочки тропический дождь подпортил, то у меня взаправду, по-настоящему и честно НЕЧЕГО НАДЕТЬ! Есть точное наблюдение: если мужчина говорит, что ему нечего надеть, то не имеет чистого, если женщина – нет нового.

Я ни то, ни другое, ни третье, я вообще не пойми что и МНЕ НЕЧЕГО НАДЕТЬ!

Возьмем нижнее белье. И тут же его бросим. Необъятные трусы – в одну их дырку я войду двумя ногами, и еще свободно будет. Бюстгальтер. Мама родная! Если по центру разрезать, получится два капюшона на головы не меньше пятьдесят восьмого размера. Никому не требуется? Лифчики мои сшиты корсетным мастером из Воронежа на заказ, общение по переписке. Без примерок, естественно, но с запасом. Им нет сносу, потому что нет носу. Нижнее белье я отменила. Как ежедневный атрибут одежды оно мне не требуется. *Не из природы, а в природу* – русские крестьянки веками обходились без лифчиков, а трусы считали признаком гулящих баб.

Дома я большей частью хожу в халатах, под которыми сорочки-ночнушки. У меня два халата: летний ситцевый и зимний байковый. Против одного знаменитого халата-шлафрока Обломова. Но функции те же: кутать грузное тело человека, не желающего много двигаться, куда-то ходить, к чему-то стремиться, хлопотать, нервничать, спорить, доказывать – суесться. Гончаров называет халат послушным рабом Обломова. Я бы поспорила. Скорее, мы с Ильей Ильичом рабы халатов. Властелин к нам, изнеженным и апатичным, крайне добр: «Надень меня и валяйся целый день на диване с книжкой».

На выход у меня имеется гардероб, весьма скудный. «На выход» – это не в свет, не на праздники, не в гости, не на светские, упаси господи, мероприятия. На выход за порог квартиры – в булочную-пекарню, находящуюся в четырехстах метрах от моего дома. Продукты, моющие и гигиенические средства, даже мелочь вроде ниток, бумагу, чернила для принтера и проч., проч., проч. я покупаю в интернет-магазинах, то есть с доставкой на дом. Не помню, когда я последний раз удалялась от своего дома на несколько километров. «На выход» равняется «на вход» – это когда меня навещают дети и подруга Лена Афанасьева. Я пала низко, но не настолько, чтобы встречать их в замызганном *шлафроке*. Я из него выбираюсь, снимаю ночнушку, надеваю белье, брюки и тунику...

Когда же я последний раз выбиралась из дома далеко и надолго?

Вопрос меня заинтересовал. Еще вчера я, не предаваясь воспоминаниям, ответила бы на него: «Давно и слава богу! Еще бы подольше не было повода. Никогда и до конца!»

Два года назад Даня попал в больницу после автомобильной аварии. Я извелась от тревоги, хотя он бодро говорил по телефону, что отделался ушибами и трещинами костей. Маша, опять-таки по телефону, дрожащим голосом провибрировала: «У него переломы, но без смещения». Они меня оберегают, они знают, что я человек бесполезный в решении любых проблем. У Даньки, наверное, сплошные смещения, все кости в лохмотья. Ведь Маша и Даня неосмотрительно использовали множественное число – *костей, переломы*. Я вызвала такси и поехала в больницу. Может, моему сыну кровь понадобится, а моя – родственная, отдам всю до капли. Хотя в моей крови жира в виде холестерина больше, чем эритроцитов.

Сын полусидел на кровати, левая нога и правая рука в гипсе, пол-лица заплыло синячищем. Непострадавшим глазом смотрел в компьютер, лежащий на животе, и тыкал в клавиатуру пальцами незагипсованной руки. Словом, вполне живой и, как всегда, при компьютере. Ложная тревога.

Даня мне очень обрадовался и заявил, что ради того, чтобы вытащить меня из дома-норы, готов периодически занимать место манекена в краш-тестах при испытаниях автомобилей. Я обозвала его извергом. Мы отлично поболтали, много смеялись, вспомнили свой старый язык. Долгое время мы с сыном были как близнецы, общающиеся на только им понятном наречии, со словами-символами и со словами-кавёртышами, отсутствующими в русской лексике. Потом близнецовый период кончился, Даня женился. Это было нормально, здраво и правильно для обоих. У Дани образовалась семья, у меня – халаты-властелины.

Я никогда не хотела, чтобы сын превратился в великовозрастного мужика-прилипалу к мамочке – единственной и неповторимой, вечно безрассудно любящей, удобной в быту – накормит, с утра чистую одежду предоставит, не зудит, не пилит, не требует сегодня одно, завтра другое. Жены вечно требуют, если не словами, то взглядом. Естественные мужские потребности можно удовлетворять на стороне. Удовлетворил – и к мамочке. Ужин на столе в кухне под салфеткой. С утра завтрак, как он любит, не надо двадцать раз объяснять – яичница-глазунья. Три оранжевых солнышка, пойманные белыми облаками, а по краям наступают злые волны Вселенной, края сморщились в коричневой ажурной сетке. Это можно есть только со сковородки.

Маша мне потом говорила:

– Человек, который завтракает со сковородки, необязательно деревенский пентюх.

– А его мама необязательно особа, которая ненавидит мыть посуду, – кивнула я. – Когда Агату Кристи спросили, как у нее рождаются сюжеты, она ответила, что во время мытья посуды. Это занятие кого угодно наведет на мысль об убийстве.

Если вы испытываете смущение, то проще всего спрятаться за цитатами.

Маша не знает, что, когда Дане исполнилось тридцать лет, я ужаснулась: вырастила себе сына-прилипалу. Мое будущее выглядело вполне привлекательно: сын до гробовой доски (моей) будет пребывать рядом. Но у него-то должна быть своя личная: интересная, трудная, изматывающая, зубосточительная жизнь! В семье, с детьми, с выстрелом в будущее. Я – мать-ведьма, которая лишает своего сына будущего – потомков, бессмертия.

И я стала дрелью. Сначала ручной, потом на аккумуляторах, потом питающейся из электрической розетки, не прекращающей подачу энергии. Ты не хочешь жену-пилу, получи мамочку-дрель. Хотя мы виделись урывками – за завтраком, редкими его возвращениями вечером, когда я еще не сплю, по выходным, когда погода не позволила ему прыгать с парашютом, участвовать в гонках на квадроциклах (летом) или гонять на снегоходах (зимой).

Даня поступил на факультет вычислительной математики в МГУ и на первом же курсе свихнулся на продуцирующих адреналин утех. Я терпеть не могу физкультуру и спорт. В ущерб его мальчишечьим потребностям все детство вбуровливала в него интеллектуальные ценности. Исключение сделала только для бассейна. Недалеко от дачи Москва-река, мальчишки туда бегают, не уследишь. Пусть научится плавать, чтобы не утонуть. Через несколько месяцев тренер сказал, что Даня перспективный, что его переводят в спортивную группу, это бесплатно, но тренировки каждый день.

– Решать тебе, – предложила я восьмилетнему сыну. – Однако английские глаголы никто не отменял, и я хотела, чтобы ты занялся музыкой. Слух у тебя средненький, но хотя бы освоишь азы музыкальной культуры.

Данька выбрал бассейн, и наступило мучение. Из школы он ехал на тренировку, возвращался домой, обедал и клевал носом над домашним заданием, а тут еще я с английским. «Костями лягу, ты ляжешь, но язык

выучишь, это трудно и нудно только на первом этапе». Дотянули до лета, после каникул Данька в бассейн не пошел. Ему было позволено смотреть мультики сколько влезет, но только на английском языке. Я с ним занималась год, во втором классе. Блестящее знание английского – его собственная заслуга. Особенно он продвинулся, когда мы смогли позволить себе купить компьютер, игры были на английском, хочешь, не хочешь – выучишь.

Даня поступил в университет и предался опасным для жизни развлечениям. Ему следовало жениться еще и поэтому – ради жены и детей не подвергать себя риску. Да и вообще пусть его супруга сходит с ума от волнения. Может, ей больше повезет с психосоматикой, и она не станет, как я, заедать тревогу в процессе бесконечного жевания.

Маша – это мне подарок небес. Если у вас никогда не было дочери, а вы мечтали о ней, если выпало стать свекровью, сын привел девушку – точно такую, какую вы мечтали вырастить, а она уже готовенькая, без двадцати с лишним лет тревог и хлопот, – это и есть подарок небес.

Данька успешный программист, адреналинозависимый эрудит с убийственным чувством юмора, сильно отдающим чернотой и беспардонностью. Очень покладистый – всегда с вами соглашается, но делает только по-своему, не снисходит до споров по пустякам. Девяносто процентов того, что волнует нормальных людей: быт, внутренняя и внешняя политика, жизнь медийных звезд, рост цен, пробки на дорогах – для Даньки пустяки. Для меня-то он единственный и неповторимый, но попробуй с таким сосуществовать!

В период *работы дрелью* я сверлила сыну мозги:

– Конечно! Ты умный человек, поэтому не женишься. Ты знаешь, что непереносим в быту. Прекрасно, что не женишься! Ведь тебя будут возвращать мне через полгода с длинным списком рекламаций. Как неремонтируемый телевизор, который показывает только те программы, которые хочет. Главное, сыночек, чтобы срок гарантии закончился.

– Напротив, не закончился, – поправлял меня Данька. – По гарантии можно подсунуть другой продукт. У меня приятелей много. А без гарантии, компенсируя претензии, ты разоришься.

– Почему, когда я пытаюсь наставить тебя на путь истинный, даже путем трепанации черепа, проваливаюсь сверлом в пустоту?

– Потому что волнуешься по пустякам.

Данька не мог повести под венец безмозглую длинноногую модель. Он

выбрал модель с природным материнским, семейным инстинктом, с отличным экономическим образованием и со свойством, не побоюсь быть нескромной – как у меня: шутить над болью. Не досаждают близким своими несчастьями (проблемами, трудностями, несправедливостями), а шутить. Кто умный и добрый, тот поймет, его не нужно просить. *Паклям-шмаклям будет неудакля!* – на нашем с Данькой языке так звучало напутствие нечутким, эгоистичным людям.

Маша не просто спустилась с небес. Через семь месяцев после свадьбы она из сказочных высей добыла нам сокровище – мою внучку Катю.

Вчера с Катенькой я разговаривала по телефону. Внучка, ей сейчас четыре годика, сказала, что она теперь не Катя, а Екатерина, а потом будет Великой, только ей не хватает платья «как у цалицы бальсой-бальсой чашкой», и я пообещала, что, когда приедет ко мне, я сооружу кринолин из картонной коробки. Екатерина Великая – это она, наверное, смотрела сериал с бабушкой Любой по телевизору. Сейчас как раз по телевизору повторяли «Екатерина. Взлет». Моя сватья, мать Маши, Любовь Владимировна, – личность неординарная, и я о ней обязательно потом расскажу.

Кого-то изображать – это папины гены. Данька в детстве попеременно был пиратом, космонавтом, милиционером... Смена образа зависела от книг, которые я ему читала, потом которые он читал самостоятельно, от диафильмов и фильмов, от пластинок, которые он слушал. После «Человека-амфибии» он вздумал вырастить себе жабры и жить под водой. Целый день проторчал в ванной, ныряя и задерживая дыхание. Я принесла табурет и сидела рядом – как бы не утонул. Жабры вырастить не хотели, а я предложила почитать Фенимора Купера. Через две недели сын уехал в пионерский лагерь и там подбил ребят удрать в лес. *Бледнолицые*, они отправились спасать индейцев. Переполох был нешуточный, Даньку едва не отчислили.

Хорошо, что у девочек, то есть у Кати, фантазии эстетичные, не залихватские и не опасные для жизни. Платье чашкой – это красиво и безопасно.

Я перебирала свой скромный гардероб и думала о детях. Ведь я теперь моложе сына и невестки. Как они отнесутся к подобной метаморфозе?

Сама не знаю, как к ней относиться. Возможно, завтрашним утром я проснусь в прежнем обличье. А если дети нагрянут вечером или через три часа?

Набрала телефон сына:

– Привет, Даняк!

Так я сына называю не часто и только когда нас никто не слышит.

Много лет назад, когда о персональных компьютерах и мечтать не приходилось, я числилась внештатным корректором в издательстве. Брала работу на дом, я вообще мало трудилась в коллективах – не могла оставить сына. В издательстве случился аврал, нужно было срочно вычитать верстку. Чем я и занималась до полуночи, а Данька, придя ко мне после школы, играл на редакционном компьютере. На следующий день я застала редакторов в недоумении. Они тоже были не чужды геймерства, но во всех таблицах рекордов всех игр значился какой-то «даняк».

Я сразу расшифровала и повинилась:

– Следовало написать Даня К. – Даня Калинин. Это мой сын.

Коллеги, уточнив, сколько ему лет (семь), сказали, что Даняк – гений.

– Привет, мам! Хотел тебе звонить. Мы сегодня привезем Екатерину Великую, без кринолина ей жизнь не мила. Оставим на выходные, ладно?

– Здорово! То есть нет! Дело в том, что я срочно улетаю. В Благовещенск. Там моя двоюродная сестра... э-э-э... Вера. Она заболела, буду ухаживать. Я уже билет на самолет купила. По Интернету, теперь это просто. – Врать надо быстро, поняла я за десять секунд. – А в моей квартире пока будет жить дочь Веры, моя тезка, только Шура. Милая девушка, на меня в молодости похожа.

– Погоди-погоди! – насторожился сын. – Что-то не так. Я первый раз слышу про твою сестру.

– Мы недавно нашли друг друга, в «ВКонтакте», то есть в «Одноклассниках», не виделись с детства, стали активно общаться.

– Все это нелогично и странно. Дочь бросает больную маму, а ты летишь на край географии. И с каких пор ты в соцсетях тусуешься?

Я почти физически чувствовала, как в мозгах сына выстраиваются, то есть никак не выстраиваются логические связи, алгоритмы не складываются. Надо этот процесс прервать, запутать еще больше, подбросить в топку хаоса еще больше абсурда.

– Девушка приехала в институт поступать. Нелогично! – с обидой воскликнула я. – Вы постоянно упрекаете меня, что сижу сиднем, а когда я собралась в дорогу, возникают нелепые подозрения. В этом есть логика? Ты меня, Даня, удивляешь! Тороплюсь, скоро придет такси. Целую! Буду

звонить! Пока! – Я нажала «отбой» и шумно выдохнула: – Фу-у-у... – и вытерла несуществующую испарину на лбу.

Голой (надеть-то мне нечего) разговаривать с великовозрастным сыном, врать на чистом глазу! Почти *стать героем* или *принять ислам*. На интернет-сленге, которым в совершенстве владеет мой сын, это означает «умереть». Представляете, как веселился Данька и ему подобные, когда запустили рекламу видеокамеры со слоганом «Стань героем!». По Данькиной терминологии я *граммар-наци* – человек, помешанный на правилах орфографии и пунктуации, не любящий вульгарных кáлек и пошлых заимствований лексики. Данька специально меня дразнит, употребляя интернет-сленг, и то, что сейчас разговаривал литературно, означает, что сын серьезно напрягся. А что было бы с ним, узнай он правду?

Вернемся к гардеробу. Молодое тело требует модной одежды. И не хочет сидеть дома. Если бы я проснулась как обычно, то уже завтракала бы, растянув прием пищи часа на два, прислонив электронную книгу к сахарнице, поглощая новый роман. Потом переползла бы в комнату на диван. Дочитав роман, вряд ли села бы трудиться за компьютер. Работа не волк, а поспать перед обедом бывает очень сладко.

Есть совершенно не хочется, аппетит отсутствует. Чашку черного кофе, маленькую, а не привычную литровую бадью кофе с молоком и тремя ложками сахара? Еще, пожалуй, галетку из пачки низкокалорийных сухариков с анорексичной девицей на коробке и надписью: «Контроль веса». Поддалась порыву, купила три недели назад. «Сами ешьте эти куски подметок из отрубей, – рассуждала я еще вчера. – Мне милы пряники, вафли, булки из пекарни». Разрезаешь булку вдоль пополам, намазываешь маслом, на одну половинку щедрый шмат ветчины или колбасы, на вторую – пластинку сыра толщиной в палец. Вкуснотища!

Данька и Маша тоже любят эти булки.

Маша говорила с набитым ртом:

– Надо скинуться на киллера и пристрелить этого пекаря. Объедение!

– Бери шире, – вторил жующий Данька. – Подложить в пекарню бомбу и взорвать, пусть они примут ислам и станут героями.

– Гуманисты вы мои! – радовалась я хорошему аппетиту детей.

Сейчас на булки мне и смотреть не хочется. Куда девать их недельный запас? Положить в холодильник. И почему я продолжаю разгуливать нагишом? Потому что приятно с чашечкой кофе в очередной раз подойти к

зеркалу и полюбоваться на юное тело. Молодость – время здорового нарциссизма.

На выход я выбрала тунику из тонкого поплина – цветастого, в экзотических, из джунглей, растениях – подарок Маши. Невестка давно меня одевает и знает мою униформу – брюки и туники до середины бедра, то есть почти до колена. Джемперы отменяются, в них я потею как престарелый боксер, вздумавший вернуться на ринг. Летом *брюки превращаются, превращаются* – в бриджи. Туники остаются.

Туника *из джунглей* хороша тем, что имела завязки – по горловине шнурок прятался в кайме – и можно регулировать декольте путем стягивания или растягивания шнурка. Надев тунику и затянув шнурок до максимальных сборок, я имела нечто вроде платья-балахона. И выглядела как девушка в пестром наматраснике!

Не будем поддаваться панике! Если взять шелковый шарфик, опять-таки Машин подарок, скрутить его в жгут, повязать вокруг живота (нет у меня живота!) вроде пояска... Ну-у-у... как-то... терпимо. Можно сказать авангардно, если не сказать нелепо. Талию подчеркнули, ножки представили. Когда у меня была талия? В прошлом столетии – и это не фигура речи, а исторический факт.

С обувью швах. Тридцать седьмой размер давно превратился в разлапистый сороковой. Относительно новые кроссовки, но ступня в них бултыхается как пестик для размалывания специй, который кому-то взбрело засунуть в чайник. Большое спасибо современным дизайнерам от высокой моды! Теперь кроссовки носят с чем ни попадя. Видела по телевизору: дивы иностранные в легких платьицах и в кедах, наша очень хорошая актриса на премьере фильма – в вечернем наряде и в кедах. Я тогда подумала: «Куда катится мир? Совсем кутюрье чокнулись!» Они чокнулись к моей большой выгоде.

Я топталась в прихожей перед зеркалом, рассматривала себя в наряде *почти от кутюрье*, немного попрыгала. Выходить за порог было страшно. Хотелось, но страшно. Если на четвереньках... Так! Помолодеть не значит сойти с ума! Вперед! Смелее!

Подход к двери насчитывал несколько попыток. «Правило туриста» – наше с Данькой правило, а теперь уже и его семьи. Сходить в туалет не когда хочется, а когда есть возможность. Кофе я допила? Проверила, допила. Закрывать балконную дверь, вдруг случится гроза, тайфун, смерч, торнадо, служба МЧС передаст штормовое предупреждение и... И что?

Мою квартиру вырвет из кирпичного дома, унесет как домик-фургон Элли и Тотошки? Тут вам не Изумрудный город, а обыкновенная Москва. Еще раз выполнить правило туриста не помешает. Собираюсь на выход с такой ужасной сумкой? Старческий ридикюль! Уж лучше бросить кошелек (телефон, ключи) в пакет.

Ах! Как мы, студентками, ценили импортные пластиковые пакеты! Мы их покупали у зарубежных студентов. Стирали, укрепляли скотчем изнутри и жутко расстраивались, когда пакет приходил в негодность. Мало кто догадывался рассмотреть надписи на пакете. Главное, чтобы было импортно и цветасто.

– Ленка! – однажды схватила я подругу за руку. – У тебя на пакете реклама презервативов! Читай: «Condom for all and forever».

– Сашка! – простонала любимая подруга. – С тобой всегда так! Я за пакет негру с истфака три рубля отдала! И кондом – это не гондон!

– Просто его зарубежный брат, от тети, эмигрировавшей после революции.

– Какие на фото парень и девушка! – чуть не плакала Лена. – Они в секунде от поцелуя...

– Так ведь с презервативом в кармане, – извинительно хихикала я. – Выкини, забудь! Иначе тебе не светит познакомиться с парнем, владеющим английским в программе спецшколы.

– Как же! – возмутилась Лена. – Выбрось! Я его в общежитии вьетнамкам загоню. За пять рублей или даже за семь. У них русский дремуч, без деления на мужской и женский роды, а глаголы без времен: *Я сегодня хорошо вчера покушал* – это она у меня таблетку от поноса хотела попросить. Не в деньгах счастье! С чем я на свидание пойду?

Выбирая достойный пакет, я усеяла пол недостойными из коробки под раковиной в кухне – там хранились пакеты для мусорного ведра. Пластиковая сумка из книжного магазина: интеллигентная, с изображением книжных полок, приятного цвета, почти не мятая.

Я готова на выход. Надо идти! Почему надо? Кому надо? Новому телу, то есть старому, то есть не старому, а юному...

Лифт. Я всегда поднимаюсь и спускаюсь на лифте. Живу на третьем этаже. Я не видела ступенек между этажами много лет.

Данька, охламон-озорник, тогда студент, повесил в подъезде объявление: «Внимание! Лифт вниз не поднимает! Будьте осторожны!» И люди ходили пешком. Кроме меня никто не увидел нелепости *вниз не*

поднимает. Я объявление сорвала. Данька потешался: «Инерция мышления у людей зашкаливает!» У меня сейчас зашкаливает страх, иррациональный и одновременно щекочаще-приятный. Как в детстве, на даче, когда я, на спор, ночью отправилась на деревенское кладбище нарвать черемухи.

Лестница, металлическая дверь на улицу, крыльцо, двор, припаркованные машины, детская площадка, мамы с колясками, дворники-таджики сбились в группу, о чем-то лопочут... Они меня рассматривают! Мою грудь, не упакованную в броню лифчика. Спокойно! Они еще не знают, что я без трусов. Хорошо, что нет ветра. Помните, знаменитый кадр, где у Мэрилин Монро вздымается юбка? Фильм назывался «Зуд седьмого года», и потоки воздуха, хулиганившего с платьем, дули из вентиляционных решеток в асфальте. Такие имеются только в Америке? Вдруг у нас тоже появились? Я медленно двигалась и осматривала землю как минер на задании.

– Что-то потеряли? – подошел ко мне один из дворников.

Я тарасилась на дворника, подозревая, что его элементарный вопрос подразумевает замаскированное: «У тебя под платьем ничего нет, дэвушка?» Таджик улыбался открыто и дружелюбно, из-за затянувшейся паузы слегка смущенно. Если не ответить, повернуться и уйти, воспримет как проявление шовинизма, обидится.

Буду честной.

– Потеряла. Плоть. Почти сто килограммов. – Конец фразы я пробормотала тихо, неразборчиво. И снова повысила голос: – Если найдете – ваша!

Вряд ли он знает значение слова «плоть». Но, кажется, занятие дворникам по поискам плоти я обеспечила.

До метро ближайший путь по Сокольнической Слободке, но я свернула на Маленковскую улицу. Там, недалеко от моей бывшей школы, есть торговый центр с гуманными ценами.

В кошельке две с половиной тысячи рублей, на карточке – двадцать три рубля, пенсия поступит только через две недели. У меня есть солидные накопления – триста семь тысяч шестьсот долларов. Но эти накопления надо еще выцарапать, вырвать, отбить, что без нижнего белья сделать проблематично. Я буду чувствовать себя беззащитной, как рыцарь без доспехов и алебарды перед лицом хорошо вооруженного противника.

Продавщица, милая девушка, со мной намучалась. Я не знала размеров своих бюстгальтера и трусов, я очень удивилась, что для определения размера лифчика потребовалось измерить сантиметром мой торс (у нас-то было просто – номер один, два или, о, счастливицы, три), я хлопала глазами при виде трусов, представлявших собой композицию из тонких ленточек, или шортиков с «усиленной попой» (у них сзади были спрятаны меж слоев ткани два поролоновых блина), или *трусов корректирующих* (утягивающих живот, бока – кому что надо)...

– А вы откуда? – вырвался у продавщицы вопрос.

Я хотела ответить: *с Урала*. Но вряд ли девушка поняла бы эту цитату из фильма Геральда Бежанова «Самая обаятельная и привлекательная».

– Живу в квартале отсюда, – честно сказала я.

– Болели?

– Посттравматическая амнезия, – проямлила я. – Шла по улице зимой, гололедица, упала, стукнулась головой, очнулась – гипс и ничего не помню: как зовут, где живу, маму с папой не узнаю. Полгода лечили, теперь пытаюсь заново войти в действительность.

– Отпад! – восхитилась девушка. – Обожаю кино про амнезию. Я тебе, – легко перешла она на «ты», – еще двести рублей сброшу.

– Огромное спасибо! Можно всё это, – показала я на выбранное белье, – здесь у вас, у тебя надену?

Примерочной и зеркала в крохотном магазине не было. Продавщица взяла в руки какую-то простынку, закрыла меня, как прикрывают полотенцем на пляже человека, меняющего мокрый купальник на сухое белье:

– Одевай!

– Надевай! – автоматически поправила я, сбрасывая балахон.

– А?

– Одевать – кого: ребенка, подругу, парализованную бабушку. Надевать – что: платье, шапку, пальто. Лифчик велик!

– Снимай, другой размер дам, хотя у нас примерять не положено.

Пока она искала меньший размер, я стояла укутанная в простынку. Дружеское участие, женская солидарность подействовали на меня вдохновляюще. Если бы, выйдя из дома, я столкнулась с агрессией, попала впросак, оскандалилась, оконфузилась, то испуганно рванула бы обратно.

Пусть само собой рассосется. Мои проблемы, если их не решать, рассасываются гораздо быстрее, чем если ими заниматься. В этом вся моя философия.

Напоследок продавщица, добрая душа, почти подруга, видевшая, что в кошельке у меня осталась рублей тысяча с небольшим, сказала:

– В подвале соседнего дома открыли секонд-хэнд, там за копейки можно прилично одеться.

– Спасибо тебе огромное! – искренне поблагодарила я. – Ты даже не представляешь, как много для меня сделала!

– Да ладно! – отмахнулась девушка. – Заходи!

– Непременно! Если... если амнезия не вернется.

Итак, уже трижды и за короткое время я обманула: Светлану Ильиничну, сына, продавщицу. Поставила личный рекорд. Обычно я избегаю вранья. Не потому, что я личность хрустально-нравственная, а потому что брезгливая – лукавство для меня прочно связано с душевной грязью, и к тому же я ленива: вранье надо помнить, а мне это, как выражается Данька, в лом. В дальнейшем – определенно – количество обманутых и масса вранья будут только возрастать. Получила новое тело – будь любезна заодно принять связанные с ним правила игры.

Игра – вот подсказка. Как сказал Вильям наш Шекспир: «*Весь мир – театр и люди в нем актеры*»^[1]. В другом переводе развернутее: «*Весь мир – театр. В нем женщины, мужчины – все актеры. У них свои есть выходы, уходы, и каждый не одну играет роль*»^[2]. Не одну, обратите внимание! Выражение «*Totus mundus agit histrionem*» (весь мир играет комедию) украшала здание театра «Глобус», для которого писал свои пьесы Шекспир.

В подвальном секонд-хэнде пахло мерзко. Я потянула носом, замерла, скривилась.

Продавщица, такая же милая девушка, как давешняя, в «Нижнем белье», но усталая, не иначе как отравленная постоянной химической атакой, на невысказанный мной вопрос (Чем тут воняет?) с монотонной привычностью пояснила:

– Дезинфекция, повышенная химчистка, весь товар проходит специальную обработку. У нас имеются брендовые, абсолютно новые, ненюшеные вещи, в том числе из гардеробов ультразвезд Голливуда и Европы.

В ее, продавщицы, воображении Голливуд был, вероятно, таким же

континентом как Европа или Европа – страной, как и Голливуд.

– Убедили! – с излишним энтузиазмом воскликнула я. – Мне нужны брендовые джинсы с прорезами и футболка, исконно неношенная. Все – на тысячу семьсот двадцать рублей. Больше у меня ни копейки, а надо выглядеть стильно. Очень надо!

Дырявые джинсы, я убеждена, еще один признак беспомощности дизайнеров моды. Что им (потребителям) еще навязать (впендюрить, втюхать)? Что еще абсурдное?

Когда художник не обладает истинным художественным даром, когда он не способен достучаться до сердца образами на полотне, когда его кисть беспомощна, когда он маляр, а не живописец, он придумывает полотна с цветовыми пятнами, кульбитами ломаных линий, с приклеенными перышками и мелкими зубчатыми колесиками – деталями часов. Называет это как-нибудь вроде «Муки Вселенной». Зритель стоит, пялится, пытается соответствовать, художник-то модный! Зритель изображает постижение идеи. Народ – пленник моды и модных идей.

Данька никогда не был Народом и Зрителем, кодированным технологиями массового потребления (одежды или произведений искусства). Но однажды заявился ко мне с Машей и Катенькой, наряженный, как внучка и невестка, в дырявые джинсы. У Маши прорезы с бахромой красовались на левом бедре и ниже правого колена. У Даньки они шли как тире – по обеим ногам сверху донизу. У внучки стильные мелкие дырочки проклюнулись там и сям.

– Бедные вы мои! – всплеснула я руками и припечатала ладони к щекам. – Как износились-то! Рвань на рвани рванью погоняет, хоть на паперть идти за подаванием. Ручки протянуть, добрые люди монетку бросят. Может, я вам, детки, свою пенсию стану отдавать? Оденетесь по-людски, а там, глядишь, и повернется к вам судьба...

Маша и Даня мгновенно включились в игру, хотя их реплики были из разных пьес.

– Сто долларов, – выставила Маша ногу вперед. – Сто пятьдесят, – ткнула в колено Даньке. – Гуманные тридцать на Катюхе. Фирма!

Она потешалась, я видела. Потешалась надо мной – деликатно, с подмаргиванием, над мужем – с иронией.

– Какая разница, – говорил Данька, – чем зад прикрыть? Если Машке хочется, пусть покупает. Но в желтом халате кришнаитов я на работу не пойду! Машка! Я тебе авторитетно заявляю! Мама! Не дай ей купить мне облачение «Хари Кришна!»

Маша снова мне подмигнула, шумно вздохнула, прижала руки к груди, изобразила затаенный страх, повернулась к Даньке:

– Как? А ради нашей любви?

Я не выдержала, расхохоталась. Что я, не видела в кино, в чем нынче молодежь щеголяет? И, наконец, предоставила слово Кате, ради которой и затеяла этот спектакль. Пусть в памяти у внучки останется маленький штришок, точка, запятая, вопрос: почему бабушка странно отреагировала на дырявые модные джинсы.

Благие намерения воспитателей, рассказывающих о подвигах героев против разбойников, нередко имеют противоположный эффект: разбойник нравится больше, чем герой. Русский фольклор вообще антипедагогичен: лежи на печи, потом тебя печь сама повезет, и женишься на царевне.

– Хочу на патвельть (паперть)! – заявила внучка. – Бабушка, где патвельть? Мне там денежек дадут? Я видела. Надо так...

Катя плюхнулась на пол, трогательно протянула ручку и скривилась плаксиво:

– Памагите-е-е! Фвлиста лади! На пловитание! (пропитание, очевидно).

Неудивительно, что она видела подобное. Недалеко от нашего дома находится храм Воскресения Христова в Сокольниках. Маша верующая, ей нравится этот храм, и она часто водит в него дочь.

Маша и Даня оторопели, не нашли в первую минуту, что сказать.

Даня, мой материнский привет из твоего детства! Внуки, как известно, отомстят нашим детям. За твое цитирование классики в неподходящие моменты. Трехлетний Данька наизусть знал «Конька-Горбунка». К нам пришли гости, уселись за стол, Данька оглядел их и изрёк: «Тьфу ты, дьявольская сила! Эк их, дряней, привалило!»

– Вы тут разбирайтесь, – сказала я. – Мне надо ужин подогреть.

И улинула на кухню. Я не вмешиваюсь в воспитание единственной и ненаглядной внучки, просто вношу сумбур.

Мое желание купить дырявые джинсы, исходя из вышесказанного, не просто отдает снобизмом, а предстает абсолютным ханжеством. На первый взгляд. Ведь остается мир – театр, опять-таки смотрите выше. Театр – это костюмы.

С помощью продавщицы я подобрала джинсы, были ли они ношенными, по линялой ткани не определить, но обтягивали меня как рейтузы гусара, побывавшего в сражениях – прорехи добрая маркитантка еще не успела заштопать. Белая футболка с веночком мелких цветов,

рассыпанных по диагонали от правого плеча до низа, определенно новая – с биркой.

Я так нервничала, примеряя, что не закрывала рот. Поведала продавщице, что во времена, когда о футболе не слышали, сей предмет туалета назывался фуфайка, можно удостовериться в словаре Ушакова, хотя в четвертом издании словаря Ожегова уже появляется синоним фуфайки – ватник. Исполнее, разряд поддевок, вдруг становится верхней одеждой. Катавасия с названиями, определенно, началась после революции, когда с одеждой было крайне плохо, усилилась и закрепились в тридцатые репрессивные годы, когда лагерные термины влились и укоренились в языке...

Всё это я моросила безостановочно, примеряя джинсы и футболки, они же фуфайки, коротайки, душегрейки, поманихи, кобатейки, бузурухи...

В результате продавщица стала обращаться ко мне на «вы». Знаменательное отличие: предыдущая девушка в «Женском белье» от «вы» перешла на своё обращение, а в секунд-хэнде, напротив, от дружеского тыканья – к почтительному «вы». Я ей совершенно задурила голову поманихами и кобатейками.

Вдобавок я стала вываливать сведения об охране труда.

– Вы на вредном производстве! При такой вонище! Вам полагается дополнительный отпуск, прибавка к зарплате, как минимум – молоко за вредность.

– Какое там! – скорбно трясла головой девушка. – В Москве на птичьих правах, сама-то я с Украины, з-под Днепропетровска. Тут, в подвале, мало кто выдерживает, а у меня ни насморка, ни слез, ни крапивницы!

Она так трогательно говорила об отсутствии аллергии. Словно призналась в музыкальной бездарности: нет у меня слуха!

– Вы должны благодарить родителей за отменный иммунитет! – воскликнула я, предварительно попросив разрешение надеть на себя покупки.

– От хозяйки не то что молока, ста рублей к зарплате не допросишься, – жаловалась девушка.

– Вы ей намекните на то, что знаете трудовое законодательство!

– А она мне – миграционной службой!

– А вы ей – *сама штраф заплатишь и в миграционную службу, и в налоговую*. Где она еще найдет продавщицу без аллергии? Такие дети, наверное, остались только выращенные з-под Днепропетровском.

– Точно! – Девушка заметно взбодрилась. – У нас все в целом большом

большинстве здоровые.

– И пусть ваша хозяйка имеет в виду, что сенсбилизация организма имеет пределы. Иными словами, вы полгода дышите отравой, а потом ваша иммунная система говорит: «Хватит, я устала!», и вы имеете весь аллергический набор – от насморка до удушья с последующей астмой.

Девушка напугалась:

– Может, мне уволиться к чертовой матери? – И тут же встряхнулась: – Пока не уволились, надо слупить с хозяйки что можно. Я ей скажу, что заходила женщина ученая по аллергии, вы же типа студентка? Почти доктор. Как, еще раз? Синсиби... Я запишу.

Ученым следует изучить методику выращивания детей *з-под Днепропетровском*. Вырастают кровь с молоком и обладают психикой, устойчивости которой позавидуют космонавты.

В ходе этой «научно-практической» беседы я умудрилась придать своему секонд-хэндовскому туалету легкий штрих – просунуть в шлёвки пояса джинсов скрученный шарфик вроде пояса. Мне хотелось что-то прежнее, свое, оставить в наряде.

Я так и сказала, то есть спросила:

– Как вам шарфик? Мне нужен якорь, пусть самый маленький и незаметный, но из прошлой жизни.

Девушка пропустила *якорь из прежней жизни*, она как раз записывала по слогам: «синсбилизация ни бисконечна сказала имунолог». Букву «е» девушка явно недолюбливала. Закончив, вскинула голову:

– Клёво. Но по центру нехорошо концы висят, как из ширинки поникшие члены.

Я не ожидала от нее литературного «поникшие» и не могла вообразить несколько членов из одной ширинки.

– «Сенсбилизация» – первое «е», дальше все «и», – подсказала я. – «Ни» исправляем на «не», «бесконечна» пишется через «е», «имунолог» с двумя «м». Шарфик не подходит?

– Классно смотрится, я ж говорю. Только узел справа или слева на одну шлёвку вбок отступить.

Я выполнила рекомендацию и осталась довольна: ниже талии (теперь брюки носят ниже нижнего предела на торсе) свешивались лопушки шарфика, я их, нежно шелковые, могла потрогать и обрести воспоминание-уверенность.

С девушкой-продавщицей мы расстались не подругами вась-вась (как в «Нижнем белье»), а подругами ровесницами, одна из которых вырвалась в научную заумь, а вторая нашла в себе почтение и уважение к тому труду,

что потребовался, чтобы вырваться, и даже перешла на «вы».

Поднявшись по ступенькам из подвального магазина, я полной грудью втянула условно-чистый воздух: смесь нагретого асфальта и выхлопных газов автомобилей – после химической атаки он показался мне хрустально-горным.

Ну, итак?

Бабушка говорила, что у моего деда счетовода-звездочета была привычка в разговоре вставлять: «Ну, и так?» – когда ему надоедали досужие плаканья, стенания и прочие озвучиваемые горести пришедших гостей и родственников. Они имели полное право жаловаться, времена-то были тяжелые. С другой стороны, время – общее, одно на всех, а нытиков я тоже не люблю. И еще дед, когда щелкал на счетах, выискивая пропавшие две копейки, время от времени спрашивал себя: «Ну, и так?»

Я знаю, что не только черты лица, но и черты характера, не только строение фигуры, но и жесты, повороты тела, кулинарные, художественные, эстетические пристрастия, моральные принципы и нравственные установки передаются генетически. Если вы скажете, что словечки передаваться не могут, не стану спорить. Это уж слишком. Возможно, не с ДНК, а от воспоминаний бабушки, от собственного подросткового *себяделания*, из-за оторопи, которую вызывала у окружающих моя фантазия, появилась у меня привычка тормозить, спрашивать себя: «Ну, и так?» Периодическое подведение итогов и деланье выводов.

В чередѣ заурядно периодического было и по-настоящему судьбоносное.

Ну, итак, ты написала анонимное объяснение в любви Жене Уколову. Ваши, девушка, выводы, заключения, планы?

Я сочиняла не в стихах, но с мукой посрамленной девичьей гордости Татьяны Лариной «*Теперь, я знаю, в вашей воле меня презреньем наказать...*» и с мольбой, когда он, Женя, меня (конечно!) вычислит, он никогда-никогда не будет вспоминать об этом письме. Послание на Женю произвело впечатление. Оно действительно было проникновенным, я неделю сочиняла. Женя почему-то в адресаты выбрал блеклую, туповатую Иру Комарову и стал с ней дружить-встречаться. Наш девятый «Б», а также

педагоги не могли объяснить этого выбора самого выдающегося юноши. А меня, внутренне дребезжащую от испуга, страха и надежды, все: родители, подруги, учителя – посчитали больной. В инкубационном периоде какой-то страшной хвори, вроде желтухи, то есть гепатита, – как у Игоря Смирнова из восьмого «А», из-за которого пожелтело полкласса и трое учителей.

Выводов, они же планы действия, два.

Первый – подойти к Жене и признаться в авторстве. Как он мог допустить, что вяломозглая Комарова способна найти *такое* описание чувств в длинном сложноподчиненном предложении с однородным подчинением: *когда я вижу твой профиль... когда ты злишься... когда ты смеешься... когда случайно проскальзываешь по мне взглядом...* Подойти и открыться – это погибнуть, умереть на месте, потому что у меня уже нет сил. В школе я безучастный автомат, поглощающий знания и выдающий их при ответах у доски или на контрольных – помимо воли и сознания. Будто у меня в мозгу есть участок академической занятости, работающий изолированно. Как автомат газированной воды – опустил в щель три копейки, получил газировку с сиропом. Механизм выдачи воды не может быть размером со шкаф, значит, внутри автомата много пустоты.

Я стою перед своим домом и не могу вспомнить, в какой подъезд надо войти, к ужасу мамы я положила коробку со стиральным порошком в холодильник, к недоумению папы новую, нечитанную «Роман-газету» засунула под мойку, где лежат старые газеты, подстилаемые на дно мусорного ведра. Бабушка обозвала меня вредительницей: в бак, в котором на плите кипятилось постельное белье, я зачем-то погрузила свою зеленую кофточку, отчаянно линявшую. Бабушка была помешана на чистоте постельного белья, которое кипятилось, стиралось в машине, полоскалась в трех водах, крахмалилось и синилось. Белоснежная постель, стеклянной гладкости была для бабушки символом хорошей достойной жизни.

Кстати, моя подруга Лена Афанасьева от неразделенной любви забывала таблицу умножения, но с утроенной силой наряжалась, красилась и почему-то зачитывалась кулинарными рецептами. Вот и разбери нас, девушек.

Вывод второй. Ни Татьяне Лариной, ни мне эпистолярное объяснение в любви не принесло успеха, облегчения, утешения, смены линии судьбы. Напротив, добавило горечи, отчаяния, подвело к острому воспалению девичьего стыда. Следовательно, народная мудрость в очередной раз права: девушке негоже первой в любви объясняться. Бессмысленно и травматично для сознания. Коль случилось, протекло, то – забыть, засыпать, замуровать, заасфальтировать, утоптать, утрамбовать. И жить дальше. С клеймом, но

жить.

Ну, итак, меня бросил муж. Поправка. Нас – меня и Даньку. Это даже не больно, это как будто ты – варево, первое блюдо, типа борща. Только основа не бульон, а соляная кислота, в которую день за днем, час за часом бросаются ингредиенты. Не картофель, капуста, морковь, лук, а отчаяние, растерянность, надежды, домыслы, жажда мщения и готовность все простить, лишь бы вернулся. Кислота все сжигает, и внутри тебя булькает адская жидкость. Если в нее ничего не бросать: запретить себе думать, анализировать, проклинать, мечтать – зелье начинает разъедать стенки, и ты чувствуешь, что скоро от тебя не останется даже оболочки. Вывод: надо что-то делать, спастись – хотя бы ради сына. Мама и папа, вижу и не вижу их тревогу, чувствую и не чувствую недоумение: ведь не ссорились, не скандалили. И затаенное: может, мы чего-то не знаем? Сергей был (уже был) такой славный, умный, деликатный. Что не так с нашей дочерью? Порядочные люди почему-то ищут недостатки в себе, в близких и любимых, а не в пришлых варягах. У аморальных натур все с точностью до наоборот – всегда виноват кто-то не свой.

Подруга Лена, на то и близкие подруги, чтобы приходиться в бешенство за нас более, чем за себя, натыкалась на мой протест:

– Усмири свое неистовство, оставь меня в покое, хватит в мой борщ бросать катализаторы!

– Борщ? Откуда борщ? Сашка Калинкина, у тебя всегда воображение зашкаливало. Хватит образности и что такое катализаторы?

– Вещества, ускоряющие реакцию, но не входящие в состав продуктов реакции.

– То есть стой я в стороне?

– У меня сейчас весь мир в стороне.

Ленке Афанасьевой (у нас со школы была привычка называть друг друга по имени и фамилии) я позвонила, когда «Ну, и так?» не действовало, когда ничего не действовало, даже мысли о Данькином будущем. В котел уже все брошено, новых ингредиентов не поступает, изъязвленная оболочка ползет по швам.

– Ленка! – позвонила я подруге. – Подыхаю.

– Вот теперь ты правильная женщина! – одобрительно отозвалась подруга. – А то не подступись к тебе ни родителям, ни мне, ни черту лысому. Между прочим, когда Галка, сестра нашего Вити, разошлась с мужем, она ему в кальсоны, которые он в числе прочего забирал из квартиры, насыпала дусту. Чтоб чесался, чтоб знал, чтоб ему до не

излечиваемой экземы. И это по-нашему! А Вероника Никаноровна! Помнишь, квартира под нами, хореографическое училище, балетмейстер. Не надо было выходить замуж в сорок лет за двадцатилетнего и голубого до синевы. Но она ему куртуазно отомстила...

Ленка говорила и говорила. Приводила примеры разводов, в которых муж оставил жену. Ленка трещала с вдохновением человека, который долго копил и, наконец, получил возможность выплеснуть. Я слушала. Ленку радовало, что я не обрывала монолог.

Потом насторожило:

– Сашка Калинкина? Ты где?

– Я здесь. По паспорту Калинина.

– Ты позвонила... что-то от меня хочешь? Могу помочь? Калинкина-Калинина! Ты никогда не умела просить. Так не живут в советском обществе. Мы: один за всех, а все за одного. Ой, ты говорила, что если не выскочить из пионерских лозунгов, то навечно останешься с красным галстуком на шее. Сашка, не томи, проси, пожалуйста! Что ты молчишь? Совести у тебя нет! Я уже месяц на работе и дома одними междометиями огрызаюсь!

– Ленка, съезди к нему, пожалуйста! Поговори. Почему? Почему пусть не мне, Даньке не объяснил. Это какая-то невообразимая степень презрения. За что? Когда казнят, прежде чем казнят: четвертуют, сажают на кол, вешают, расстреливают – произносят приговор. Я не знаю текста приговора. Ты спроси Сергея. Без текста приговора мне не выкарабкаться.

– Он ведь оставил записку?

– Из двух предложений. Одно простое, второе односоставное, определительно-личное. «Я ушел. Не звони!»

Записку я обнаружила на столе, когда мы с Данькой вернулись из Евпатории, Сергей почему-то не встретил нас на вокзале. У Даньки за прошедший год было четыре бронхита и одно воспаление легких – он кашлял безостановочно, с ноября по май. Данька напоминал узника фашистского детского концлагеря. Папа продал свою коллекцию монет, уникальную, и я с сыном на три месяца уехала в Крым. Планировалось, что Сергей присоединится к нам в отпуске, но у него не получилось, не отпустили с работы. Я ему писала на четырех-шести страницах пространные письма, он изредка присылал открытки. На их лапидарно повторяющийся стиль и беспомощные восклицательные знаки я почему-то не обращала внимания. «Купайтесь, наслаждайтесь! У меня – швах на работе! Не продохнуть, не вырваться! Обнимаю!» Какой мог быть «швах» в институте у младшего научного сотрудника летом?

Лена Афанасьева хороша в ярости и во гневе. Лицо у нее простоватое, чуть сонное, *курско-орловского замеса*, по выражению Юры, Ленкиного мужа. Не исключая, что ради того, чтобы увидеть, как преобразается жена, как распахиваются ее глаза, взлетают брови, трепещут ноздри и пляшут губы, Юра нет-нет да и доводит ее до злого исступления.

Ленка пришла к нам в состоянии: *хочется рвать и метать, рвать и метать* (Бывалов в исполнении Ильинского, фильм «Волга-Волга»). Подруга была хороша необыкновенно.

Дверь за ней не успела закрыться, как Ленку прорвало:

– Он сволочь, зараза, предатель и скотина последняя!

– Ты видела Сергея? – спросила я.

– Да! Этот мерзавец хотел уклониться, но я пригрозила, что пойду в партком института и буду разговаривать с ним в присутствии членов бюро. Тогда он сказался больным. А я к нему домой нагрянула! В высотку на площади Восстания. Он тебя давно обманывал, потому что она уже сильно беременная, на шестом или седьмом месяце.

– Высотка? – спросил папа.

Мы все толкались в прихожей: мама, папа, я, Данька.

– У беременных большой живот, – сообщил Данька, – но только у женщин.

– Важное уточнение, – сказал папа. – Беременных мужчин можно определить по глазам, когда они вынашивают идею. Пойдем, внук, я тебе поведаю, как рождались гениальные открытия. Женщины пусть поговорят о своем, о девичьем.

В рассказе Лены вводными словами, постоянно мелькавшими, были «провинциал» и «трамплин». К провинциалу Сергею пристегивались малопочетные эпитеты, а трамплином, без уничижительных определений, была я. Благодаря трамплину пронырливый провинциал вскочил в семью своей плебейской провинциальной мечты – обрюхатил дочь заместителя министра мелиорации...

Дальше порога в сановную квартиру Лену не пустили, но я могла предположить, что облик моей подруги, восхитительно гневный, заморозил и замминистровскую жену, и домработницу, и беременную любовницу, и провинциала-слизняка, и его мелиоративное высочество, на заднем плане мелькавшее. Лене показалось, что говорила она, то есть обличала Сергея, едва ли не час, даже охрипла. На самом деле, наверное, не больше десяти минут орала, пока Сергей и домработница не вытолкали Ленку за дверь.

Я слушала подругу, понимала каждое слово, но смысл до меня не

доходил, растекался по сознанию как масло по воде, не смешивался. Хотя ведь у меня было не сознание-вода, а сознание-кислота. Разве кислота не смешивается с жирами? В школьном аттестате по химии «пятерка»...

– У нас все будет хорошо, – сказала мама, когда Ленка выдохлась.

Мама произносила эту фразу в самые тяжелые периоды жизни. Между делом, при мелких горестях – никогда.

Умерла бабушка. Старенькая, полубезумная, сверхбезумно любимая и одновременно утомившая нас до крайности. Горе. Потеря. Стыд и раскаяние, потому что ждали ее смерти. Мама, как заводная, повторяла про *всё у нас будет хорошо*.

Я взорвалась на поминках, выпалила:

– Хорошо? Что может быть хорошо, когда нельзя вернуть любимого человека? Это твое вечное прекраснотушение! Наивная вера, что у хороших людей обязательно сложится хорошо. А у них все плохо! Навсегда! И не перед кем извиниться!

Мама тогда, на поминках, ничего мне не ответила и сейчас не удостоила даже взглядом. Повернулась к Ленке:

– Спасибо! Твоя помощь бесценна. Только я хочу предостеречь тебя, девочка. Не стоит вводить в свой лексикон слово «провинциал» как синоним прохиндейства или мелкого недостойного честолюбия, чванства. Твой муж Юра появился на свет не в роддоме Грауэрмана на Арбате, а в сельской больничке под Красноярском. Юра прекрасный, достойный человек. У нас все будет хорошо.

Я так никогда и не смогла подняться на ту нравственную высоту, которая покорилась моей маме.

Ну, и так? Иду по Маленковской. Я одета правильно, не выделяюсь. Я сообразила, что нужно скорректировать походку, не качаться привычно – утицей из стороны в сторону – как беременная или толстуха. Мне почти не страшно. Благодаря недолгому общению с двумя продавщицами я обрела уверенность, которую не всякий американский психотерапевт внушает своим пациентам за многомесячную терапию. Знали бы девушки, сколько получают зарубежные целители психики! Я же в «Нижнем белье», по сути, расплатилась необязательными основами грамотности. «Надеть» и «одеть» путают все: от артистов до президентов. Эти паронимы, кажется, различают только грамматические гурманы. В «секонд-хэнде» я вещала про охрану труда, был ли в этом практический смысл, под большим вопросом. Обмен вербальной информацией произошел к моей большой выгоде. Если

я разбогатею, то есть вырву свои кровные тысячи долларов, то обязательно наведаюсь к девушкам, подарю им... По букетику цветов хотя бы принесу.

Ничто так не поднимает нам настроение, как планы благородных поступков. Свершать их, правда, необязательно. Ты уже получил удовольствие от планов, умилился своей доброте и человеколюбию.

Маленковская улица упирается в Русаковскую. На углу слева восточный ресторан. Когда-то в этом здании был кинотеатр «Молот», потом детский кинотеатр «Орленок». Сюда я бегала девчонкой на «Морозко», потом водила сына, потом он сбегал с уроков на «Бриллиантовую руку».

Мне нужно налево – к метро. Опять-таки вдоль очереди ресторанов. Их кухня мне знакома, хотя я ни разу ни в одном не была. Доставка на дом. Данька перед прибытием заказывает: *«Мам, чего тебе у плиты париться? Я закажу в японском суши и роллы (баварские колбаски – в немецком, чебуреки и плов – в среднеазиатском)»*. Только никогда не заказывает в ресторане на месте «Орленка». Затрудняюсь сказать: ресторанный ужин – свидетельство заботы сына или неприятие моей стряпни. Скорее все-таки первое: толстой одышливой маме не идти за продуктами, не стоять у плиты.

Сокольническая Слободка – следующая улица, параллельная Маленковской. Когда-то мы здесь с сыном гуляли, и я рассказывала ему про древние Сокольники, про просеку, вырубленную в лесу, где стояли избы сокольничих, тренировавших птиц для царской охоты, называла имена любимых соколов русских царей... Дальше на северо-запад через речку Яузу – Преображенское, мы туда доходили. Это уже времена Петра Первого, самого неоднозначного из русских правителей, реформатора и душегуба похлеще Ивана Грозного или Сталина. Русская история, в отличие от русского фольклора, изобилует драматичными, неоднозначными в оценках событиями и персонажами.

На углу Сокольнической Слободки и Русаковской улицы (название не имеет отношения к лесным зверьям, улица названа в честь И. В. Русакова, врача и революционера, погибшего при подавлении Кронштадтского мятежа) стоит высокий дом, в тридцать с лишним этажей, имеющий собственное имя, точно поместье в Англии, – Дом в Сокольниках. А мой дом почти рядом, в восьмистах метрах, он дом где? На Марсе? Мой дом – с маленькой буквы. А этот гигантский коренной зуб – с большой. «Зуб» в народе прозвали «Дом с подносом» или «Шляпа» – из-за плоской крыши высоко в небе.

Лет пятнадцать назад жители нашего микрорайона выходили на митинги (я, конечно, не выходила), собирали подписи против строительства этой высотки, я расписывалась во всех челобитных, что приносила Светлана Ильинична, и просила включить в перечень пунктов «против» – «ЭТО СТРОЕНИЕ ЗАКРОЕТ НАМ НЕБО!» «Что им небо, – отвечала старшая по дому, – когда такие бабки. Надо напирать на старые коммуникации». Хотя небо – это очень важно. Раньше мы выходили из парка Сокольники, шли по аллее и перед нами был простор. А теперь перед глазами торчит здание гостиницы за скромным павильоном метро, на противоположной стороне Русаковской. Точно гнилой зуб. Стоматологическая обстановка: клык Дома в Сокольниках и кариозная гостиница, справа от которой скромнеет каланча старейшей московской пожарной части, когда-то самое высокое строение в округе.

Так называемая «точечная застройка» в старых районах Москвы кажется мне чем-то крайне нескромным и пошлым. Словно в группу бедных, плохо одетых тружеников затесался разнаряженный нувориш. Применительно к Дому в Сокольниках – это напомаженный Гулливер среди занюханых пигмеев. Стыдно! Русская интеллигенция всегда стыдилась своего богатства и нищеты народа, видела свое предназначение в борьбе за просвещение и счастье угнетенных. Интеллигенция советская в перестроечные времена утратила это качество и рванула в «новые русские» – в необуржуазную, с уголовным душком прослойку.

Наш пролетарский классовый гнев отчасти пригасает, когда между самими новорусскими строениями происходят конфликты. На Сокольнической Слободке стоит дом, один из первых суперэлитных в нашем районе. Не поверите, как называется, – Эгоист. Ни много ни мало вызывающе нахально и непристойно.

Любовь Владимировна, мать Маши, однажды пришла ко мне обескураженная. Она зашла в «Эгоист», спросила, «почем» квартиры.

– Тридцать шесть миллионов, Александра Петровна! Это сколько?

– Нисколько, – ответила я. – Сумма для нормальных порядочных людей смысла не имеет.

Так вот. Когда Дом в Сокольниках взлетел в облака, он закрыл «Эгоисту» небо. «Эгоисту» – эгоистово! Люби себя до невозможности трепетно в тени.

Антибуржуазность, антимещанство, неприятие меркантильных капиталистических ценностей и утех, сохранившиеся у горстки престарелых советских интеллигентов, к которой я себя отношу, имеют свойство растворяться и превращаться в натуральный конформизм, когда

речь заходит о детях и внуках.

Данька хочет жить в Сокольниках. Потому что здесь мама – конечно, причина, но не будем столь уж обольщаться. Данька вырос в Сокольниках, он знает в парке каждый уголок, едва ли не каждое дерево или куст. Это его родина и лучший район Москвы. Данька задумал купить квартиру в Доме в Сокольниках.

Мы там были. Шлагбаум, охрана, вход по пропускам. Стеклянные раздвигающиеся двери (в моем подъезде – металлические, гаражные). Вестибюль с живыми деревцами в кадках, кожаный диван и кресла, напротив них, за стойкой, консьерж в костюме и при галстукке. Лифт зеркальный, то есть все его стены – зеркала. Впечатляет.

Катю восхитило обилие отражений:

– Меня тут так много! И тебя, бабушка, тоже! И мамы с папой!

Из лифта выходим в небольшой холл. На стене картина, пошловатая, честно говоря, репродукция «Утро в сосновом бору» Шишкина, столик и два кресла. Кто тут сидит? Челядь, прислуга, ждущая по утрам позволения войти в апартаменты и приступить к обязанностям? Направо и налево две стеклянные двери. Налево две квартиры, поясняла Маша, по двести квадратных метров, если не больше. Нам – направо. Маша непривычно возбуждена, многословна. Она говорит, что тут, в отдельном, изолированном, но не маленьком предбаннике, прилегающем к ста сорока метровой квартире, можно развесить по стенам Каткины рисунки и поставить напольные вазы или корзины с сухоцветами. Маша увлечена созданием композиций из сухих цветов. Данька тоже взволнован, но прячет свои эмоции за бурчанием: «Эти твои пылесборники!»

Квартира, которую они собираются купить, была неприглядна, если не сказать, что напоминала помещение, где преступники держат заложников, а если выкупа не поступит, то заложников можно легко прикончить. Громадная серая, унылая пустая бетонная коробка. Владельцы не делали ремонт, потому и цена, считают Маша и Даня, приемлемая. Зато тут три стояка! Оказалось, это водопроводно-канализационные подводки. Один – для кухни, два – для ванн и туалетов. Трех человекам не обойтись без двух туалетов и ванн? Ребята ходили по бетонной крошке, и градус их энтузиазма повышался, а мой сходил на нет. Во сколько выльется превратить этот склеп с видом на Сокольническую Слободку и Русаковскую улицу? Возвести стены, сделать пол и потолки, оштукатурить, покрасить, двери установить, сантехнику... Я не спрашивала о стоимости. Я поняла, что и для первого взноса им не хватает, а потом ипотека (на двадцать лет!) под залог моей и Любви Владимировны квартир.

Мы согласны! Мы ради детей готовы съехать в дом престарелых за полярным кругом. Мы знаем, что они никогда не допустят подобного.

Мы так не жили! Мы панически боялись долгов, ведь их надо из каких-то доходов отдавать. «Каких-то», кроме зарплаты не имелось. Наши дети – другие. Смелые, авантюрные, бесшабашные. «Даня, как можно ехать с семейством в отпуск в Грецию (кататься на снегоходах на Алтае, на квадроциклах в Мурманской области), если у тебя непогашенный кредит в банке?» – «Мама, легко! Не парься!»

С Любовью Владимировной мы по телефону давали волю своему возмущенному недоумению. Причем время от времени менялись местами (как хороший и плохой полицейский).

– В Грецию? – пыхтела я.

– Так и меня берут, – каялась Любовь Владимировна. – Паспорт заграничный сделали, визу шлепнули. Ой, не знаю! Вы-то отказывались!

– Неоднократно! Куда мне! В самолете нет кресел для моих габаритов. Да и вообще!

Другой разговор:

– Александра Петровна, это уж ни в какие рамки!

– Что случилось?

– Даня купил Машке автомобиль! Нашлась принцесса! Правда, машина бэу. Трудно ей общественным транспортом передвигаться!

– Купил, значит, имел возможность.

– Какая возможность, если в долгах как в шелках?

– Что Маша говорит? Она ведь вам, как матери, должна признаться!

– Говорит: «Не парься, мама!» В смысле: не волнуйся, – пояснила Любовь Владимировна.

– Но вы-то выпытали?

– Вроде Даня как бы сверхурочно, как бы на халтуре, какой-то проект в смысле компьютерной программы стал делать. Очень денежный. По ночам сидит, глаза как у бешеного кролика – красные. Я ничего не понимаю в этом! – прохлюпала Любовь Владимировна.

Она имела в виду не конкретную ситуацию, а в целом – жизненную установку наших детей.

– Аналогично, – призналась я.

После посещения Дома в Сокольниках мне стали понятны прежде казавшиеся абсурдными действия богатых родителей, которые покупают своим отпрыскам дорожные автомобили. Детки гоняют на них с сумасшедшей скоростью по ночной Москве. Сбивают случайных

прохожих, то есть становятся убийцами, преступниками. Детки сами гибнут – погибают или долго лечатся, остаются инвалидами. Почему? Зачем вы подвергаете своих детей безусловной, когда-нибудь обязательно реализуемой опасности?

Потому что ребенок хочет! Он давно вышел из возраста, когда его можно порадовать (себя, возможно, больше, чем его) новым конструктором или чудесной куклой. Он давно оторвался от вас, живет в реальности, в которой вы не понимаете ни бельмеса. Но вас по-прежнему изъедает потребность порадовать дитятку, увидеть на его лице восторг и благодарность, почувствовать невыразимое счастье его объятий, когда он бросается вам на шею.

Данька, конечно, не пресыщенный отпрыск олигархов, не чокнутый стритрейсер. Но если мне удастся выцарапать свои накопления, на первичный взнос за квартиру в Доме в Сокольниках должно хватить.

Я вхожу в метро. Ступеньки, повороты лестницы... Когда-то пролетала ее птицей. Теперь двигаюсь медленно, с опаской, сердце колотится, как у провинциалки, впервые спускающейся под землю, чтобы пронестись из конца в конец столицы на быстром поезде.

Не люблю выражение «коренной москвич». Оно у меня прочему-то ассоциируется с ржавым автомобилем (была такая машина «Москвич»), вросшим в чернозем. «Потомственные москвичи» – звучит намного приятнее и достойнее. Мы, потомственные москвичи, и примкнувшие к нам новые москвичи передвигаемся в метро как сомнамбулы – оказавшись в нужной точке прибытия, не помним, как совершали пересадку, шли по переходам. Мы движемся в толпе, мы в ней существуем и обладаем умением быть независимыми от толпы, не замечать ее, думать о своем. Это способ существования и выживания в мегаполисе. А вовсе не зазнайство и снобизм, в котором обвиняют москвичей *гости столицы*. Разве мы не выныриваем из транса, не отвечаем вам доброжелательно и подробно, как куда проехать? Хотя в схеме метро разобраться проще простого. Мы, конечно, выходим из себя, когда приезжие провинциалы замирают на сходе с эскалатора, вертят головой в поисках подсказок на подвешенных в вестибюле станции табло. Очень сложно понять, что, сойдя с эскалатора, надо идти вперед, отступить в сторону, но не закупоривать поток народа,

катящийся за тобой по живой лестнице? Это элементарно, гость столицы!

В двух метрах от последней ступеньки частоколом выстроились рамки-проемы. Я знаю – это антитеррористическое приспособление. Народ бодро двигался и мимо рамок, и через них. Значит, рамки отключены. Но при моем прохождении обязательно зазвенит даже отключенная! Я остановилась, точно как гостья столицы, впервые оказавшаяся на эскалаторе. С той лишь разницей, что позади меня была статичная, а не движущаяся лестница. И это не отменяло *дружеских приветствий* из уст обтекающих меня людей, а неделикатный толчок в спину помог проскочить рамку. И она не зазвенела!

Почему касса, в которой продаются билеты, всего лишь одна? Их было шесть или семь. Почему нет очереди к единственному окошку? Спокойно! Возьми себя в руки! Подумаешь, не спускалась в метро лет десять... пятнадцать как минимум! Это не повод для паники, хотя очень хочется рвануть обратно вверх по лестнице, бежать до дома, плюхнуться на ортопедический матрас, перевести дух... А кто будет детям деньги добывать? Потомственная москвичка! Постыдись!

– Девушка, вам помочь?

Молодой человек, для меня и тридцатилетний – молодой. Улыбается как профессиональный обольститель: нежно и снисходительно, покровительственно и обещающе.

– Спасибо, сынок, мне помощь не требуется.

– *Сынок?*

Вытаращил глаза, смотрит на меня с легким испугом и ожиданием забавного представления. Так смотрят на сумасшедших: повеселиться – за милую душу, но вдруг ненормальная девка выхватит ножик и полоснет?

Сынок – у меня выскочило из подкорки. Бабушка постоянно, а мама иногда – называли *сынками* и *доченьками* моих ревущих сокамерников в детском саду, потерявшихся детей на улице, прочую мелкоту, которую требовалось успокоить методом внушения родственного контакта. Теперь подобные обращения не приняты. Но в обиход вошло *брат*. В чем правда, брат? Брат, помоги! Брат, ты меня понимаешь?

– Иди, брат, своей дорогой! – недвусмысленно скривилась я.

Новомосквич, явно отработавший приемчики «помощи» поначалу робким, смазливый провинциалкам, приехавшим в Москву за большой жизненной удачей, не мог подозревать, что его неудачный приступ оказал на меня активное психотерапевтическое действие. Равное воздействию милых продавщиц.

Испугать меня метро! Ха-ха! Я в нем полжизни провела! Вторую

половину – в магазинных очередях за продуктами. Данька болел, часто болел. У меня три работы, все – внештатные. В один конец Москвы отвезти отредактированную рукопись, в другой – перевод с английского статьи про кардиологическое шунтирование, в третий конец приехать в редакцию автомобильного журнала и лечь на пороге, не подняться, пока не расплатятся за статью про японский автомобильный концерн. Платили внештатникам копейки. Каждая копейка была на счету.

Я знаю, как теперь оплачивать проезд в метро! Мне Любовь Владимировна, мать Маши, рассказывала. Приложить к желтому кружку на турникете социальную карту. У нас, московских пенсионеров, проезд в общественном транспорте бесплатный!

У меня есть социальная карта. Я ее приложу, и тут же меня за ручку схватят: «Девушка, позвольте посмотреть на ваши проездные документы!» На социальной карте моя круглая физиономия едва вместились в маленькое фото. «Это вы? Есть документы, подтверждающие личность? Паспорт? Вы тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года рождения? Как не стыдно! Пройдемте, девушка, в отделение милиции, тьфу ты, полиции». И я там буду рассказывать скупающим сержантам про Боровичка из «Морозко»? Как проснулась утром волшебным образом помолодевшая? Я имею право на бесплатный проезд, но доказать это право невозможно. Следовательно, надо ехать за деньги. Приблизиться к кассе, прислушаться, что говорят кассирше пассажиры.

«На одну поездку», «на две поездки» – и получают карточки. Не пяточки, не пластиковые нежно-салатового цвета жетоны, а карточки – типические, похожие на банковские, но попроще. Так, наверное, походят на царственного предка замухрышки бастарды – плоды скоротечного секса на постоялом дворе с прислугой-поломойкой.

Я не буду давать волю фантазии! Проклятая, она тоже получила вторую жизнь. Мне требуется выяснить, сколько сейчас стоит поездка в родном московском метро. На стекле у кассы есть плакатик с пояснениями. Как же мелко написано! Я такое маленькое только в очках +3 разберу. Вижу без очков! Одна поездка – 55 рублей. Батюшки святы! Дороже хлеба! Нарезной батон в интернет-магазине, с доставкой до дверей – 40 рублей. У меня в кошельке сотенная купюра. На одну поездку, на обратную не хватает...

Саша Калинкина! Стыдно, унижительно и без авантюрно, наконец, получив молодое тело, предаваться стенаниям. Вдруг я не раздобуду денег? Как обратно доберусь в свою квартиру – крепость-гнездо, на свою любимую постель, к электронной книге, компьютеру и телевизору?..

Обратись я за помощью, позвони по телефону, меня никто из родных и близких не узнает, мне никто не поверит... Случится конфуз, скандал, комедия положений с шизофреническим душком. И негаданное удивительное приключение рассеется в прах. Я этого не хочу! Я смелая, только трусливая. Мне требуется совершить элементарное действие – протянуть деньги в окошко кассы и сказать простое предложение.

– На одну поездку, пожалуйста!

Я прошла! Чуть не запела, приложив карточку к желтому кружку. Футуристически прекрасный турникет распахнул стеклянные дверцы и пропустил меня. Он, автомат, повторяет это движение тысячи раз в день. Я оглянулась и мысленно поблагодарила его.

Как и Данька, я постоянно читаю фантастику, отечественную и англоязычную. Для нас любой зачаточный робот, сидящий в металлическо-пластиковом теле заурядного турникета, может превратиться в монстра, рубящего пассажиров на куски, посылающего волны приказов своим собратьям на других станциях...

Я должна обуздывать свою фантазию! Она мне всю жизнь испортила! Но с ней, с фантазией, все-таки жить увлекательней. И не она ли сейчас помогает мне справиться со страхом, оторопью и подпитывает меня, посылая в кровь дозированные порции нужного химического вещества – точно капсула, вшитая в тело алкоголика. Сравнение хромает, но всякое сравнение либо хромает, либо зашкаливает.

Вагон, в который я вошла, был тоже футуристичен: ярко освещен, над дверями бегущая строка с мигающим названием следующей станции, между вагонами проходы. Окна закрыты. Работает кондиционер! Устыдись, моя фантазия, ты такого не создавала.

Я ведь помню душные, со спёртым воздухом вагоны, с грязными полами, порезанными вандалами сиденьями... И наши лица: хмурые, недружелюбные, а у тех, кто отхватил сидячие места – опущенные в читаемую газету. А в периодике истерический мрак и тоска: история страны – череда властвующих людоедов, подвиги народных героев – пропагандистские мифы, нас спасут демократия и рынок, пусть и приходится подтянуть пояса. Наивные, мы подтягивали пояса, а кто-то приватизировал недра или разгуливал в малиновых пиджаках и с пистолетами под мышкой.

У нынешних сидячих пассажиров лица тоже были опущены – в сотовые телефоны. Забавно: только человек вошел в вагон, сел, тут же достал телефон и воткнулся в него. И стоячие ухитряются: одной рукой за

поручень, другой телефон перед носом держат. Я специально прошла по проходу, заглянула: они читают? Отнюдь. Читали единицы, кто-то играл, кто-то в чатах перелистывал сообщения, кто-то писал сообщения. Мне стало немного не по себе, точно попала в общество зомбированных. Я перенеслась в будущее, мчусь под землей в суперпоезде... Сотовые операторы вкупе с интернет-провайдерами, с подкупленными депутатами и членами правительства обеспечили вай-фай в метро, превратив граждан... Да, ла-а-адно кликушествовать!

Глупо портить себе настроение, если не можешь его испортить другим.

Я застыла у схемы метро. Как же она разрослась! Жирный паук источился, пустил нити, сардельки-лапки удлинлись сосисками... Что это за вторая окружность после Кольцевой линии? То самое МЦК? Надо бы проехаться. Увидеть Москву из окна комфортабельного поезда. Моя родная Сокольническая линия. После «Юго-Западной» появилось еще три станции – «Тропарево», «Румянцево» и «Саларьево». Очевидно, названия старых деревень, совсем не знаю юга Подмосковья.

– Девушка, вам помочь? До какой станции вам нужно добраться?

Еще один добрый самаритянин.

– Я похожа на неграмотную? На неспособную разобраться в схеме метро?

Моя рефлекторная отповедь пришлась не на матерого омосквитившегося гостя столицы, а на типичного с признаками вырождения потомственного москвича. Лет двадцать пять, не студент, но и не профессионал, невысокий, залысины уже наметились, а юношеские прыщи еще не сошли.

Я всегда питала слабость к молодым людям-приставальщикам, которые были ниже меня ростом. Это ведь своего рода подвиг. На коротеньких симпатяшек всяк западет, а попробуй дылду очаровать.

– Прошу прощения, если был бестактен!

Ему пришлось приподняться на каблуках, а мне склониться. О, это известная фишка в метро! Интим возникает, потому что из-за шума поезда надо приближать губы к уху.

– Извини! – Я улыбнулась и развела руками.

– Скрипач не нужен, – ухмыльнулся он в ответ и двинулся по проходу в конец вагона. Даже по его спине было заметно, что последней фразой он себе обеспечил крохотную порцию самоуважения. Оставил глупую девицу в недоумении.

Девушке было сто лет в обед.

«Скрипач не нужен» – это из фильма «Кин-дза-дза», который я знаю

наизусть. И еще так называется великолепная книга литературоведческих очерков Павла Басинского.

Нам с Ленкой было лет двадцать, еще не замужем, еще без детей.

– Представляешь, когда-нибудь, наконец, к нам перестанут приставать в транспорте и на улице? – закатывала глаза подруга.

– Скорей бы! – так же картинно и притворно вздыхала я.

Приставали не каждый день, чего уж лукавить. Но если ты не ловила мужских пригласительно-ласковых взглядов, завистливо-оценивающих женских, то наступала трагедия. Юбка недостаточно короткая, фасон платья старушечий, туфли ужасные, сумочка отвратительная, стрижка пошлая, макияж несовременный – все плохо-плохо-плохо! Надо срочно что-то с собой делать!

Мы не заметили, как перешли в иной статус. К нам уже не клеились нахальные гости столицы и маскирующие свою интеллектуальность потомственные москвичи. Нам с Ленкой нужно было поднимать детей и подпирать мужей. Ближе к сорока годам к Ленке вернулось *баба ягодка опять*, а у меня неукротимо разрастался целлюлит.

Если бы существовали справочники-самоучители для тех, кто вдруг обрел старое новое молодое тело, то в нем бы обязательно написали, что не следует замыкаться, пугаться, прятаться. Напротив! Вступать в контакты и передвигаться в пространстве. Подобное поведение вызовет резкое ускорение мыслительных процессов, анализа современности, ее сравнения с прошлым, убыстренное впитывание информации, повышение эмоционального статуса, улучшение настроения, закрепление уверенности в себе и восстановление прежних условных рефлексов. Далее шло бы разъяснение: условный рефлекс – тот, что не от природы, а от дрессировки. Вспомним собаку Павлова. (Бедная, нет ей покоя, все вспоминают и вспоминают.) Собаку кормят по звонку, на звонок у нее вырабатывается желудочный сок. После Павлова были опыты над птицами – подтвердилось на сто процентов. Условные рефлексy – залог выживаемости особи. В качестве доказательства может быть приведен пример с Александрой Калинкиной, спустившейся в метро, подвергшейся навязчивому вниманию молодых людей, и стародавние приемы по отваживанию приставальщиков Александра пустила в ход, не задумываясь. Случай Калинкиной, которая благополучно прошла первый адаптационный этап, подтверждает гипотезу о необходимости активных действий сразу после пробуждения в новом старом теле, которое, вероятно, именно в этот момент настроено на

психосоциальное приспособление к изменившимся условиям.

Чистая правда. Это были разные личности: я, что вышла из дома без трусов, и я, что подошла к искомому зданию.

Теперь самое время рассказать, откуда у меня накопленные праведным трудом, но юридически преступные, с неуплаченными налогами, многотысячные накопления в валюте.

8

В детстве с Витей Самохиным я дружила по месту жительства и учебы. Одноклассники, плюс жили в соседних подъездах. Поскольку Лена Афанасьева дневала и нередко ночевала у меня, Витька прилепился к нам обеим. У Лены отец был запойным буйным алкоголиком, а Витька хорошо ладил с девчонками, но плохо с мальчишками. Думаю, пацаны ему завидовали – легко входил в контакт с любой девочкой. Кроме того, Витька не любил и не умел драться – кулаками и словесно. Прекрасный объект для травли, он держался от пацанов на расстоянии. Ни я, ни Лена никогда не испытывали к Витьке-прилипале любовных чувств. Потому что не восхищались им и не уважали. Он был сверхъестественным жадиной, до смешного. Попросишь у него ластик, скривится как от внезапной зубной боли, начнет канючить: «У тебя своего, что ли, нет? Забыла? Посмотри в портфеле, может, на дно упал?» Потом все-таки даст ластик и будет наблюдать, как ты стираешь неудачные штрихи рисунка. Только закончишь – выхватит ластик. Девочки-подростки не способны влюбиться в скупердяя, им подавай щедрых рыцарей. Это уже девушки на выданье придумывают вопиющим недостаткам своих избранников красивые объяснения.

Раздается звонок, мы с Леной переглядываемся, Витька пришел: «Вы уже сделали русский и алгебру? Дайте списать. А еще сочинение задали. Сашка, что тебе, трудно еще одно сочинение надиктовать? Ленка, что тебе, трудно химию у меня проверить? Да, я не решил ни одного уравнения, но записал условия, ведь только ответы подставить».

Семьи Лены и Вити были пролетарскими. Ленина мама сгорала на глазах, пытаясь вытащить из трясины мужа, когда-то доброго и славного, и теперь в короткие сухие периоды тоже славного и доброго, но в длинные запойные – жестокого монстра. У Лены была установка: я так, как они,

жить не буду.

Родители Вити говорили ему то же самое: «Учись, сволочь! Чтобы как мы не корячиться в дерьме!» За плохие оценки отец Витьку порол. В отсутствие отца за двойки и тройки его лупила мать. У Лены были средние способности, большая цель и невероятное упорство, благодаря которому способности развились. У Вити был страх перед поркой и никакой цели, способности ниже средних: квадратные уравнения, двухвалентные вещества, подъемная сила крыла самолета, страдания Онегина и Печорина так и остались для него тайнами за семью печатями. Абсолютно неинтересными и ненужными тайнами.

Я училась легко. Это ведь как кататься на коньках – если умеешь кататься, или плавать – если умеешь плавать. Скользишь – и вся недолга. Прочитала, запомнила, решила (задачи и уравнения). Прочитала, подумала, написала (сочинения по литературе). Ситуация с арифметическими задачами на движение и втекло-вытекло потому и запала мне в память, что заставила пережить интеллектуальное бессилие.

Мама и папа пресекали мою похвальбу.

Однажды за ужином, в отсутствие друзей, я возгордилась, ляпнула:

– Лена Афанасьева и Витя Самохин та-а-а-кие тупые!

Мама посмотрела на меня так, словно я разочаровала ее смертельно. Папа отложил вилку с ножом, поставил локти на стол, соединил ладони, опустил на них голову, посмотрел прямо на меня.

– Гений и злодейство, – непонятно заговорил папа, – долг и страсть, справедливость всеобщая и частная, моральные принципы и утехы честолюбия...

Я повернулась к бабушке, моей безрассудной всегдашней заступнице. Бабушка поняла не больше меня, но ринулась на передовую:

– Сашура вся в дедушку! Чисто он! Звездочет...

Счетовод-звездочет было семейной шуткой, присловьем. И то, что бабушка впервые ошиблась, было невероятно смешно. Мы все, четверо, хохотали как умалишенные. А потом мама и папа говорили со мной о том, что недостойно выпячивать данное тебе от природы – не завоеванное, не добытое тяжким трудом. Так русские интеллигенты себя не ведут...

Бабушка мыла посуду, стояла к нам спиной у раковины. По бабушкиной спине было понятно, что она не одобряет речей моих родителей. Бабушка считала, что мама и папа размягчают меня, вместо того, чтобы выковывать железную личность, прущую напролом в достижении материального благополучия.

Я не раз слышала (подслушивала) их споры.

Папа восклицал:

– Какого благополучия?! Сервантов с хрусталем?! Ковров на стенах?!

Мама подхватывала:

– Чтобы она потратила жизнь на суетные, мелкие, пошлые утехы?

– А без сервантов и ковров? – стояла на своем бабушка. – Что остается? С вашей политикой! Женится на придурочном поэте или на лимитчике, который за москвичками с прописками охотится.

– Выйдет замуж, – говорил папа.

– Кто? – недоуменно переспрашивала бабушка.

– Та, что сейчас ухо к двери приложила.

Я на цыпочках убегала в свою (с бабушкой) комнату. Чтобы осмысливать подслушанное, намечать жизненные перспективы, строить планы самосовершенствования. В голове был сумбур. Я хотела быть такой, как мама и папа, и чувствовала природную, дарвиновскую, правоту бабушки. Я и сейчас не знаю, где истина. Чехов иронизировал над русскими интеллигентами. Они прекрасодушны, благородны, скромны, с достоинством принимают и победу, и поражение. Но они пасуют перед пошляками, мерзавцами и быдлом всех чинов и рангов. Они не умеют сражаться, прокладывать себе путь, созидать общество, о котором мечтают. И нередко заканчивают грустно.

Наши (моя, Лены, Витьки) семьи жили по соседству, в одинаковых квартирах с типовой мебелью. И это были совершенно разные семьи. Родители моих приятелей часто ссорились, а то и дрались в основном из-за денег, то есть их отсутствия. У нас, сколько помню, тоже вечно не хватало до зарплаты. Но мама не поливала папу бранными упреками, а он, озверев, не таскал ее за волосы и не подсвечивал кулаком под глаз.

– Переходим на хлеб и воду, – говорил папа, – затянем потуже пояса.

– Вывернем карманы и вытрясем сумки, – говорила мама, когда не было денег даже на проезд до работы. – Медяки наверняка завалились.

Бабушка крепилась до последнего, до момента, когда не находилось пятнадцати копеек мне на школьный завтрак. Бабушка шла в комнату и возвращалась с рублем, трешкой или пятеркой. У бабушки всегда была записка и раскупоривала она ее с невероятно гордым видом – *вы, транжеры, без меня пропали бы*. Я обожала эти моменты безденежья именно потому, что бабушка преображалась, светила от сознания своей значимости.

Мамы Лены и Вити в теплое время по вечерам и в выходные сидели на лавочках у подъезда, лузгали семечки, говорили о болезнях и сплетничали. Отцы недалеко «забивали козла», то есть играли в домино. Мои родители

каждую свободную минуту читали книги, толстые журналы, газеты. Они обсуждали не соседей, не сослуживцев, не злое начальство, а говорили о прочитанном, о политике, о науке, о многом для моих друзей непонятном, но Лену и Витьку завораживала сама беседа, зримое свидетельство того, что общение в семье может протекать по-другому, не так, как у них.

Мои родители не были ангелами, ссоры между ними вспыхивали нередко. Как всякий ребенок, я боялась этих ссор.

Навсегда запомнила: мама и папа ссорятся, громко, нам, сидящим в соседней комнате, отлично слышно. Я сжалась от испуга, сейчас заплачу. Лена и Витя с интересом прислушиваются. Ловят выражения, вроде: *«тебе не приходило в голову, уважай мою точку зрения, не надо приписывать моим словам несуществующее значение...»*

– Они ругаются? – спрашивает Лена.

Я киваю, мне стыдно, страшно и больно, слезы уже готовы пролиться.

– Везет тебе, – говорит Лена. – Во всем везет.

– Если бы мои так собачились, – подхватывает Витька, – я бы дал свой нос отрезать.

– Потому что он у тебя всегда сопливый, – ехидничает Лена.

Она не смотрит на меня, точно я какая-то заразная или вонючая, мерзкая и противная. А когда подруга поворачивает ко мне лицо, я вижу гримасу зависти столь сильной и безудержной, что понимаю – Ленке хочется изо всех сил меня ударить.

У нас дома Лена и Витька научились есть с ножом и вилкой, не чавкать, не ставить локти на стол, пользоваться салфеткой. И прочим культурным манерам, которые я не замечала за собой, потому что они присутствовали с пеленок. Главное, как потом оценили ребята, они научились правильно говорить: не чекать, не мэкать, не нукать, выражать свою мысль ясно и грамотно, медленно и спокойно, взвешенно и достойно. В школе этому не учили. Писать, считать, выражать мысль на бумаге, но не устно. Это можно было впитать, натренировать только в семье. Такой как моя. Опыт бесценный, как показала дальнейшая жизнь Лены и особенно Вити.

Мы с Леной не потерпели бы долго присутствия Витьки Самохина, не будь нам с Витькой интересно. Витька был как мы, девочки, понимал нас с полуслова, и в то же время совсем не мы – мальчик, юноша, параллельная ветвь развития, доносчик из стана противника и отчаянный сплетник.

В связи с ныне царящей паранойей в отношении нетрадиционной

сексуальной ориентации мне следует подчеркнуть: Витька не был и не есть гомосексуал. У него *послужной список* бурной молодости на зависть отпетым ловеласам. Просто есть такие мужчины – ловко встраивающиеся в женский менталитет, обладающие нерассуждающей нежностью и сочувствием к каждой особи противоположного пола. Сей талант редок – отмечу. Эти мужчины обожают сплетничать, терпеливо и, что поразительно, с интересом часами ходят со спутницей по магазинам, поддерживают разговоры об опрелостях у младенцев, о преимуществах импортной косметики и о лечении разнообразных болезней народными средствами и антибиотиками.

Самохин, невхожий в мальчишеские компании, пристрастил меня и Лену к играм в шашки, в домино, потом в карты. Играли, пока бабушка не позовет ужинать. Она почему-то, ошибочно, считала, что моих друзей плохо кормят дома. На самом деле им просто было хорошо у нас: весело, приятно, тепло – как в нормальной семье. С моей стороны эта дружба была жертвой. Потому что, освоив алгоритм игры в очко или в кинг, я теряла азарт, и кровь уже не бурлила, возбуждение не посещало. Лена и Витя могли играть вечно, а мне хотелось читать, обсуждать книги, вести захватывающие разговоры о поэтах и прозаиках. Но ведь я русская интеллигентка, я обязана быть терпеливой и снисходительной к тем, кто стоит ниже на ступени развития.

Пожертвовав ради друзей своими интересами в юности, я получила от них многие блага в зрелые года и в старости.

В те вечера, когда мы с Витькой Самохиным играли в шашки, домино и в карты, наши одноклассницы и приятельницы пели песни под гитару во дворе, обжимались с парнями на лавочках, в подъездах, на последних рядах кинотеатра «Молот». Мы с Ленкой были выше этих пошлых утех, и у нас имелся один рыцарь на двоих. Рыцарь скупой до крайности. Ни разу в кинотеатре за нас не заплатил, напротив, выворачивал пустые карманы: «Вам что жалко двадцать копеек на билет мне?»

После школы Самохин, поступив в самый легкопоступаемый строительный институт, (Лена – в энергетический, я – на филфак), от нас отпочковался, его семья переехала в другой район, вначале изредка звонил, а потом, почти двадцать лет, ни слуху ни духу. Мы снова встретились, то есть Самохин заявился ко мне, когда шли постперестроечные времена – темные, темные, темные. Во всех отношениях – от освещения улиц и подъездов до состояния кошельков и души. Витька предложил мне работу фантастическую и зарплату фантастическую в квадрате.

– Ты сам-то как? – только и смогла промямлить я.

– За отчетный период? Докладываю. После института, как все – НИИ, младший научный сотрудник, старший научный сотрудник, кульман, подшефные овощебаза и подмосковный колхоз. Потом все накрылось, НИИ распустили, ездил в Польшу «челноком». Но это не мое. Ты знаешь, я женщин люблю, но не могу видеть, как они таскают тяжеленные сумки, а потом в поезде рассказывают про опущение женских органов. Да! Я ведь женился! Двадцать лет назад. Извини, не пригласил вас с Леной. Свадьба была в Краснодаре, Светочка из казачьей станицы. Сто двадцать человек, представь, гуляли неделю. У нас трое детей, все мальчишки, потому что хотели вторую девочку, а родились двойняшки мальчишки. Не поверишь, они у меня разноцветные: Антон, старший, блондин, в меня. Боря чернявый, как Светочка, а Виталик натурально рыжий.

– Имена детям вы давали по алфавиту?

– Это все Светочка. Она мать с большой буквы. Если бы мы жили в деревне, в глуши, нарожали бы на каждую букву. Светочка – изумительная женщина, сама увидишь.

– Как вы познакомились? – спросила я, чтобы потянуть время и свыкнуться с мыслью, что, возможно, беспросветные материальные проблемы моей семьи счастливо разрешатся.

Витя рассказал, как познакомился с будущей женой, по старой памяти – откровенно.

В НИИ пришла новая сотрудница, из того же института, что и он окончил. Витя к тому времени не соблазнил только шестидесятилетнюю замдиректоршу с базедовой болезнью, то есть отвисшим до середины груди зобом. Витя был мастером легких необязывающих романов, его пассии никаких претензий не выказывали и матримониальных планов на него не строили. Этакое полезное для здоровья поддержание производства гормонов и приятное общение. Витя умел прикидываться непригодным к семейной жизни очаровашкой. Сходился и расходился легко, обрастал дружелюбными бабами, катался как сыр в масле.

Свету он пригласил в кафе. Привычно заморосил о ее прелестях. По Витиным наблюдениям, ни одна девушка не может устоять, когда ты осыпаешь ее комплиментами. *У вас изумительные глаза, постоянно меняющегося цвета. Этот овал лица, волнительно очерченные губы. Вы завораживаете, хочется смотреть и смотреть на вас, любоваться, восхищаться, как ожившей картиной великого Леонардо...*

У Вити был отработан текст. Он дарил женщинам то, чего им не хватало в жизни – восхищения, признания их неземной красоты,

исключительности. Текст был длинным, практически бесконечным, Витя находил удовольствие в придумывании новых эпитетов и метафор.

Зараза! Он, рассказывая, напомнил мне: «Ты же сама меня учила находить изобразительные средства, когда писали домашние сочинения».

Витя моросил, а Света ела холодные закуски. Витя вошел в раж, но Света перебила:

– Горячее скоро принесут?

«С голодного края, что ли?» – подумал Витя и утроил старания.

После шницеля Света вытерла губы салфеткой и спросила Витю:

– Дать за ушком почесать?

– В каком смысле? – растерялся Витя.

– А что ты со мной, как с собакой? Какие глазки, какой носик, какой окрас! – передразнила Света. – Осталось только за ушком почесать да по холке погладить.

Витя растерялся, Витя был сражен.

На самом деле Светлана давно все про Витю узнала: переходящий член. Никаких амуров строить с ним не собиралась, просто хорошо поужинать. На подходе у нее был официальный брак с венгром – прорабом, из компании, строившей офисные здания, и маячило предложение руки и сердца от скрипача-лауреата, в чьей квартире она, студенткой, подрабатывала, клея плитку в ванной. Венгерский язык – один из самых сложных, выяснила Света. Она английский пять лет в школе, пять лет в институте учила, а дальше хаудуюду не продвинулась. Не даются ей языки. Приедет в эту Венгрию, там его родня, а она – хаудуюду – будет как немая, считай – бесправная. У скрипача мама – крыса на задних ножках и в очках. Носиком водит, в каждую дырку лезет: «Стасик на завтрак ел яичницу? Из скольких яиц? Ему нельзя много желтка, в котором сплошной холестерин – это вещество, как показали последние исследования, еще не всем доступные, но у меня свои каналы, крайне вредное для сосудов и сердечной мышцы. А где его фрак? В чем он будет выступать вечером? Милочка! Когда я следила за гардеробом сына, у нас не было проблем»!

Венгр – это заграница. Кто не мечтает? Стасик-скрипач – это пятикомнатная квартира в центре Москвы.

Вите Самохину пришлось активно потрудиться, чтобы отбить Светочку от заграницы и от хором на Малой Бронной.

Впервые мы с Леной увидели Свету, когда Витя пригласил нас к себе домой.

Светлана была великолепна. Большая, сильная, плечи как у пловчихи,

бедра бочкообразные, руки мощные, ноги устойчивые – не собьешь. Лицо плоское, открытое и честное, но суровое и хитрое одновременно. Требуется женская сила, чтобы коня на скаку остановить? Тогда вам к Светлане.

– Входите, – сказала Света, встречая нас. – Приятно познакомиться. Витька много про вас рассказывал. Тапки, – ткнула она пальцем под полку для обуви, – синие и красные, выбирайте. – И тут же заорала, получилось – прямо к нам обращаясь: – Я кому-то сейчас уши выверну наизнанку! Стоять по углам и не перестукиваться!

Мы с Леной оторопели. Ничего себе в гости заглянули!

– Бандиты мои, – пояснила Света, – наказаны, по углам стоят, азбукой Морзе общаются. Проходите, чего застыли, я вареников налепила: с мясом, с картохой и с вишней. С пальцами съедите. Фашисты! Петлюровцы! Удавлю!

Повернулась и ушла, потому что в глубине квартиры что-то упало с раскатистым звоном, как если бы посыпалась посуда из серванта.

– Вареники с мясом – это недоделанные пельмени, – пробормотала Лена.

У нее было двое дочерей ангельской внешности и поведения. Будь у меня трое сыновей, я бы повесилась. Я с одним еле-еле справлялась. А Света держала бандитов и рохлю-мужа в крепкой узде.

Витя и Светлана, конечно, обожали своих мальчиков, но выполняли противоположные роли: папа был доброй мамой, а мама строгим папой. Витя сыновей баловал и потакал им, а Света не спускала ни единой провинности.

Она ушла из НИИ, когда им перестали платить зарплату, а Витя еще полгода бил баклуши на работе и ждал обещанных демократических перемен и справедливости в условиях наконец наступившей свободы. Светлана сколотила бригаду по ремонту квартир и вкалывала по-черному. Приходила домой, шатаясь от усталости. А там дети, муж и полнейший разгром. Света набирала воздух в легкие и *внятно объясняла* им, что не потерпит бардака и кто сейчас же, немедленно, будет убирать в квартире, готовить на завтра еду и проверять домашнее задание.

Через два года Света основала фирму по ремонту квартир, у нее было уже три бригады. Мне как-то нужно было встретиться с ней на одном из объектов, передать для Вити дискеты. Света *внятно объясняла* строителям недостатки в их работе. Что-то про неверно выведенные углы стен и финишную шпаклевку не того качества.

Я никогда не слышала такого мата, не предполагала, что лексические единицы табуированной лексики имеют столь замысловатые формы. Я

совершенно не переношу брани ни в жизни, ни в литературе – как овсяной каши. Но тут застыла в лингвистическом ступоре.

Опуская вводные слова мата, финальный выстрел Светы бригадиру:

– Неси уровни, если там не прямой угол, то я отрежу тебе яйца! А если девяносто градусов, то я задеру юбку и дам тебе при всех.

Меня ужаснуло, как она рисковала, будь права или ошибаясь.

Света оказалась права, семь градусов кривизны. Бригадир не был кастрирован, но был предупрежден, что при следующем нарушении гениталий лишится вся бригада.

Мы спустились по лестнице, я не удержалась и спросила:

– Неужели нельзя разговаривать с ними как с нормальными людьми, вежливо, культурно, порицая, но не унижая, сохраняя и поддерживая их профессиональное достоинство?

– Нельзя! – безоговорочно отрезала Света. – По-другому они не поймут. А достоинство их – в работе без халтуры. Я могу иметь авторитет, только если заказчики будут знать, что в моей фирме качество на сто процентов. Лучше переплатить за качество. Дешево да гнило, дорого да мило.

Тогда аргументы Светланы меня не убедили, ее форма общения, мягко говоря, оставила неприятный осадок. Через много лет я прочитала о первой встрече Льва Николаевича Толстого и Горького. По внешнему облику Толстой принял Горького за мужика и *разговаривал с ним матерно*. Когда недоразумение устранили, Толстой перешел на культурный язык, доброжелательно общаясь с молодым писателем, некоторые вещи которого ему, привереде, нравились.

Витю считают подкаблучником. При такой-то жене-командирше, как не быть! Под страхом расстрела я не призналась бы, что общественное мнение сильно заблуждается. Что такое подкаблучник, если каблук-шпилька? Попробуйте ужа пригвоздить, напляшетесь.

Витя мне и Лене по старой памяти доверялся, хвастался победами над особами из соседних офисов. Мы возмутились, как можно обманывать Светлану, которая жилы рвет? Вите почему-то очень нравилось наше возмущение.

Света зарабатывала деньги, содержала семью, а Витю после НИИ мотало на волнах рынка свободного предпринимательства. К чести Светланы, она не отправила его в одну из бригад стелить паркет или клеить плитку. Хотя, возможно, просто не доверяла качеству его труда. В присутствии посторонних распекать мужа, обещать кастрацию – на это

даже Светлане не хотелось идти.

А потом Витя Самохин набрел на золотую жилу. Случайно. Роль случая и везения одна из самых занимательных в любой биографии.

Надо пояснить, что девяностые – время, сходное, вероятно, с первыми годами НЭПа. Лучше всего его иллюстрирует старый анекдот. Встречаются два так называемых бизнесмена. Один другому говорит: «Меняю вагон соленых огурцов на вагон женских колготок». Второй отвечает: «Запросто!» Они бьют по рукам и отправляются каждый в свою сторону – искать огурцы и колготки.

Витя услышал, что требуется главный редактор корпоративного журнала. Витя был ни бельмеса в журналистике, в издательском деле, хуже, чем я в выведении прямых углов стен при ремонте с нуля. Витя хромал на обе ноги в орфографии, писал «могазин» и «карова», запятые были для него страшной мукой. Три связанных предложения – изуверским наказанием. Жанры журналистики (очерк, репортаж, интервью...) – тайной за семью печатями.

Но Витя был обаяшкой, тогда еще не вошло в ход выражение «харизматическая личность». На его счастье, человеком, который принимал решения, ответственной за связи с общественностью (ПИАР), была женщина. Что она увидела? Долговязового, донкихотовской внешности мужчину средних лет, на лошадином лице которого светилось неподдельное участие, доброта и сострадание, готовность выслушать, помочь, отдать последнюю рубашку. Все это правда, и все про Витьку.

Но кто сказал, что доброта и сострадание не уживаются с лукавством и откровенным враньем? Никто не сказал. Мы сами почему-то думаем, что тот, кто снимет для тебя последнюю рубашку, не способен опустошить твои карманы. А женщинам свойственно еще и видеть в болтливых обаяшках профессионалов высшего класса.

Витя с умным видом пробежал глазами по страничке с бюджетом будущего издания, нахмурился, со скорбью изобразил мягкий отказ:

– Если вы хотите качественный продукт, то бюджет надо увеличить минимум на треть, лучше – на пятьдесят процентов. Извините! Я не берусь делать дешево да гнило. Только дорого и мило.

Они расстались на том, что ПИАР-дама бросилась к руководству увеличивать бюджет, а Витя искать тех, кто умеет делать журнал.

Витя Самохин пишет «дарога» через «а», но чувствует подноготную людей, безошибочно отделяет профессионалов от таких как он сам позеров-фуфловщиков, у него потрясающие нюх и способность сколотить команду из нужных людей.

К тому времени, когда утвердили повышенный бюджет, у Вити была команда грамотных специалистов. Нищенствующих, голодающих русских интеллигентов. Нас было, как собак. Как можно хаять советскую власть, если она вскормила столько творческих рыночно-беспомощных людей?

Кстати, если говорить о собаках как собаках, то есть о животных, их, сбивавшихся в дикие стаи, тогда развелось очень много. Не только по окраинам столицы, у нас в Сокольниках было несколько стай, которые зверствовали, нападали, кусали, я боялась за Даньку, боялась по вечерам выходить из дома.

Самохин предложил мне работу литобработчика, редактора – *как хочешь называй* – и зарплату в восемьсот долларов. Я чуть не упала со стула от счастья и промямлила:

– Ты сам-то как?

Корпоративная журналистика – это не то, что покупается в киосках. Это бесплатно. Красивый, на прекрасной глянцевой бумаге, толстый журнал. Рассылается нужным людям, вручается на конференциях, презентациях, встречах, съездах и проч., проч., проч. Это имидж. Если твоя компания (министерство, корпорация, банк, синдикат, группа компаний, холдинг...) хочет показать себя успешной, она выпускает (раз месяц, в квартал, в полгода – как потянут) свое фирменное издание. Оно должно быть стильным, красивым, лучиться солидностью и богатством, прославлять первых лиц и литературно-безупречным в той степени, что доступна предвзятым, но филологически дремучим читателям. Когда вы садитесь в самолет, вытаскиваете из кармашка кресла журнал – вот он и есть, бесплатный, корпоративный. Читать ведь интересно, правда? И не только потому, что боитесь взлета и посадки. Это для примера. На авиаперевозчиков Витя Самохин никогда не замахивался, нам хватало министерств и ведомств.

За двадцать лет мы сменили много мест работы. За Самохиным закрепился авторитет шеф-редактора, а я блаженствовала, плавая в любимейшем океане – постижения новых знаний. Судостроение, атомная энергетика, модельный бизнес, автопром, землепользование, международная торговля, рыболовство, производство удобрений, здравоохранение... Мы перетекали из одного издания в другое почти без пауз и простоев.

Журналы закрывались, потому что в экономике тоже все время что-то закрывалось, сливалось, лопалось и нарождалось. Кроме того, выпуск корпоративного издания – это дорого. Сначала заказчик на Витькино «это дорого» клевал с аппетитом: раз дорого, значит, стоящая вещь. Через год-два заказчик начинал понимать, что ежемесячный журнал стоит как хороший автомобиль, а покупать каждый месяц новую машину – это даже при его доходах глупо. А тут еще конкуренты и прочие наемники в мундирах его группу компаний вознамерились оципать как загнанного страуса – по перышку. Как только на журнал переставали выделять средства, и даже раньше, носом улавливая смену ветров, Самохин начинал искать нового заказчика-издателя.

Поначалу я только редактировала тексты, приводила к общему стилю статьи, что писали несколько нанятых журналистов. И еще отвечала за вступительные передовые от лица первых лиц. От лица лиц! Да, именно так! Бросить нельзя, деньги нужны. Просиживала ночи, разбираясь в проблемах отрасли, потом составляла вопросы личности, которая эту отрасль возглавляет, назовем его NN. Потом помощники NN присылали мне ответы – сухую канцелярщину, общие слова, набор трюизмов. В ответ я вежливо писала, что нужны конкретные примеры, факты, подтверждающие тезисы с первого по седьмой (в тексте цифры проставлены), если, конечно, эти тезисы совпадают со стратегией компании, которую NN возглавляет, и вы находите, что они внушат читателю сознание и уверенность в зримых перспективах вашей корпорации.

Я не отлипала от компьютера ни днем ни ночью. То есть отлипала чуть поспать, быстро справить биологические потребности, потрепать вихор на макушке Даньки. Я пила кофе литрами, казалось – только перекусывала. Но именно в это время, с конца девяностых, стала медленно, но прочно наращивать массу тела. Не жалею. Мне было интересно, и в наших финансах случился счастливый прорыв. Родители сделали ремонт на даче, пристроили веранду, а Данька мог себе позволить фирменные джинсы.

Именно Витя Самохин понял, что не следует впихивать во вступительную статью NN чудные перспективы его отрасли. Это не солидно. А надо! Тут вздох-пауза. Надо АНАЛИТИКА.

– Сашка, – по телефону говорил мне Витька, – ты должна стать аналитиком.

– Самохин, ты понимаешь значение этого слова? Как оно пишется?

Начальная «А» или «О»?

– Начальное никого не волнует. У нас даже революцию семнадцатого года отменили, в смысле праздника и дружбы народов. Помнишь, как мы готовились к пятидесятилетию Октября? Вся школа на ушах стояла. А как ты в хороводе дружбы народов туркменку изображала?

– Самохин, злыдня! У меня тогда на шароварах резинка лопнула, и они стали из-под национального платья выпадать, а тубетейка на глаза сползла...

– Но я, украинец, выскочил на помощь. И Ленка...

– Выскочил не ты, а Женя Уколов.

– Грузин.

– Прошелся в танце на носочках, подхватил меня и унес со сцены.

Ленка-эстонка раньше времени принялась выступать.

– Точно. Уколов, кстати, вполне преуспевает.

– Где он? Что с ним? – задохнулась я.

– Калинкина! – осадил меня Витька. – У него в законном браке двое детей!

Витька всегда знал, что я сохну по Жене Уколову, никогда меня этим не шантажировал, не подкалывал, не насмеялся. Близкая подруга Лена Афанасьева не догадывалась о моей многолетней школьной любви. И в этом была моя перед ней вина. Какая же ты, то есть я, главная близкая Ленке подруга, если не говоришь про сокровенное?

Мое шмыганье носом, как следствие покаяния перед подругой, трепет воспоминания о первой любви Витька пресек и использовал:

– Ты аналитик! Тебе привозят, я обеспечу, груду отчетов, справок и прочей хрени. Ты, как обычно, влезаешь на иностранные сайты родственных иностранных компаний, в научные журналы и в прочую хрень. У тебя же английский с пеленок, и до хрена испанского, французского, итальянского...

– Еще одна «хрень», и я кладу трубку!

– Саша! Сашенька! Сашурочка! Не бросай трубку! Ты не видишь перспектив.

– Каких, оболтус? Ты не представляешь объем работы!

– Ты ее уже делала. Теперь чуть тщательнее и прицельнее.

– Пошел ты к черту, Витька!

– Всегда готов. Сашка, позаботься о звучных псевдонимах. Я тут сам подобрал. – Он зашелестел бумагой. – Китайгородский, аналитик. Шахназаров, аналитик...

– Тарковский, аналитик. Чехов, аналитик...

- Чехов точно не пойдет, он же был писатель.
- Неужели ты слышал про Чехова?
- Калинкина! Вот ты всю жизнь надо мной издеваешься, а кто тебе работу обеспечивает?
- А кто тебе строчит последние пять лет?
- Сашка, имей в виду, что твой гонорар от восьми сотен зеленых уже и так увеличился до тысячи двухсот. Сколько ты хочешь?
- Удвоение. Две тысячи пятьсот долларов.

На том конце Витя Самохин издал странные звуки вроде хрюканья, тьяканья, повизгивания, птичьего клокотания, они сопровождались не менее странными шумами, как при поедании глупым чавкающим животным бумаги.

Я просто лягнула про удвоение. Могла бы и про утроение или про увеличение на порядок сказать. Я в тот момент находилась под столом. Стоя на четвереньках, шевелила вилкой в барахлившей розетке электрического удлинителя. Трубка телефона болталась в районе моих ставших уже нехрупкими бедер. *Успешен. Двое детей. Мой Женя Уколов.*

- Согласен. Две пятьсот, – сообщила трубка Витькиным голосом.
- Выбираясь из-под стола, я пыхтела и кряхтела как объевшийся Винни-Пух, который навестил Кролика («*Кто ходит в гости по утрам, тот поступает мудро*»^[31]).
- Повтори еще раз! – потребовала я.
- Две пятьсот! Доллярев в месяц! Сашка, имей совесть! – Витька Самохин сам не верил своей щедрости.
- Долляри – новая валюта? – уточнила я, взгромождаясь на стул.
- Валюта та же. А ты меня без ножа режешь!
- Бедненький!

Если бы он платил! Витька выдавал мне по триста-четыреста долларов в месяц. Тык-в-притык. Самохин с детства был жадиной, благодаря нашим с Леной насмешкам и откровенному издевательству научится худо-бедно маскировать свою прижимистость. И еще он знал меня как облупленную.

Светлана, жена Витьки, однажды проговорила:

- Он уверен, что если тебе все отдавать, то крылья сложишь, лапки подожмешь, оуклишься и перестанешь работать, будешь свои книжечки читать.

- От возмущения я сразу не нашлась с ответом, потом просипела:
- Вот сволочь эксплуататорская!
- Ага, он тебя очень ценит и даже по-своему любит.

Чтобы любовь не угасала, я вела подсчеты сумм, которые задолжал мне Самохин. Каждый месяц высылала ему по электронной почте письмо с таблицей, в которой указывалось, когда и сколько он мне недоплатил. Таблица уже занимала десяток страниц. Ответное письмо Витьки было кратким: «Согласный. Не отказываюсь. Как только, так сразу».

Дважды я устраивала забастовки: мне нужно столько-то, не заплатишь – пальцем не пошевелишь, к компьютеру не подойду. Так было, когда понадобились деньги на свадьбу Даньки и Маши, через два года – на операцию Любви Владимировне, о которой она почему-то не хотела говорить детям. Самохин мотал мне нервы, рассказывая о своих финансовых проблемах, мы разругались с ним вдрызг (по телефону), но помирились, когда он приехал ко мне, привез деньги, которые отдавал со слезами на глазах, точно свои последние кровные. Скупердядя высшей степени. Первый раз это были три тысячи долларов, второй – пять.

На осень я планировала очередную забастовку. Мне требовалось зимнее пальто. Старое в прошлом сезоне уже облипало меня до треска петель на пуговицах, а сейчас не сходилось на груди на добрых десять сантиметров, как ни втягивай живот, который, в сущности, втянуться не был способен. Я редко выхожу из дома, но неровен час – придется, надо подстраховаться. Я облазила весь Интернет от крыши до подвала – нужного мне размера ни одна фабрика не шила. Значит, придется искать швею, которая приедет ко мне домой, снимет мерки, купит материал, потом станет приезжать на примерки... Докука, головная боль плюс Самохин, у которого выпросить тысячу долларов трудней, чем забрать кость у бешеной собаки.

Теперь все переменялось. Зачем мне старушечье пальто размеров 20XL? Если я завтра снова окажусь в прежних габаритах, то завтра об этом и подумаю. У меня есть честно заработанные, хоть и бесчестно укрытые от налогов, средства. Имеется прекрасное юное тело и мечта. Самая сладкая мечта не бывает собственной. Осуществить мечту тех, кого любишь, – высшее блаженство.

Мне врезались в память, как фотографиями на сетчатке глаз отпечатались, потом в сердце, как в альбом наклеились, лица Даньки и Маши, которые бродили по серой бетонной пыльной коробке в Доме в Сокольниках. Маша грезила – молча ходила, иногда взмахивала руками, мысленно возводя стены в квартире ее мечты, расставляя мебель, вешая шторы. У нее было лицо человека, который поет песню или даже оперную арию – про себя, потому что вслух он петь не может и никогда не сможет. Но ему очень хочется петь. Данька злился, прекрасно понимая состояние жены и собственную неспособность реализовать мечту любимой женщины.

В какой-то момент мне показалось, что он сейчас заплачет или примется ругаться, обзывая всё и всех: нас, этот чертов буржуинский дом, правительство, страну, Вселенную. Данька сдержался. Подошел к стене и несколько раз сильно ударил по ней мыском ботинка. Маша, грезияетка, не заметила. Наверное, обувь сына пришла в негодность, Данька ушиб пальцы стопы, и они у него будут долго болеть. Напоминая о беспомощности.

Завершая тему моей профессиональной деятельности.

Период, когда я была «аналитиком», – самый интересный в моей жизни. Так ведь у каждого труженика: на закате жизни вспоминается работа в определенном месте, и теперь, на пенсии, оказывается, именно она была захватывающей, вдохновенной, единственной и не повторившейся. Мое отличие только в том, что на работу я ходила в комнатных тапочках, а инструментами-источниками были сотни сайтов.

Никакой личной заслуги в том, что мне легко даются языки, нет. Это как музыкальный дар, абсолютный слух – надо благодарить гены кого-то из предков. Кстати, когда я стала смотреть фильмы на английском, итальянском, французском и испанском, я ничего не понимала. Я была как Ленин, выучивший английский язык по самоучителю, прекрасно разбиравшийся в текстах. Когда вождь мирового пролетариата приехал в Лондон, он не понимал англичан, они, соответственно, – его. У Владимира Ильича был свой английский. Так у меня иностранные языки были со своими личными клише, исковерканным внутренним произношением. Теперь-то, конечно, спасибо кино, я, кажется, навела звук на текст и обратно. Насколько точно – проверить невозможно, потому что я ни разу за последние тридцать лет не говорила с иностранцем, да и не собираюсь. Я и с русскоговорящими не стремлюсь общаться. Только с самыми близкими. Остальные первым делом начинают бегать глазами по моему необъятному телу и пытаются изобразить, что оно их не шокирует.

У меня до сих пор хранится файл под названием «Псевдоним-аналитик». Мне нравилось придумывать имена, они же подписи под статьями. *Воскресенский, аналитик, Рождественский, аналитик, Пасхальный, аналитик* – религиозный настрой. *Русофильский: Горшкобитов, Горехватов, Твердолепов, Умывайлов, Неумывайкин, Батько, Братко, Сестринский... все «аналитики»*

Витька не подозревал и не догадывался или, с точностью наоборот, – знал и был уверен в том, какое удовольствие я получаю, изучая, например, движения косяков рыб, находя несоответствия или полное противоречие в различных исследованиях, в статьях в научных журналах, что я сутками

могу выводить зависимость изменения температуры течений мирового океана на 0,03 градуса и улова сельди. Химический состав удобрений, опыт их использования на различных почвах – это же песня! А микробиология? Поверьте на слово, сегодня в микробиологии происходит то же самое, что в информатике перед появлением персональных компьютеров, Интернета – РЕВОЛЮЦИЯ!

Я была неплохим *аналитиком*, потому NN-эны, то есть первые лица, несколько раз Витьку пытали: «Кто он? Где он? Берем в штат. Зарплата старшего референта, плюс премии, плюс социальный пакет. Нигде больше этот ученый не получит». Витька наслаждался своей значимостью: да, он умеет находить кадры, у него есть свой, тайный, так сказать, фонд гениальных экспертов. Даром он, Самохин, хлеб не ест и сделал вам солидный журнал. Однако, к сожалению, аналитик Горехватов, псевдоним, конечно, не рассматривает возможности работать в штате. Ученый чистой воды, вольный стрелок, откровенно говоря, научная крыса.

– Сам ты крыса! – смеялась я, польщенная, когда он рассказывал. – Жадный капиталистический грызун.

В штат, в коллектив, с девяти утра до семи вечера в офисе за персональным столом – это для меня невыносимо. Проще сразу повеситься.

В пору страшной московской нищеты двадцатых годов прошлого века, безысходного голода Марину Цветаеву пристроили в контору, на ставку, на оклад, на паек для детей. Она пришла, посмотрела на столы, склоненные головы, с девяти утра до семи вечера – вот так склоненные над муторной ерундой. Марина Ивановна поблагодарила, сказала, что ей надо отлучиться. И больше не вернулась в контору. Человек, неспособный трудиться в команде, в офисе, не обязательно лентяй и эпикурейщик. Таких тружеников, как Марина Цветаева и я, пардон за нескромное сравнение, еще поискать. И дело тут даже не в обстановке, в атмосфере – «пять рублей в году и пять пощечин в день», говоря словами Фонвизина. А в физическом ощущении духоты, несвободы, замураванности, постепенного окаменения мозга. И, как следствие, – страх коллектива, режима, ответственности. Большинство людей, счастливики, в хорошей команде только расцветают.

Изданию, в котором я сейчас работаю и по понятным причинам не называю, а Витька им руководит, аналитики не требуются. Это хорошо, потому что у меня уже нет сил неделями собирать данные о каком-нибудь пробиотике, его клинических испытаниях, проведенных по американским или европейским протоколам. Это тяжело, трудно в моем возрасте и при

старческой лени. Коэффициент шустрости и прочих молодых качеств заметно снизился. Это как если бы шестидесятилетнему Стаханову (гипотетически дожившему до пенсии) приходилось бы повторять свои фантастические подвиги, выдавать угля в четырнадцать раз больше нормы.

Зато теперь я *езжу в командировки*. Где только не побывала, не вставая с кресла. Последний репортаж написала *из Благовещенска*, поэтому сей город и выскочил у меня, когда пришла Светлана Ильинична, старшая по дому.

Описывать историю края, находить свидетельства о нем в редких мемуарах, спасибо, оцифрованных, представлять топонимику (географические названия) через предания, легенды и судьбы удивительных подвижников Земли Русской, рассказывать об улочках-переулочках, на которых настроили дома разбогатевшие купцы в провинции, и о центральных площадях, на которых, сметая старье, возводили театры и Дома Советов наивные и вдохновенные, точно поэты Серебряного века, советские архитекторы – все это жутко интересно, мне нравится. Гораздо проще, культурологичнее, что ли, чем выискивать в журнале «Science» за дремучий год первое упоминание о возможности разделения антибиотиков на классы по воздействию на те или иные патогены и перспектив с комбинированными лекарствами.

Впереди у меня Мурманская область и Крым. Чудно! Интересно! Захватывающе для почти шестидесятилетней домоседки.

Оглянитесь вокруг: вы насчитаете много знакомых вам пенсионеров, которым кажется, что они в силах, что их опыт уникален, а знания бесценны. Но жизнь, в смысле общество, государство, говорит им: «Спасибо, больше не нуждаемся в ваших услугах». Для многих, пожалуй, большинства, особенно мужчин, – это трагедия. Избранные, вроде Светланы Ильиничны или мамы Маши Любови Владимировны, обретают второе дыхание. Я же, счастливица, как дышала, так и дышу.

Опять придется быть нескромной.

По моим наблюдениям, не скромничают люди, которые не получают зримого, словесного подтверждения своей значимости. Анне Нетребко или Алле Пугачевой провозглашать, что они умеют петь, – смешно.

После моих репортажей краеведы обращались в наш журнал: «Скажите, кто этот журналист? Откуда он взял сведения?»

Журналист-репортер подпсевдонимленный был, конечно, вне доступа. А ссылки я отправляла.

У меня несколько электронных почтовых ящиков, весьма активная переписка. Почему, спрашивается, несколько ящиков, а не один? Из-за глупой перестраховки, чтобы меня не вычислили, не втянули в общение, не заставили снять халат, не вытащили из дома-норы. Человек, который закрывает хлипкую дверь на пять амбарных замков, поступает нелепо, ведь дверь легко вышибается детским кулачком. Но человеку так спокойнее.

Итак, я переписываюсь с интернет-магазинами, доставляющими мне продукты, средства гигиены и вещи, в том числе надувные кровати, они же отвозят выбранные мной подарки людям, которых я люблю, но лично встречаться с ними не желаю. С его сиятельством, моим шефом Витькой Самохиным, отдельный ящик. С детьми, Машей и Данькой, которым я периодически отправляю шуточные письма со всяческими забавностями, встреченными в Сети, – поддерживаю у детей сознание, что у мамы все отлично. Ведь человек в депрессии, хандрящий, больной не хохочет над свежими анекдотами, казусами и оксюморонами современной жизни. Дети не подозревают о сути моей профессиональной деятельности, считают, что мама за копейки *что-то там редактирует* для дяди Вити Самохина. Если бы детям открылась истина, они бы ринулись вытрясать из Самохина мои кровные, и, скорее всего, ничего бы у них не вышло. А моя жизнь – тихая, теплая славная, интересная, уютная – полетела бы в тартарары. Никто так не умеет портить жизнь, как дети, это знают все родители.

У меня есть ящик для связи с чик-чирикнутым айтишником Васей Васильевым. Как-то у меня возникли проблемы с компьютером, сын был занят, не мог приехать и рекомендовал Васю: «Абсолютный дебил, то есть почти гений».

Прибывший Вася Васильев столь явно походил на книжно-киношного математического гения в драных носках разного цвета, с немойтой головой, в несвежей майке, обтрепанных не по моде, а от долгого ношения джинсах, не знающего имя президента ни одной страны, в том числе, кажется, и нашей, что сразу вызвал у меня почтение.

Вася выслушал мои жалобы, сел за компьютер, выполнил все те действия, что и я безуспешно выполняла, но у Васи компьютер заработал.

– Я подозревала! Компьютер на меня за что-то обиделся и не хотел со мной общаться.

– Бывает, – спокойно согласился Вася.

– А серьезно? Почему он вас слушается?

– Обычный шаманизм.

– Вы не могли бы попросить его сменить гнев на милость в отношении меня?

– Попробую. – Вася с невероятной скоростью заколотил по клавиатуре, на экране замелькали непонятные картинки.

Я безо всякой иронии убеждена в шаманских айтишных способностях Васи. Ведь, говорят, есть водители, столь мастерски управляющие автомобилями, что приходит мысль о психофизической связи этого человека и машины. Тогда почему не быть человеку, чьи нейронные связи легко подключаются к компьютерным? Я горжусь дружбой с Васей Васильевым. Это дружба двух сдвинутых по фазе людей, и не важно, что фазы находятся в разных областях.

Мое средство и орудие труда – компьютер – благодаря Васе работает фантастически быстро и производительно. И у меня почти нет нелегальных программ, я всегда стараюсь платить там, где можно заплатить. Но бывает нельзя, невозможно. Например, покупать из России книги (в моем случае – альбомы по живописи) в некоторых зарубежных магазинах. Когда я выхожу на сайты этих магазинов, то меня принимают за жительницу Норвегии. При этом отправляют книги в Москву, не видя противоречия!

Мои любимые адресаты – художники-дизайнеры и верстальщики издания. Их уже сменилось несколько, в команде Самохина только я долгожительница, он ведь не только мне зажимает гонорары. Ни одного из художников я не видела в глаза, но все они были и есть замечательные ребята, крепкие профессионалы. Мы вместе подбираем иллюстрации к моим *репортажам с места события*, я пишу подписи, одобряю верстку, мы нередко спорим – все по переписке. Понятно, что если бы сидели рядом у большого монитора и меняли шрифты, расположение фото, делали врезки, процесс шел бы гораздо-гораздо быстрее. Но на личное общение – мое строгое табу.

Давно, когда дизайнеры требовали моего присутствия, я сказала Витьке:

– Передай, что я изуродованный инвалид. На людях не появляюсь. Ревнивый муж мокнул мою голову в кастрюлю с кипящим куриным бульоном, а сверху полил меня соляной кислотой. Несмотря на многочисленные пластические операции, теперь лицо мое обезображено, а тело уродливо скрючено.

Кто продолжил эту душещипательную историю, я не знаю. Но, по словам Витьки, дизайнеры и верстальщики из уст в уста передают, что Александра Петровна, то есть я, все заработанные деньги пересылает в колонию, где отбывает срок муж, чтобы его содержание было относительно приличным.

Могу только радоваться, что буйной фантазией не только я страдаю.

Центр Москвы образца 2017 года, каким я его увидела, поднявшись из метро и двигаясь по улицам, представлял собой гигантскую стройплощадку. Везде рыли, копали, вгрызались в землю, клали плитку вместо асфальта на тротуарах, выгораживали мраморными бордюрами газоны с цветниками, устанавливали новые столбы освещения... Сотни, тысячи рабочих, по всему городу их сотни тысяч? Миллионы – чего мелочиться? Это грандиозно! Ведь кроме рабочих были проектировщики, снабженцы, прорабы и прочие инженеры... Я о реконструкции, об обновлении Москвы, конечно, читала, но увидеть своими глазами!

Любовь Владимировна мэра Собянина кляла:

– Его подкупили! Плитка на тротуаре, чуть мороз ударит, превращается в каток.

– Кто подкупил? – уточняла я. – Травматологи?

– Да, мировой капитализм!

Маникюрша Марина, добрая душа, подарила мне приспособления: резиновые надеташки с шипами на обувь. Ее сердце обливалось кровью при мысли, что я упаду на скользком тротуаре, а поднять меня смогут только четверо-пятеро мужчин.

Пятеро в лучшем случае, додумывала-дофантазировала я. Этим мужчинам еще надо водрузить меня на каталку «скорой». Каталка точно сломается. Если выдержит, то по дороге в больницу прогнутся рессоры (или как там они называются) кареты «Скорой помощи». А меня еще разгружать в приемном покое, поднимать в отделение... Уж я лучше дома посижу. Но зимнее пальто все-таки, на всякий пожарный случай, надо справить. Бабушка так говорила про одежду, которую следовало купить к сезону: «Справить».

У меня от всех проблем, волнений, опасностей есть испытанное средство: сидеть тихо, не высовываться. Удастся найти человека, который зимой покупал бы и приносил мне любимые булки из пекарни, так и вообще буду кум королю, сват царю. В крайнем случае и без сдобных булок обойдусь.

Собянин в моем фантазийном видении был супергероем, типа индустриального джедая, который привлек на Москву космический десант.

Падают, падают на столицу с неба капсулы, в них строители: таджики,

узбеки, украинцы и натуральные русичи – все в оранжевых жилетах. В капсулах покомфортабельнее приземляются инженеры разных мастей, без ярких жилетов, но слегка нетрезвые, потому что в их капсулах имеется бесплатный бар алкогольных напитков. Они выходят из капсул, слегка шатаясь, но не забывая кейсы, в которых хранятся проекты – плоды их бессонных ночей, работы на износ и гениальных озарений. Отдельно летят управленцы типа Витьки Самохина. Эти будут руководить оркестром, без них никак, и что они пили в полете, о чем столковались, никому не известно.

Фантазии помогли справиться со страхом перемещения по Москве, как и то, что мой родной город был покорежен и перекопан, а не чисто вылизан. Он точно болел, но не смертельно, а планово. После косметической пластической операции человек тоже выглядит кошмарно. Света Самохина к своему пятидесятилетию решила кардинально омолодиться. Сделала подтяжку лица и урезала верхние и нижние веки. Если бы злодеи били Свету по лицу долго и жестоко, она бы выглядела симпатичнее, чем в послеоперационный период. Две недели Света скрывалась у меня дома, не хотела пугать родных и знакомых своей распухшей синюшной физиономией, рулила бизнесом и семьей по телефону.

Мое же лицо теперь, вероятно, по-детски сияло. Иначе как объяснить, что меня остановил нетрезвый гражданин преклонных годов. Ему было лет на десять больше, чем мне по паспорту. Легко же записывать в старики своих почти ровесников.

– Вот! Хоть одна радуется! – преградил мне путь дедок. – Оно же большое дело! Когда строится, возводится, понимать надо! А они все морды кривят.

Пешеходы недовольно хмурились из-за необходимости шествовать гуськом по узким деревянным настилам.

– Просто они не видели, – ответила я, – как вокруг Большого театра, да и по всему центру теснились лотки с черной перемороженной отечественной рыбой и пухлыми американскими *ножками Буша*, а на земле, на газетке или картонке приличные женщины раскладывали сахарницы кузнецовского фарфора, серебряные приборы и шубы из каракульчи. Шубы никого не привлекали, в моде были дубленки.

Дедок согласно закивал, а потом уставился на меня с подозрением: я никак не могла всего этого наблюдать.

– Мама и бабушка рассказывали, – проямлила я, обошла его, прощально улыбнулась и на повышенной скорости потрусилась дальше.

Надо быть внимательной в своих *исторических воспоминаниях!*

Мрак Отечества начала девяностых, безусловно, несравним с мраком двадцатых годов все того же двадцатого столетия. Каждые семьдесят лет мрак становится легче и светлее, особенно если вспомнить набеги монголо-татар. Оптимистическая тенденция. Про двадцатые годы мы знаем из литературы, про девяностые – на собственной шкуре.

Тютчев написал восторженное:

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали
всеблагие
Как собеседника на пир.

А Конфуций (якобы он, приписывают) предостерегал, точно бабушка, которая боится худой доли для внучки: «Не дай бог жить в эпоху перемен!» Однако китайская поговорка учит, что, если дуют ветры перемен, надо строить не щит, а ветряную мельницу. Конфуций был китайцем. Не в коня корм.

Для каждого поколения свой мрак – самый мрачный. Поэтому слова, сказанные давно-давно, могут точно описывать ситуацию через сотню или более лет. Максимилиан Волошин говорил о своем поколении, что оно мечтало о падении династии, провозглашении республики, на ура встретило революцию. Они радовались симптомам гангрены, приняв ее за предвестники исцеления. Ведь это про нас!

Собянин, Тютчев, Конфуций, Волошин, Москва прошлая и настоящая – отлично! Моя голова варит в полную силу!

Адрес офиса Витьки Самохина я знала из его писем. Точнее, из клише, которое теперь ставится в конце письма с именем отправителя, его адресом и телефонами.

Вестибюль офисного здания внушал пиетет. Мрамор полов, псевдокрасное дерево стальных панелей, два пышных букета на подставках, стойка, за которой девушки-манекены: худосочные блондинки с отутюженными волосами, в белых блузках, пуговицы расстегнуты в трех миллиметрах ниже официоза, но в пяти миллиметрах выше откровенного соблазна, у турникета-вертушки охранник в форме.

Я вошла и огляделась. Я никак (по одежке встречают) не походила на стандартную посетительницу. Меня почему-то веселило предстоящее объяснение с Самохиным. Я гордилась собой: в метро проехала и по улицам Москвы прошла, у меня джинсы с прорехами, от меня пахнет сэконд-хэндом, что вполне сравнимо с авторскими духами. Мне однажды подарили, от французского супер-пуперского парфюмера. Хотя ошибиться

может всякий, даже парижский парфюмер. У него, например, флакончики с клопомором и с духами рядом стояли. Лена Афанасьева вливала в дочерей вместо рыбьего жира касторовое масло, бутылочки были похожи. Девочек увезли в больницу с подозрением на злостную дизентерию.

Подойдя к стойке (девушки втянули аромат), я кивнула на букеты:

– Кто додумался грипсорфилы с малькидиями смешивать? Это прямо по-чеховски. Помните, в «Трех сестрах»? Входит Наташа в розовом платье, а Ирина ей, ремарка: «Вполголоса, испуганно»... Помните?

– Э-э-э... в общем, – проблеяла одна из девушек.

– Ирина ей говорит: «На вас зеленый пояс! Милая, это нехорошо!» Зеленое с розовым считалось верхом безвкусицы. Так и эти цветы. – Я забыла названия, которые выдумала, поэтому просто махнула в сторону букетов. – Чудовищное сочетание. Флориста надо повесить. Предварительно кастрировать и четвертовать, повесить что останется. Где у вас внутренний телефон? – спросила я без паузы.

Сначала одна девушка вскочила, потом вторая поднялась. Два новобранца во фрунт перед грозным ефрейтором. Вероятно, приняли меня за дочь какого-то бонзы. Кто еще мог хамить, цитировать Чехова и вонять как трупный газ?

На выручку девушкам, которые жалости моей не заслуживали, потому что весьма отличались от своих сверстниц в магазинах, где некоторое время назад я наряжалась, пришел охранник, смело шагнувший вперед:

– Сзаду вас на стене.

– В каком смысле «сзаду»? – Я приготовилась оторопеть, но не успела.

– Позади вас, – сказала одна девушка.

– Аппарат внутренней связи на стене, – отчеканила вторая.

Я подхватила свой упавший градус чванства около плинтуса, потащила вверх и процедила:

– Черт знает что! Дикая люди. Театр начинается с вешалки, а это офисное здание... – я говорила и набирала добавочный номер Витьки.

Он ответил.

Я продолжила: «... с заду!».

Получилось – он: «слушаю», я: «с заду».

– Простите? Кто говорит?

– Александра Калинкина. Я внизу.

– Ты?

Короткое личное местоимение второго лица единственного числа – «ты». Витька умудрился от «т» до «ы» вздохнуть и выдохнуть, испугаться, заинтересоваться, насторожиться, взбудоражиться, затрепетать, нервически

хихикнуть (получилось: «ти-хи-хи-ы»).

Вся эта гамма чувств выплеснулась в глупом вопросе:

– А что ты здесь делаешь?

– Читаю лекцию о поэтике Чехова. Девушки, можете сесть. А вы, господин охранник, займите место у вертушки. Не детская каруселька-таки. Или вам уже надо подыскивать место в... – Я не смогла с ходу придумать место для покрывшегося испариной охранника и рывкнула в трубку: – Самохин! Ты там живой?

– Да.

– А чего сидишь?

– Я бегу, в смысле спускаюсь.

Три или четыре минуты, которые понадобились Витьке, чтобы оказаться на первом этаже, я хранила презрительное молчание, разглядывала список фирм на стене, изо всех сил старалась не понизить градус, которого добилась при разминке. Мое выступление в холле офисного здания было ни чем иным, как репетицией, нагнетанием эмоций. В эти минуты я отлично поняла, что переживают спортсмены, которые за три часа до старта приводили себя в форму, а старт вдруг отложили. Или балерины, разогревавшие и растягивавшие мышцы задолго до выхода на сцену. Но спектакль начался с опозданием, важное лицо в буфете задержалось и водрузило свое жирное пингвинье тело в красное кресло царской ложи на сорок минут позже. Мышцы остыли, связки-сухожилия задеревенели. Уже того балета не будет, но молись, чтобы хоть травмы не случилось.

Мне стало обидно за атлетов и танцовщиков, я разозлилась на чиновников от спорта и пингвинов в царских ложах, поэтому встретила Витьку во всеоружии, то бишь в готовности отгрызть ему нос или ухо, если будет плохо себя вести.

Он приложил карточку к турникету-вертушке, прошел в холл и стал оглядываться, меня искать.

Я подошла к нему:

– Привет, господин Самохин! Я Александра Калининна, в миру Шура, чтобы не путать с тетушкой. Я здесь по ее делам. Тут будем разговоры вести или в ваш офис поднимемся?

– Прошу, – сделал пригласительный жест Витька.

Он вовсе улыбался, покровительственно. Перед ним девчонка, а не пожилая грузная женщина, которую выманить из квартиры могло только... Витька даже вообразить не мог, что способно меня выманить.

В лифте он продолжал лыбиться, говорил, что я похожа на тетю, что он никогда не слышал о моем существовании, спросил, откуда я.

– Из Благовещенска. Тетя, как вам известно, писала недавно репортаж о наших краях, случайно наткнулась на мою маму, сестру отца Александры Петровны от первого брака. Ну, и завертелось.

Контора Самохина была небольшой, общей площадью метров тридцать квадратных. Крохотная приемная-щель, но с секретаршей, еще одним офисным клоном.

Витька распахнул передо мной дверь своего кабинета:

– Добро пожаловать, милая девушка!

Я не торопилась, обратилась к секретарше:

– Двойной эспрессо без сахара.

«Наглости, побольше наглости», – напомнила я себе.

Девушка уставилась вопросительно на Самохина.

– Танечка, пожалуйста, сделайте нашей милой гостье кофе, – велел он улыбаясь.

Он все время улыбался: когда вместо меня обнаружил меня-не-меня, когда ехали в лифте, когда вошел в свой кабинетик, уселся за стол, предложив мне кресло для посетителей, когда спросил:

– Что привело вас ко мне, милое создание?

Ласковое «милая» в сочетании с его обворожительной улыбкой действовало на женщин как веселящий газ, он же оксид диазота или закись азота, химическая формула N_2O применяется в качестве легкого наркоза. Сейчас ты перестанешь улыбаться.

– Сразу к делу, – сказала я. – Есть такая юридическая фирма «Гольдман и сын», слышали?

– Да, конечно.

– Значит, часто бываете в Израиле, потому что это тель-авивская фирма. Они только собираются открыть представительство в Москве. Гольдман, который сын, Яшка, мой жених. Для хорошего старта им требуется громкое дело. А тут как раз тетушка рассказала мне, как двадцать лет вы ее обворовываете, а я рассказала Яшке, он ухватился, разгорелся. Сами подумайте, каким может быть общественный резонанс. Журналы выходили, архив имеется, но по бумагам, по бухгалтерии, полная липа. В качестве свидетелей, а то и ответчиков весьма влиятельные лица. Журналисты ухватятся, им и платить не потребуется.

Секретарша принесла кофе, поставила на стол. Самохин, уже не улыбаясь, пододвинул чашку к себе и отхлебнул.

Прям как в кино. Есть такой прием: героиня, скажем, накапала герою валерьянки, у них продолжается диалог, в ходе которого выясняется, что сердечник полнейший мерзавец, героиня сама опрокидывает рюмку с лекарством. Или один герой другому налил водки, они спорят-спорят, и тот первый, что налил, сам же, в сердцах, выпивает.

Самохин взял телефон и набрал номер. Мой сотовый в пакете запел фрагмент из «Турецкого марша» Моцарта.

Штирлиц был на грани провала. Но тот же Штирлиц замечательно сказал, что *нас всех губит отсутствие дерзости в перспективном видении проблем.*

В голове у меня включился цитатник из «Семнадцати мгновений»:

– *Трудно стало работать. Развелось слишком много идиотов, говорящих правильные слова,* – я сделала паузу. Догадался ли Витька, откуда фраза? Нет, не догадался. Цитатник пора захлопнуть. – Телефон у тетушки я, конечно, отобрала. Вы ведь ее знаете, та еще пингвиниха. Что-то меня сегодня клинит то на Штирлице, то на пингвинах. Милые птички, кстати. Снесут яйцо, а потом самец, заметьте – самец, так мило и трогательно его согревает между лапок. – Я специально вставляла «милый, мило» в отместку Самохину. И еще я не знала, следует ли дать ему передышку, лирическое отступление допустить или дожимать, пока горячо. Пусть передохнет. – А, поняла, откуда пингвины! Цепь ассоциаций. Тверская раньше называлась улица Горького, верно? «Песню о Буревестнике» Алексея Максимовича помните? «Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах...» Моя тетушка тоже прячется и трясется, как бы не вышло какой-нибудь неделикатной, некультурной, неинтеллигентной ситуации. Кудахчет... Кстати, пингвины кудахчут?

– Не знаю.

– Надо тетушку спросить. Она жутко начитанная, прям десять гигабайт информации на килограмм живого веса. Так вот, Гольдманы. Вообще-то для адвокатов высший класс заключить досудебное мировое соглашение. Но тут иная ситуация. Гольдманы рвутся в бой, им нужен громкий процесс, освещение в прессе, интервью и все такое. Но тетушка взяла с Яшки честное благородное слово, что, если вы заплатите, никакого суда не будет.

– Я никогда не отказывался от своих долгов.

– Конечно! – радостно подхватила я. – И тетушка говорит, что вы исключительно порядочный человек, друг детства и тра-та-та. Да и как вам отказываться, когда ваша переписка с тетушкой уже легла в Яшкину папку? А еще в этой папке улетный файл «Как я была экспертом и аналитиком»

с псевдонимами. Про что надо было писать, чтобы взять псевдоним Твердомятов? Про тестомешалки? Яшка сейчас шерстит журналы, они ведь все сохранились, делает закладки под каждую статью с псевдонимом, прикладывает переписку с дизайнерами. Собирает доказательства. Тетушка кружит рядом и как товарищ Саахов из «Кавказкой пленницы» твердит: «Торопиться не надо, торопиться не надо». Продолжаю цитатный ряд: тот же старый прелюбодей Саахов сказал: «У меня теперь только два выхода: или я ее поведу в загс, или она меня к прокурору». Почти один в один ваша ситуация, хотя жениться на подруге детства вы, судя по всему, не планируете. Или мы чего-то не знаем?

– Не планирую.

Витьку было жаль. Он отвечал на мои эскапады односложно, в его глазах страх и боль смешались в гремучий коктейль, грозивший пролиться бурным или, напротив, скупым мужским потоком слез.

А детей? Даньку и Машу мне не жаль?

В том, что я пересыпала речь цитатами, как и в том, что каждое впечатление, деталь обстановки вызывало у меня кучу воспоминаний, нет ничего удивительного. Мое сознание ведь не помолодело. А вы знаете стариков: все они видели, все они слышали, с ними была похожая история, которую обязательно нужно рассказать. Одна ассоциация порождает другую – и так бесконечно. Старики способны удушить нас своими *«на соседнем крейсере был аналогичный случай, но без смертельного исхода»*.

– И на том спасибо, что не хотите мою тетушку волочь под венец, – сказала я. – А то всякое в голову лезет, как пообщаешься с юристами. Между нами, юристы смахивают на пуганых ворон. Чуть шумок, они крыльями машут и каркают. Мол, если вы женитесь на Александре Петровне, то ее денежки ку-ку.

– Не женюсь.

– Конечно! Ваша супруга намного богаче и не такая толстая. Итак, к чему мы приплыли?

– Естественно, я должен и хочу заплатить. Но в данный момент...

– Э! Не надо! – поводила я указательным пальчиком в воздухе. – Со мной не пройдет, я вам не тетушка, которая верит, что во всякий данный момент, никогда не заканчивающийся, у вас нет денег. То вы покупаете квартиры детям, то строите дачу-избушку. На самом деле вы вкладываете в строительство жилья на нулевом цикле. Когда дом сдают, ваша жена, то есть ее фирма, делает классный ремонт, и квартиру вы загоняете с прибылью в триста процентов и даже более. Как сказал Карл Маркс: нет такого преступления, на которое не пошел бы капиталист при

трехсотпроцентной прибыли, даже под страхом виселицы. Вешать вас никто не собирается, даже в тюрьму после суда не посадят, опозоритесь, конечно, и деньги потеряете. Это уж как ни крути. Детки, ваши сыночки, давно имеют престижное жилье, а дачи-избушки – это доходные коттеджи в Болгарии и Черногории.

– Откуда ты все знаешь?

– От тетушки, вы ей сами рассказывали. У вас, дядя Витя, ума палата, но с сильным сквозняком.

– Хорошо! Мне потребуется несколько дней, чтобы собрать...

– Снова неправильный ответ! Денежки у вас в сейфе, где-то здесь замаскированном. Получены от последней сделки, сумма явно превышает ту, что задолжали моей тетушке. Вы не храните деньги в банке. Вы точно Кощей у Пушкина: *«Там царь Кощей над золотом чахнет»*. – *«Руслан и Людмила»*. Конец строфы вам понравится: *«Там русский дух... там Русью пахнет»*. Хотя утверждать, что всем русским присущ комплекс скупого рыцаря, было бы слишком смело.

Строго говоря, в психиатрии комплекс скупого рыцаря совсем не тот, что был в одноименной поэме Пушкина у Барона. Но Витька несведущ в психиатрии и Пушкина не читал. Поэтому я поведала ему о людях, которым очень важно, наркотически требуется лицезреть, трогать свое богатство. Знать, что оно где-то хранится, не то удовольствие. Такие люди прячут накопленное под матрасом, в банках от консервов, в сейфах, периодически достают, пересчитывают, наслаждаются на полную катушку.

Я прочла из Пушкина: *«Как молодой повеса ждет свиданья / С какой-нибудь развратницей лукавой / Иль дурой, им обманутой, так я / Весь день минуты ждал, когда сойду / В подвал мой тайный, к верным сундукам»*. Самохин! Пришло время распечатывать сундуки. Что-то меня теперь на Пушкина потянуло.

– Дайте мне время хотя бы до завтра!

– Завтра Яшка несет исковое заявление в суд. Он торопится, боится, что тетушка передумает.

– Я хочу с ней поговорить!

– Естественно и невозможно. Она поклялась, что будет общаться с вами либо после получения денег, либо после подачи иска в суд.

– Иск всегда можно забрать.

– Вы не знаете Гольдманов. Если у них попросить прошлогодний снег, они выдвинут триста двадцать пять условий. Хотя какой в Израиле снег?

Витька переживал столь открыто и болезненно, что мне пришлось

мысленно приказать себе не раскисать, подавить жалость, помнить о детях, в зародыше удушить желание отыграть назад, сказать, что все это не взаправду, что я еще подожду, но дай хоть немного, хоть на зимнее пальто. Нельзя мучить людей, заставляя их страдать – это изуверство, хуже, чем месть, живодерство.

– Я не могу! – простонал Витька.

– Я тоже! Поди не каменная. Хватит резать кошке хвост по кусочкам! Или ты платишь, или я ухожу!

Витка встал. Если бы ему пришлось сделать несколько шагов, он, наверное, передвигался бы на дрожащих ногах. Ему нужно было только обогнуть кресло, сдвинуть одну из панелей, которыми были обшиты стены. Там действительно находился сейф. Витька, загораживая от меня табло, набрал шифр, открыл дверцу. Не оглядываясь, шмякнул на стол запаянный в полиэтилен брикет валюты размером с том Островского из собрания сочинений писателя. Я наклонилась рассмотреть. Внутри брикета пачки, перетянутые «бандерольками», на них печать банка, фамилия упаковщицы и надпись «10000 долларов США». Десять пачек по пять в ряд. Следом лег второй и третий брикеты. Витька закрыл сейф, повернулся, в руках у него была десятитысячная пачка. Он сорвал «бандерольку» и стал выкладывать доллары стопками, по десять штук в каждой, считал вслух. В последней пачке было шесть купюр.

– Пиши расписку, – с мукой в голосе сказал Витя. – Забирай!

– А тут сколько? – глупо спросила я.

– Сто тысяч, – ткнул он пальцем в брикет, потом в остальные: – Двести... триста. Тысяча, – ткнул в стопочку и пересчитал: – Две, три, четыре, пять, шесть, семь тысяч и шестьсот долларов. В расчёте?

Он спросил устало, и эта его вялость была хуже истерики.

Я вытащила из своего пакета тунику, в которой вышла из дома, телефон и кошелек, стала укладывать валюту. Брикетки поместились удобно, а куда затолкать семь тысяч шестьсот долларов я не знала, в кошелек они не поместятся.

– Вы не одолжите мне конверт или файл?

– Нет, убирайся!

– Вообще-то, – проямлила я, – со свадьбой у нас с Яшкой еще не решено. Там ведь еще мама Гольдман. Еврейская мама, сами знаете, как ракета средней дальности или даже дальней дальности...

– Убирайся!

Я быстренько завернула доллары в тунику, затолкала в пакет.

– Расписка...

– Не надо. Что я, Сашку не знаю? Потом. Уйди!

Он закрыл глаза и откинулся на спинку кресла.

– Это же не последней коровы лишиться! Самохин, у тебя, случайно, не предынфарктное состояние? Предынсультное?

– Выметайся!

Выйдя за дверь, я попросила секретаршу:

– Таня, присмотри за ним! Может, «скорую» или простое женское участие. Позаботься, пожалуйста!

– Пропуск возьмите, – протянула она карточку, не глядя на меня, продолжая свободной рукой листать какой-то журнал. – Иначе вас не выпустят.

На мою просьбу ноль внимания. Ее профиль: нарисованная бровь, носик, сережка в ушке, шейка – излучал такую степень презрения, что это уже и не было презрением, а плохо скрываемая брезгливость. Как если бы стало известно, что появились говорящие тараканы. Подобное насекомое заползло к ним в офис. Таракан остается тараканом, даже пусть он и говорящий.

Поэтому я просто ткнула пальцем под ее стол:

– У вас по ноге таракан ползет.

Когда я выходила, Таня визжала громко, тонко, панически – как надо. Самохин не может не отреагировать, выскочит, отвлечется от своих горестей.

Если вы никогда не ходили по улице с сотнями тысяч долларов в пакете и при этом у вас не хватало нескольких рублей, чтобы заплатить за метро, то вы не много потеряли.

Страх быть ограбленной, растерзанной, убитой не навалился сразу. Еще бушевал в крови гормональный коктейль триумфа, в который не верилось. Как вообще быстро и сразу не верится в триумф, будь он даже отличной оценкой на экзамене. Я смогла? У меня получилось? Не может быть!

Откуда взялся сюжет с Гольдманами? Из моих фантазий. Я лежала на тахте и мечтала: вот была бы я стройной, активной, мобильной, азартной, пробивной. Допустим, есть такая компания «Гольдман и сын»... дальнейший сценарий вам известен. Еще был вариант, что я прихожу к Витьке, рыдаю на его плече: меня ограбили черные риелторы, я только хотела квартиру поменьше, но сейчас я бездомная. Вариант без слез, но в ступоре надвигающегося ужаса: я играла в подпольном казино, просвистела все до последней нитки, меня поставили на счетчик, проценты

капают...

До последней минуты, переступая порог кабинета Самохина, я не знала, какой сюжет выбрать. Гольдманы пришли на выручку, заметив, что два других сюжета давят на жалость, а они, израильские юристы, – это угроза и страх. Вы можете подавать или не подавать нищим, но если вы точно знаете, что шантажист имеет неопровержимые доказательства, вы заплатите.

Витька! Мой дорогой друг! Я наговорила про него кучу пакостей, а он был прекрасен! Думала, утопит меня в водопаде слов. Нельзя утопить того, кто сам брандспойтная струя. Бедный Витька краснел, бледнел и снова краснел, а потом замолчал и закрыл глаза. Молчащий Самохин все равно что заткнувшийся нефтепровод. Но в целом? В целом он держался великолепно. Я же, коварная, еще подруга называется, удивлена его мужеству. Обязательно напишу ему доброе и ласковое письмо.

Итак, у меня чертова прорва денег, и надо как можно быстрее добраться домой. Лучше на такси. Ага! Поймать первую попавшуюся машину, заплатить стодолларовой купюрой, мне не жалко, водила не поверит в ее подлинность, а если поверит, на всякий случай отберет мой пакет. Не надо паники! Мыслим трезво и последовательно. Доллары надо обменять на рубли. Правильно – уже наметился прогресс в сознании. Обменивают в банках. Бандитские пункты обмена канули в прошлое. Нужен паспорт. Или не нужен? Вспоминай, ты читала. Чего-то там облегчили бумажный оборот, паспорт не требуется, если сумма... Какая сумма? Ведь не десять долларов! Может, сто прокатит? В крайнем случае скажу, что я социальный работник, который обменивает валюту по паспорту парализованной старушки... Сколько же можно врать?

Спокойно идем по улице, ищем банк. В России банков почти столько же, сколько аптек, на каждом перекрестке. Мы богатые, но больные. Шутишь – это хорошо. И никто не собирается на тебя нападать. Этому улыбающемуся мужчине ты просто нравишься, а та девушка вовсе не наводчица, просто она думала, что только у нее такая майка, и теперь печалится, что это, возможно, китайский поток ширпотреба.

Если бы американские деньжищи не были запаяны в вакуумный пакет, они, по логике, занимали бы гораздо больше места. Но вес остался бы тем же. И этот вес мой пакет не выдерживал, ручки растягивались, собирались порваться. Сейчас случится ужасное: на тротуар упадут сотни тысячные брикеты, из тряпки вывалятся сотенные долларовые бумажки. Спешите

увидеть незабываемое зрелище! Я прижала пакет к груди, подхватила снизу. За что мне все это? Я хочу домой! На свой диван, к булкам, книжкам и холодному чаю.

Банк! Прямо по курсу, наконец-то!

В банке было хорошо: прохладно и стульчики для посетителей. Безопасно, тут же охрана. А фантазию, которая издевательски рисует картины ограбления банков, мы пристыдим. Грабят-то не посетителей, а сам банк. Когда ворвутся несколько в масках, они крикнут: «Всем лежать!» – я плюхнусь на пол, предварительно засунув под живот пакет. Вот когда грабят в поездах... Стоп! Вырывают серьги из ушей... Стоп! Перетрясают чемоданы... Стоп! Это было сто лет назад. Если ты тронулась умом, то нечего было выуживать деньги из капиталиста. А кто бы на это решился в трезвом уме?

Прошло минут десять или полчаса, время я не чувствовала. Никто в масках не вривался. Мне стало понятно, что валюту обменивают в кассе. Я заняла очередь в кассу, впереди было семь человек. Сто долларов обменяла легко: положила в ящичек купюру, толкнула ящик, он уехал к кассирше, она забрала доллары, положила рубли и вернула ящичек обратно. Как продвинулись банковские услуги! Я вернулась на место, скачала на телефон услугу интернет-такси и поняла, как этой услугой пользоваться. У девушки под табличкой «Для юридических лиц» я спросила адрес их отделения. Девушка скучала, а у «физических лиц» народ клубился. Я вызвала такси. Мне пришла эсэмэска с номером машины, ее маркой и цветом, а также фамилией, именем и отчеством водителя, которые меня почти не смутили, хотя с первого раза я их не прочла. «Ырыскелди Чоллонбойевич Жангельдыев» – разве не прелесть, мечта логопедов? Милейший киргиз спросил мой адрес, повторил его с чудовищным акцентом в свой навигатор над приборной панелью. Бортовой компьютер понял своего капитана, проложил маршрут. Добрались мы быстро, и благодарность моя (чаевые) была щедрой.

Если бы это было в кино, то, войдя в квартиру, я бы прислонилась к двери, шумно с облегчением выдохнула и победоносно произнесла: «Получилось!»

В реальной жизни происходило чуть иначе. Я подошла к зеркалу в прихожей и робко сказала своему отражению:

– Получилось.

Чуть подпрыгнула, подняв руки со сжатыми кулачками.

Отражение скривилось: неубедительно. Где эмоции, что ты как

полудохлая? Должна быть страсть, ликование, бурная неудержимая радость триумфа.

Последующие прыжки на двух ногах и по очереди то на левой, то на правой, вопли индейцев, отогнавших бледнолицых от своего стойбища, отражение вполне удовлетворили. А соседи, проходившие мимо моих дверей в эти минуты, могли подумать, что в моей квартире тренируется теннисистка Шарапова.

Самохину я написала письмо. Приди оно по настоящей почте, он бы порвал его, не читая. Но не станет же Витька сбрасывать на пол монитор и в ярости топтать его ногами?

Дорогой Витя!

Я безмерно тебе благодарна! Ты сделал для меня то, что ни один человек никогда для меня не делал. Ты надежный верный друг и очень прозорливый. Плати ты все эти годы мне сполна, я бы, конечно, деньги профукала. А теперь могу помочь детям купить квартиру их мечты. И я счастлива! Благодаря тебе!

Извини, если моя племянница вела себя неделикатно, но ты знаешь современную молодежь, хорошее воспитание наблюдается только во сне. Шура славная девушка, она отказала Гольдману, и сей юрист, не солоно хлебавши, отбывает на родину предков.

Самохин! Не увольняй меня, пожалуйста! А то я утоплюсь. И в завещании напишу, чтобы именно ты был в море на опознании моего тела, выловленного из Москвы-реки. Представляешь, как будет выглядеть мой труп?

Обнимаю тебя!

Саша Калинкина, твоя на веки веков

Часть вторая

1

Утром следующего дня я вполне могла проснуться в старом теле. Это не сильно бы меня расстроило, а вот потеря денег – отчаянно. Волшебство, как известно, бывает длительное и краткосрочное. Царевна может до скончания века оставаться лягушкой или покоиться в хрустальном гробу – это длительное волшебство. Воланду ничего не стоило после сеанса черной магии в «Варьете» оставить москвичам новые наряды, но ведь заставил публику разбежаться в исподнем – это краткосрочное. На какой магии специализировался Старичок-Боровичок, долгосрочной или временной, я не знала.

Ночью мне ничего не снилось, но проснувшись, еще не открывая глаз, я вспомнила события вчерашнего дня, которые как раз могли быть сном. По-прежнему боясь поднять веки, я ощупала себя. Ура! Я осталась молодой и стройной!

Вскочив, я первым делом бросилась проверять деньги. Вот они, родимые, бумажечки мои ненаглядные. Какая ерунда! Фантики, а люди из-за них рвут жилы, гробят здоровье, ссорятся с близкими, идут на сделки с совестью, подличают, теряют друзей, приобретают врагов, убивают и сами раньше времени отправляются на тот свет. Хорошо рассуждать в подобном духе и лицезреть, поглаживать рукой капиталы. Это лицемерие из арсенала пресыщенной дамочки, которая тяжело вздыхает, мол, бриллианты надоели. Только бедный имеет право заявлять, что деньги – прах, только замотанная многодетная мать – с презрением смотреть на драгоценности. Но ведь эти доллары не для меня, я потрачу совсем чуть-чуть, мне же ничего не надо.

Каждое утро последовавшей недели процедура повторялась: с закрытыми глазами я себя ощупывала. Если следовать логике сказок, то должен появиться Иван-царевич или Иван-дурак, который одним поцелуем меня расколдует. Но целоваться ни с царевичем, ни тем более с дураком мне не хотелось. Зов плоти отсутствовал. Вероятно, в гормональных перестройках Боровичок не разобрался, как когда-то был несведущ в математике, и у меня остался постклимактерический статус шестидесятилетней женщины. Еще один аргумент в пользу этой теории – у

меня не изменились ни цвет волос, ни их длина.

Неделя была волшебной. Рассказывать о ней подробно просто совесть не позволяет. Потому что культурный человек старается не вызывать зависть. А бессовестная женщина стала бы описывать, как, почти неограниченная в средствах, она покупает наряды, ходит по музеям, посещает театры (у меня пенсия пятнадцать тысяч, а билеты на некоторые спектакли стоили до двадцати), обедает в ресторанах. Правда, на такси я почти не разъезжала, мне жутко нравилось, что могу пользоваться метро.

Выставки, театральные постановки дали моим изголодавшимся глазам столько, сколько я и вообразить не могла. Да, знаю, *изголодавшиеся глаза* – это неграмотно. Как в шансоне, который я однажды услышала: «*Руки твои нежные и глаза безбрежные...*» Как вы себе представляете безбрежные глаза? Но в моем случае было именно так, прекрасно до абсурда.

В квартирах-музеях (Шаляпина, Чехова и других) я оплачивала индивидуального экскурсовода. Вместо положенных часа-полтора мы ходили-беседовали до трех часов, спорили, ссылаясь на разные источники-мемуары, мне показывали те комнаты, что закрыты для обычных посетителей. Это ли ни счастье?

Из забавного: я несколько раз заблудилась в центре Москвы. Потому что мой город стал прекрасен: Золушка, превратившаяся в царицу-королевну.

Из чисто женского: посещение салона-парикмахерской.

От природы у меня темные волосы, кучерявые. Не мелким бесом, а волной, с годами становившейся все более плавной. Седина практически отсутствует.

Лена Афанасьева говорила в молодости:

– Везет тебе, Сашка, во всем везет, даже с волосами. Помыла голову, встряхнулась – и готово. Как тебя ни стриги, испортить невозможно.

Лена мыла голову каждый день и укладывала волосы феном. Ветер, дождь, снег – трагедия. Шапка, платок, шляпа – исключены. На самый трескучий мороз – капюшон.

– Ходишь с непокрытой головой, – пеняла я, – заработаешь менингит.

– Лучше воспаление в голове, чем жухлый веник на голове – отвечала подруга.

– Если бы мне приходилось каждый день вот так по часу торчать в ванной, это ведь хуже, чем мужикам бриться, я бы стриглась наголо, носила парики. Так поступают жены ортодоксальных евреев. Ленка, это можно творчески развить! Сегодня ты златокудрая, вся в таких локонах-пружинках, завтра – женщина-вамп: глянцевые прямые волосы, челка до

бровей, послезавтра ...

– Сашка, уймись!

– Конечно, тебя беспокоит, что ночью твоя лысая голова несколько понизит пыл Юры. Но тут ты можешь ошибаться, потому что эротические фантазии непредсказуемы. Он тебя погладит по гладкой головушке и *так* возбудится...

– С лысой башкой я сама не способна возбудиться ни при каких фантазиях. Но давай на тебе проведем эксперимент? Ты побрейся!

И я побрилась перед поездкой с хронически большим Данькой в Евпаторию. За месяц у меня на полтора сантиметра отросли волосы, выгорели, приобрели рыжий оттенок. Мне казалось, что выгляжу потрясающе. Сережа ахнет, когда меня увидит. Как он *ахнул*, я уже писала.

Укутав меня в пелерину-пеньюар, вымыв мне голову и подсушив полотенцем, парикмахер (молодой человек, похожий на сверчка) задумчиво перебирал пальцами мои волосы:

– Кто ваш мастер? Такая необычная стрижка.

Кто, кто. Я сама. Подойду к зеркалу с ножницами, чик-чик лишнее. На затылке, конечно, получалось кривовато.

Сверчок по имени Филипп спросил про мастера, потому что на мне, перед театром, было изумительное платье. Цвета красного вина кружева, почти староклассические брюссельские, под ними атласный чехол в тон, рукава и декольте без подложки, вырез горловины и низ рукавов – волнующая, то есть волнительная, то есть вырезанная по рисунку кружева ломаная линия. Увидев это платье, я в него сразу влюбилась. На мне черные лаковые туфли на граненых шпильках фарфоровых линий – в них не по тротуару цокать, а выставлять в витрине рядом с коллекционной посудой. Театральная сумка-клатч – произведение портняжного искусства.

Так одетая, *упакованная*, как говорит мой сын, девушка, конечно, имеет персонального мастера-стилиста. И то, что он наворотил на ее затылке, имеет какой-то загадочный дизайнерский смысл.

Я сказала, что хочу сменить мастера и полностью ему, Филиппу, доверяю. Какие чудные слова он употреблял: мелирование, филирование. Как *грассирование*.

Мама меня наставляла: «Не надо говорить, что Коля Булавин картавит. Лучше сказать, что он *грассирует*». На то, что этот косноязычный недотепа еще и шепелявит, перевирает все согласные, у мамы определений не было. Коля Булавин, кстати, знаменитый педиатр, и дефекты произношения, наверное, помогают ему найти общий язык с детьми. И, наверное, он

совсем не похож на персонаж Ролана Быкова – комичного логопеда из фильма «По семейным обстоятельствам». *Кто у нас буфет? Мальчик или феевочка?*

Однако когда Сверчок-Филипп меня мелировал, то есть красил разным цветом пряди, проложенные фольгой, я опасалась, что буду похожа на зебру, подвергнувшуюся хулиганской выходке пьяного зрителя зоосада. Он меня долго стриг, а потом филировал – ножничками, имевшими одним из лезвий расческу, и мои волосы летели в стороны как сено из стога, в который забралась медведи праздновать свадьбу. Меня не покидала тревога, и я себя мысленно утешала, что лысой-то я не буду, да и лысой я уже была.

Сказать, что я себя не узнала, когда Филипп снял с меня перелину, было бы литературным штампом, клише. Просто я стала еще красивее. Хотя уж куда более.

За ту работу, что проделал Филипп, неудобно было давать стандартные чаевые – десять процентов.

Я так прямо и сказала:

– Вы сотворили произведение искусства. За него положен гонорар, а не чаевые. Леонардо да Винчи получал гонорар, а не чаевые. – Открыла сумочку и вытащила билет на завтра в Большой театр. – К сожалению, только один. Есть прелесть ходить в театр в одиночку, как читать хорошую книгу. Мы ведь читаем наедине с прекрасным. Спасибо вам!

Кстати, ко мне теперь редко приставали в транспорте и на улице. Изменился гардероб и что-то в выражении лица. К такой девушке разве что на «Мазерати» подкатить. «Мазерати» и прочие «Бентли» проносились мимо, за что им спасибо.

Большая удача: Данька, Маша и Катя умотали в Крым, жили, притулившись на скале в палатке, сотовая связь там отсутствовала, и мне не звонили.

Дети проводят отпуска компромиссно. Уступая Данькиным желаниям, – неделя в палатке, в каком-нибудь лесу, где проводится музыкальный фестиваль, или, как нынче, в диком хипповом крымском лагере. Неделя – у моря, в Греции, в Турции или в Тунисе, где Маша выберет. На моей памяти больше двух недель отдыха дети себе позволить не могли. Обычно между первым актом отпуска и вторым была неделя-десять рабочих дней в Москве. Но в этом году у них между самолетом из Симферополя и самолетом в Солоники меньше суток. Только и успеют бросить палатки, спальники и прочие туристические плитки-котелки,

помыться под душем. Поскольку дети не в лесу у костров сидели, в море купались, то можно не опасаться, что пассажиры в самолете станут зажимать носы. Когда Данька, Маша и Катюша возвращаются с фестивалей, от них несет дымом и смогом, как от партизан.

С бывшим мужем Сергеем Калининым я встретила случайно, хотя и логично. Он жил в высотке на Кудринской площади, бывшей Восстания. Недалеко зоопарк, в котором я полдня провела. Зашла в кафе, сидела за столиком и мечтала, что поведу в зоопарк внучку, ведь я ее никуда не водила, бабушка называется. Мы с Катюлей, по дороге к метро и от метро, подпрыгивая, выучим стихотворение Василия Жуковского «Котик и козлик»:

Там котик усатый По садику бродит, А козлик рогатый За котиком ходит, И лапочкой котик Помадит свой ротик, А козлик седою Трясет бороною.

Мы обнаружим много «котиков» – от рыси до тигра, и бедных рогатых – такую тяжесть на голове таскать, мы поспорим, кто симпатичнее: моя белуха Юля или ее макаки и мартышки. Я ела пирожное, сладости я теперь поглощала, не толстая. Ах, какую вкуснятину стали делать московские кондитеры! Ела пирожное и запивала кофе, улыбалась, предвкушая вопрос внучки: «Почему никто из котиков не помадит свой ротик?» Спросив разрешение, приняв молчание за мое согласие, он подсел за мой столик.

Сергея я узнала мгновенно, хотя он сильно изменился. Того, что меня вычислит, не опасалась. Во-первых, человеку со здоровой психикой не придет в голову, что он может столкнуться со здравствующей бывшей женой в облике тридцатилетней давности. Обрюзгший экс-супруг, налившийся жиром, который вполне можно было бы принять за накачанные мышцы, если бы не выкатившийся над ремнем живот, производил впечатление психически устойчивого мужчины. Если принять за норму желание старого хрыча закадрить молоденькую девушку. Во-вторых, я уже убедилась, что людям, которые знали меня в молодости (Самохин, соседи), я кого-то смутно напоминаю, они даже не могут сообразить, что я напоминаю саму себя.

Прошлых обликов не узнают, и в том, что мы воспринимаем человека во времени, есть какая-то высшая справедливость.

Сергей снял бейсболку, присаживаясь за мой столик. Мамино: *Серреженька, мужчина в помещении не носит головного убора. В разговоре с женщиной шляпа на голове просто преступление.* Хороший мальчик, усвоил уроки. Он был лыс, нынче лысые в моде. Пробивающийся

бордюрик волос на черепе свидетельствовал, что при другой моде он имел бы прическу «озеро в лесу».

Сергей что-то моросил. *Не воспримите как бестактность, не примите за назойливость, надеюсь, я не нарушил вашей приватности, но вы так мечтательно улыбались – бла-бла-бла, тра-та-та.* Ишь, какой культурный, а когда-то мы ему внушали, что душ надо принимать каждый день, а не только по субботам мыться.

Я рассматривала Сергея, не таясь, пристально и предметно. Что можно было расценивать, как мою благосклонность к его флирту. Данька в старости будет на него похож? Да и пусть будет. Живот убрать – вполне интересный мужчина. Тем более что лысина сыну не грозит, у него моя шевелюра.

Маша, дразня Даньку, потешалась, а он – за чистую монету.

– Ты, Данька, жмот! Жадина-говядина, пустая шоколадина!

– Я жадина? Скажи, нет, ты скажи, когда я жадничал? Когда я тебе на ХЗЧТ (хрен-знает-что-такое) отказывал?

– Тогда почему у нашей дочери не твои кудри?

Вспомнив, я рассмеялась. Очевидно, не к месту.

– Только спросил ваше имя, – удивился Сергей. – Разве это смешно?

– Имя у меня самое обыкновенное. Как, вероятно, и ваше.

– Но вы необыкновенная девушка!

– Даже не представляете, насколько.

– Я же просто доктор наук, физик.

Конечно! Просто доктор наук, снимающий девушек недалеко от места жительства. Жена на дачу уехала?

Вынув из кошелька тысячу рублей, подсунув их под блюдце, – для официанта, я поднялась.

Дала возможность меня рассмотреть, оценить, восхититься.

Склонилась к его уху:

– *Мне тебя уже не надо...* Давно! Физик средней руки.

Между столиков, к выходу я шла с гордо поднятой головой, со струнной спиной, цокая каблучками по полу. А на улице меня придавило. Словно на плечи опустились два стокилограммовых стервятника и принялись по очереди клевать мою печень. Поделом.

Как я его лихо припечатала! Молодчина, только и сказать. Цветаевская строка, которую Сергей вряд ли узнал. Потом отсебятина. *Давно!* И в

довершение клеймо, придуманное злой брошенной бабой.

«Мечь есть наслаждение души мелкой и низкой», – сказал Ювенал. И он был совершенно прав. От себя добавлю, что после акта мести у натур мелких и низких, даже если они только что поглощали сладости, во рту будет мерзко, как после тухлятины.

Машина мама приехала ко мне без звонка, не предупреждая. Утром, когда я чистила зубы. Выскочила из ванной на длинные требовательные звонки в дверь с мыслью: «Светлану Ильиничну, старшую по дому, все-таки прикончили нанятые управляющей компанией киллеры. Хотя должны были сначала расстрелять персонал пекарни за их невыносимо вкусные булочки».

На пороге стояла Любовь Владимировна.

– Ты племянница?

– Да, – булькнула я белыми пузырями.

– Пройду?

– Конечно!

Любовь Владимировна относится к тем мамочкам, которые контролируют каждый шаг и всякую деталь туалета дочери. Они способны задрать платье и удостовериться, что лифчик застегнут на все крючки, выпытать у проходного, случайного кавалера его биографию, вплоть до болезней прадедушки. А когда дочь выйдет замуж, они будут каждый день наведываться, проверять содержимое холодильника, доставать из грязного белья мужские носки и нюхать, чистоплотный ли зятек попался.

Но! У нашей Любви Владимировны внутри живет некий Судия, который не позволяет ей давать волю порывам. Мы все этого Судию знаем, то есть чувствуем. И безмерно признательны Любви Владимировне, что она Судию слушается.

Пока я полоскала рот, Любовь Владимировна обследовала комнату. Если бы я ее ждала, я бы навела порядок. Методом – все в шкаф. Я же говорила, что неряха. Но не грязнуля!

– В институт приехала поступать? – спросила Любовь Владимировна и выразительно провела рукой по поверхностям, на которых валялись мои наряды. – К экзаменам готовишься?

– Я, э-э-э медалистка. Золотая. В смысле только один экзамен. Уже сдала, уже прошла.

- Вижу, куда прошла.
- Чай, кофе? Не хотите ли? Позвольте предложить?
- Ну, предложи.

Обогнув мою смиренную фигуру, Любовь Владимировна двинулась на кухню, где первым делом открыла холодильник и проинспектировала его содержимое. *Судия*, похоже, вылез наружу.

- Сыр, колбаса, варенье? – мямлила я за спиной сватьи.
- Хоть спиртного нет, и на том спасибо, – услышала в ответ.

Второй замечательной особенностью натуры Любви Владимировны была ее всегдашняя готовность брать на себя всю женскую работу, не спрашивая, не рассуждая, не дожидаясь просьб. Она приходила и начинала готовить, накрывать на стол, убирать со стола, мыть посуду и даже пол. Данька и Маша беспардонно этим пользовались. Домработница не нужна, только маму-тещу в квартиру запустить.

И сейчас Любовь Владимировна сама поставила чайник на огонь, сделала бутерброды, вывалила варенье из банки в вазочку, протерла тряпочкой клеёнку на столе (какое счастье, что я старую тряпку вчера выбросила и пустила в обращение новую), достала чашки, розетки, пополнила салфетницу бумажными салфетками, заварила чай.

– Садись! – пригласила меня. – Ни каш у тебя нет, ни йогуртов. Плохо! Нездорово.

- Да, я знаю про овсянку. Я ее ненавижу, извините!

– Вот и Даня тоже. Но речь не о нем. Значит, Александра Петровна улетела в этот как его...

- Благовещенск.

- А как она поместилась своей задницей в самолетное кресло?

Голосом Любви Владимировны воскликнул, теперь уж это определено точно, *Судия*.

– Она купила два билета, то есть три. А, бэ, цэ – три кресла, там ручки между сиденьями откидываются.

На трех сиденьях, от иллюминатора до прохода, я бы, пожалуй, разместилась с комфортом.

– Откуда она деньги взяла? И один-то билет в Сибирь о-го-го стоит, а три!

С *Судией* надо было что-то срочно делать, загонять его на насиженное место.

– Деньги! – ударила я себя ладонью по лбу. – Конечно! Совсем забыла! Александра Петровна просила вам передать.

И бросилась в комнату, где плюхнулась на пол и поползла под диван.

Пакет с валютой прятался у самой стенки.

Когда я вернулась, разыгралась сцена драматически великолепная, и в ней были реплики совершенно восхитительные.

– Вот! – выкладывала я на стол запечатанные кирпичи валюты. – Сто, двести, триста тысяч долларов. На квартиру для наших, то есть для ваших детей в Доме в Сокольниках, рядом со мной, то есть с Александрой Петровной.

Любовь Владимировна смотрела на доллары как человек никогда не веривший в сказки, но увидевший скатерть-самобранку в действии. Быстро расстаться с убеждениями невозможно, проще не поверить своим глазам или заподозрить подвох.

– Они настоящие? – прошептала Любовь Владимировна.

– Абсолютно! На каждой пачке, видите, бандероль-перетяжечка с печатью банка. Александра Петровна двадцать лет копила по копеечке, в смысле по центу, курочка по зернышку. Александре Петровне пришлось уехать, просила вам передать, потому что меня так и подмывает... Уже подмыло на несколько тысяч.

И тут прозвучал вопрос, который я назвала бы восхитительной репликой номер один.

– Ты почему чай не пьешь? – спросила Любовь Владимировна. – Остынет.

У нее паралич мозга при виде фантастического богатства, Судия в обмороке, а она про чай спрашивает.

Некоторое время мы завтракали молча. Пачки денег гипнотизировали мою сватью, и когда она плюхнула на бутерброд с колбасой ложку варенья, я побросала пачки обратно в пакет. При виде столь непочтительного обращения с большим богатством Любви Владимировна закашлялась, показала пальцем себе за спину – постучи.

Я помотала головой:

– Сделайте глубокий вдох и задержите дыхание. Стучать нельзя – это миф, народное заблуждение.

Пока Любовь Владимировна, багровая, с выпученными глазами, не дышала, я озвучивала сведения, почерпнутые мной в бытность работы в медицинском вестнике. Привела пример, который мне очень нравится. Представьте, что кошка попала в трубу, и вы начинаете по этой трубе колотить. Какова вероятность того, что кошка выскочит вверх? Нулевая. А провалиться ниже вполне может.

Сватья, не выдержав безвоздушного напряжения, открыла рот, кашлянула так, что мне в лицо полетели брызги чая, слюны, клубничного

варенья, пережеванные хлеб с колбасой.

– Извини! – просипела Любовь Владимировна.

– Ничего страшного, даже отлично, – успокоила я и пошла в ванную умываться.

Отлично, потому что к человеку, которого облевали, вы будете испытывать некую слабость, будете прощать, а не придирайтесь.

Дискуссия на тему *что делать с валютой* проходила в дружеской обстановке. Любовь Владимировна предложила отнести деньги в банк. Я сказала, что это невозможно, так как в банке потребуют документы, объясняющие, откуда деньги взялись. Любовь Владимировна не заметила явного противоречия: валюта только что из банка, в официальной упаковке, какое уж тут курочка по зернышку. Любви Владимировне надо просто взять пакет и отвезти к себе домой. Перспектива передвигаться по городу, пусть и на такси, с *такой суммицей* сватью напугала. И тут я полностью разделяла ее чувства. Тем более что, как заметила Любовь Владимировна, она ночи не будет спать, имея на своей жилплощади миллионы. Кстати, в рублях это сколько, поинтересовалась она? Восемнадцать миллионов? Святые угодники! Нет, не может она взять на себя ответственность. Страшно только первые два дня, убеждала я, потом привыкаешь. В молодости ко всему легко относишься, заметила сватья, а в основательном возрасте уже знаешь всякое, что случиться может.

Основательный возраст – это ли ни чудное выражение? Вот вам реплика номер два. Мы не старые, мы основательные.

Где же выход, решение? Меня, признаться, дискуссия утомила, еще час проболтаем, и я точно опоздаю в Музей русского импрессионизма, в котором у меня заказана экскурсия с гидом. Сватья по музеям не ходила, а обсуждение доставляло ей зримое удовольствие.

Судия очухался, уловил мое ерзание и голосом Любви Владимировны постановил:

– Тут спрячем! Где Александра Петровна живет, в ее квартире. Какая женщина! Я всегда перед ней робела. Ей бы сбросить кило тридцать... или пятьдесят, да все сто, она бы...

Я давно вычеркнула из круга общения доброхотов, которые подсовывали мне диеты, программы похудения и телефоны модных диетологов. Меня можно заподозрить в том, что как психически ненормальные четырехцентнеровые американки выращиваю себя для «Книги рекордов Гиннеса»? Я прочла все, что можно прочесть про морбидное (патологическое, болезненное) ожирение, но ни с кем свои

знания обсуждать не намерена. Я сделала выбор и хочу общаться только с теми, кто этот выбор уважает. Если кратко: диетами и физическими нагрузками помочь нельзя, а на более радикальные методы я не пойду. Им нужно посвятить несколько лет жизни. Зачем?

Вскочив, я подошла к окну, чтобы Любовь Владимировна не увидела перемен моего лица.

Сватья. *Сватья баба Бабариха.* И она за спиной! Все за спиной мои не косточки перемыывают, а про лишний вес судачат.

– Да я к слову, – извинялась Любовь Владимировна. – Между нами, Шура! Да за одну Александр Петровну сто дюжин худых и стройных мало будет. Таких как она искать переискать – не найдешь!

– Итак! – проговорила я, не оборачиваясь. – Деньги на квартиру Даньки и Маши мы прячем здесь и сейчас. Вы прячете.

– Только ты подсматривать не будешь! – Уже совсем другой тон, деловой, бойцовский. – А то опять тебя... подмоет.

– Могу закрыться в ванной.

– Лучше – в туалете.

Миллионы людей во всем мире, разных национальностей, цвета кожи, вероисповедания, политических взглядов, социального статуса – от нищих до миллиардеров – читают в туалете. С миллионами я спорить не могу. Но я считаю эту привычку вульгарной. Могла бы аргументировать свою точку зрения: спущенные штаны, звуки, запахи – не стану. Я только помню, как мама смотрела на отца, когда он норовил уединиться в туалете с газетой. Как папа ей отдавал эту газету перед дверью туалета. У него было необычное, непривычное выражение лица, как у нашкодившего мальчишки.

Я просидела на стульчаке пять или десять минут. В закрытом пространстве тюремной камеры время тянется не так, как, например, при поцелуях в подъезде. Время – самая субъективная, зависящая от эмоций категория. Я подумала о времени, о том, что Любовь Владимировна сейчас рыщет по моей квартире в поисках надежного места для схрона-тайника, что ее время летит стремительно, она переживает азарт и волнение, которых давно не испытывала, и мне следует быть терпеливой, пойти на жертвы. Не такая уж великая жертва – лишиться посещения Музея русского импрессионизма. Выйду – позвоню в музей, извинюсь: московские пробки, застряла намертво, можно ли перенести, готова покрыть неустойку, давайте назначим другое время...

Как только решила, что сватье надо дать столько времени, сколько ей

потребуется, я стала тарабанить в дверь:

– Долго еще? Сколько можно! Хоть книжку какую-нибудь принесите!

Любовь Владимировна приоткрыла дверь туалета и просунула мне книгу – из стопки на столе.

Это была книга Александра Чудакова «Антон Павлович Чехов», в свое время по каким-то, вероятно, издательским, причинам предназначенная для учащихся старших классов. Из-за этих «учащихся старших классов» она не привлекла моего внимания. И когда мы спорили с экскурсоводом (молодым человеком потрясающих знаний и волшебной интеллигентности) в Доме-музее Чехова, когда я блистала знанием чеховской мемуаристики и исследований иностранцев вроде популярного Рейфилда, оказалось, что биографии Чехова, написанной Чудаковым, я не читала. Того самого Чудакова! Автора «Ложиться мгла на старые ступени» – книги, которую я восприняла как подарок. Точно много-много любящих меня людей думали-думали, искали-искали, чем бы меня порадовать, и вручили эту книгу.

Вернувшись из музея, я немедленно бросилась к компьютеру, вошла на сайт книжного интернет-магазина. И, о чудо! Есть книга, переиздали! Маленьким тиражом, конечно. Я заказала и получила пять книг – себе и на подарки. Стопка покоилась на моем (дедушкином) письменном столе. Я отложила Чудакова для прочтения в минуты мрачной депрессии. Они меня посещают, лекарство мне известно. Так бабушка учила: «Спрячь, Саша, леденец, а когда плакать захочется, достань его и пососи».

Я открыла книгу и начала читать.

Город, в котором родился Чехов, был как будто обычным заштатным городом Российской империи...

Любовь Владимировна могла искать место для тайника хоть до скончания века. Я была сыта, прочих надобностей справленье – под боком, то есть под стульчаком. Я вплыла в текст как рыба в новую чистую заводь.

– Выходи! – распахнула дверь туалета моя сватья. – Управилась, уж не знаю, надежно ли.

Я была на тридцать второй странице, где речь шла о том, что представляла собой торговая лавка в провинции. Будущий писатель проводил в ней много часов.

– Еще посижу, если вам требуется, – сказала я Любове Владимировне.

Она приняла это за жертву. Ошибочно. Я уже решила, что никуда сегодня не пойду, дочитаю.

Мне хотелось завалиться на тахту с книгой, через несколько часов заказать еду в дешевом восточном ресторане, они прекрасно готовят и очень вежливые.

– Шура, девочка! – проговорила Любовь Владимировна с непонятной тоской. – А если я умру?

– В смысле? Мы все когда-нибудь...

– Нет! – с досадой перебила сватья. – Например, сегодня меня трамвай переедет.

– Мне всегда было интересно, как можно попасть под трамвай, он ведь издали громыхает и звенит. Однако, когда трамваи появились в Москве, под ними часто оказывались ротозои. И всегда найдется Аннушка, которая *масло уже пролила*. Мы что сейчас обсуждаем?

– Если я погибну, как дети узнают, где деньги?

– Задача. Во-первых, поживите. Маше и Даньке вы очень нужны. Еще ребенка родят... Представляете, как будет замечательно? Во-вторых, можно оставить записку, типа завещания-указания.

– Точно, Шурочка, молодец! Прямо сейчас эсэмэской им скину.

Любовь Владимировна в эсэмэсках придерживалась стиля телеграмм. Выучка с советских времен – кратко и по делу, ведь за каждое слово в телеграмме по десять копеек надо было заплатить, включая предлоги, «тчк» и «зпт», но на них обычно не тратились. Я хотела бы видеть лицо Маши, когда она получит от мамы сообщение: «случае моей смерти смотреть балконе александры петровны».

Но сотовой связи на плато крымской скалы не было. Отсутствие связи подчас сохраняет нам тысячи нейронов, клеток мозга. *Нервные клетки не восстанавливаются* – тоже из разряда мифов. Но тут бы я с учеными поспорила.

С бывшим мужем я встретила случайно, а Женю Уколова разыскивала сознательно и специально.

После короткого общения с Сергеем остался неприятный осадок. Не потому, что он со мной заигрывал, пытался *снять девушку*. А потому что я его обманула. Будто маскарадный костюм натянула, приклеила чужую личину и пошленько отомстила за старые грехи. Ведь если бы Сергей увидел меня настоящую, то распределение ролей было совершенно иным.

Он – солидный, интеллигентный мужчина в элегантном возрасте, а я – бегемотиха. Он бы старался не показывать брезгливое изумление, но выражение глаз: *хорошо, что я с ней когда-то расстался* – не спрячешь. Свои чувства, столкнись мы вдруг, я даже описывать не хочу.

Однако именно встреча с Сергеем породила желание увидеть Женю. Просто увидеть, издалека. Какой он сейчас? Моя первая любовь, одуряющая, сводившая с ума, заоблачные мечты-фантазии и бездонная пропасть отчаяния. Я его так любила, что не могла с ним разговаривать, немела как радиоприемник, в который ударила молния. Если мы случайно касались друг друга, входя в класс или вываливая гурьбой из класса, или на физкультуре, когда в смешанных командах играли в баскетбол, меня разбивал короткий паралич. Чтобы сие явление не шокировало окружающих, я врала, что после ангины, которой переболела в детстве, меня иногда *стопорит*.

– Почему только в школе? – подозрительно спрашивала Ленка. – Ангиной все болели, но никого почему-то не стопорит.

– У меня была особо злостная ангина. Она дала осложнение на сердце. Помнишь, я всю четверть в больнице пролежала? И теперь мое сердце иногда на несколько секунд останавливается.

Оно действительно, как мне казалось, останавливалось, но вовсе не из-за осложнений после ангины.

Я взяла слово с подруги, что она не проговорится моим родителям, и для пущей убедительности периодически изображала ступор дома и на улице.

После школы, то есть тридцать с лишним лет, я не виделась с Женей. Доходили скудные слухи: поступил в Бауманку, работает в каком-то *ящике*. Так называли закрытые военные предприятия и НИИ. Женился, двое детей. Как и я, Женя не посещал вечеров встречи выпускников. Лена сходила несколько раз и зареклась. Когда сама стареешь, незаметно, а посмотришь на ровесников, оторопь берет.

Тот высокий градус любовной лихорадки, который вызвал Женя Уколов, никогда более не повторился. С Женей температура держалась за сорок, с Сергеем на стабильных тридцати девяти. Когда человек выздоравливает, температура приходит в норму. Я очень давно живу с нормальной температурой и столь же давно не вспоминала про Женю. Вслед за детством, юностью он ушел. Но не растворился, остался в подсознании и время от времени мне снился.

Сны – это потрясающе интересный объект для изучения. Я когда-то писала статью о том, что происходит в мозге спящего человека, увлеклась

этой темой и до сих пор отслеживаю публикации по ней.

Вдумайтесь. Человек за день устал, то есть устал его мозг, работая с таким объемом информации, который не способны переварить все компьютеры Земли вместе взятые. Сердце стучит, оно не устало, как и почки, печень, о скелете и говорить нечего, мышцы восстанавливаются быстро. И только мозг требует отдыха, то есть сна. Без отдыха он не сможет контролировать работу организма. У лишенного сна человека происходит разлад всех систем, начинаются галлюцинации, он сходит с ума и неизбежно умирает. Человек спит примерно треть жизни, из семидесяти восьми лет – двадцать пять. И потратить эти годы на что-то полезное не получится.

Итак, мы ложимся спать, отключаемся. И тут начинается фантазмагория. Нам *крутят кино*: то страшилку, то ужастик, то вы убегаете от врага, а ноги вязнут, то вас подталкивают к краю пропасти. Хорошее кино, с полетами и веселыми приключениями *показывают* очень редко. В молодости еще можно посмотреть эротику. Но, как правило, она такая постыдная и вульгарная, что пересказывать решится не каждый. С появлением энцефалограммы выяснилось, что в фазе быстрого сна (когда мы видим сны) мозг работает вовсю, как при самой тяжелой и нервной работе. Это называется – он отдыхает? Но испытуемые, которых лишали фазы быстрого сна, будили, вставали утром разбитыми, не отдохнувшими.

В статье я привела пример, который мне понравился. Представьте себе, что ваш мозг – это почтовое отделение. Весь день непрерывным потоком доставляются посылки, бандероли, письма, телеграммы. Уже нет места в помещении, шагу ступить некуда, а корреспонденция все прибывает и прибывает. Хватит! Почта закрыта! Человек завалился спать. И тут приходит опытный почтовый работник и принимается разгребать завалы, ловко сортировать корреспонденцию по полкам, шкафам и ящикам. Некоторые письма – в архив, на долгое хранение. Это из короткой памяти информация отправляется в долгосрочную память. А мы в этот момент смотрим кино абсурда. Автор фильма в общем-то не настаивает на том, чтобы зритель запомнил его творение. Поэтому мы чаще всего не можем вспомнить, что нам снилось.

Я прочитала уйму статей из разных областей знания и только однажды написала автору. В одной американской лаборатории по изучению сна проводили опыты, исследовали продолжительность сновидений. Была высказана гипотеза, что длительность сюжета сновидения крайне мала. Человеку кажется, что он два часа смотрел кино, а на самом деле прошло несколько секунд. Для подтверждения гипотезы требовался статистический

материал, и я решила внести свои три копейки.

Вот что происходило в реальности. Внучка из соседней комнаты пришла в мою, наклонилась ко мне, спящей, и легонько поцеловала в губы. Я проснулась тут же, Катя не успела поднять голову. Вот что мне приснилось за миллисекунды. Будто у меня есть ручной медвежонок, с длинной шерстью, белой, в рыжих и черных пятнах. Медвежонок застыл в проеме двери, потом поднялся на задние лапы, точно цирковое животное (я успела про цирк подумать), вразвалочку подошел ко мне, наклонился и поцеловал.

Автор эксперимента мне ответил, поблагодарил и попросил присылать описание моих сновидений. Я не откликнулась на его просьбу. Писать про то, что мне иногда снится мальчик – первая любовь, неловко, слишком интимно. Тем более что Женя мне снился в качестве мужа, с которым я прожила много лет, или персонажа, вдруг появившегося и почему-то имеющего на меня все права, делающего меня абсолютно беспомощной, покорной, скулящей как собака, которую хозяин бросил, но теперь вдруг возник. Собака скулит не от радости, она боится, что ее снова бросят. Уж лучше бы не приходил, она давно привыкла к другим хозяевам.

Описывать Старичка-Боровичка, помогавшего мне в детстве, – отдаст фанатичной верой в провидческую ценность снов. А уж напиши я американскому ученому, как после детского сна чудом вернулась в молодость, мой пример выкинули бы из статистики. Сумасшедшие с их бредом в зачет не идут.

Да, кстати, забыла самое интригующее. Могут ли наши сны служить прогнозами на будущее и имеют ли характер диагноза психического или физического состояния (привет Фрейду и его последователям)? Если кратко, ИМХО (по моему скромному мнению). Сонники пишут шарлатаны, поэтому в одном вы встретите: увидеть мертвеца – к изменению погоды, к дождю, в другом – мертвец обозначает находку чего-то давно потерянного. Примеров масса. С психологами, психиатрами, психоаналитиками, которые толкуют сны, тоже все неоднозначно, но камень я в них не брошу. Итак, сны – это вранье. Хорошее вранье обязательно основано на крупнице правды. Сны – это гениальное вранье. Женю Уколова я любила страстно – чистая правда. Что мечтаю о нем, скулю и плачу, сожалею, что не выпало прожить с ним долго и счастливо, – абсолютная ложь.

Самостоятельно найти Женю мне не удалось. Он не был зарегистрирован ни в одной из социальных сетей. Упоминания о нем в Интернете вообще отсутствовали. Но ведь то же и со мной. Я летаю по

Всемирной паутине как бешеный комар, но попробуй меня отыскать. Я обнаружила, что существует масса детективных агентств, которые за плату, *которая приятно удивит*, отыскивают должников, алиментщиков и прочих несимпатичных, а также симпатичных личностей. Обращаться к сыщикам мне не хотелось. Я написала с просьбой о помощи Васе Васильеву, моему компьютерному гению. Мол, нет ли у него специалиста, который за любую разумную плату отыщет для меня одного человека? Уколова Евгения Евгеньевича, 1958 или 1959 года рождения, когда-то жил на Стромынке.

«нивапроз», – ответил Вася.

Наше общение с Васей, особенно личное, довольно смешно выглядит со стороны. Я говорю на литературном русском, а он на птичье-интернетовском. Особенно весело было вначале.

– Вам гроб надо менять, – говорил Вася, – не сапгрейдить, придется новый купить.

– Да у меня и старого нет, как-то не запаслась, – мямлила я ошарашенно.

Оказалось, что *гроб* – это корпус компьютера, системный блок.

– Глисты у вас, Александра Петровна!

– С чего вы взяли? Что за дикое предположение?

Выяснилось, что *глисты* – это сетевые вирусы.

Данька как-то долго ржал, когда я выразила удивление, что у интеллектуального мальчика Васи Васильева жена работает банщицей.

– Ага! – потешался сын. – В Сандунах!

Банщики, пояснила Маша, это дизайнеры, которые занимаются версткой баннеров.

Теперь-то я, конечно, знаю, что *сморкалка* – это струйный принтер, а *энурез* (вероятно, от английского «unerase» – «восстанавливать») – это возвращение нечаянно стертых файлов. Я принципиально разговариваю с Васей на чистом русском, он, так же принципиально, говорит со мной на сленге. Такая у нас игра. Однажды я случайно увидела письмо Васи в какую-то фирму. Оно было составлено умно, грамотно, без единой ошибки. Мне же он шлет *емели*, которые мог написать только человек с патологической дислексией, причем китаец, изучавший русский пару месяцев.

Через два дня у меня был адрес и телефон Жени Уколова. Я поблагодарила Васю и спросила, сколько должна.

«шакалатку при виситречи», – написал этот безумный гений.

Моя фантазия работала на полную мощность и выдавала на-гора

десятки вариантов организации *нечаянной* встречи. Все не то, хотя некоторые сценарии были вполне оригинальны и забавны. *Не то*, потому что играть с Женей в игры мне претило, потому что мне от него ничего не было нужно, он ведь не Витя Самохин, зажививший мои деньги.

Я просто поехала к его дому, гуляла по улице Строителей, на которой он жил, сидела во дворе, сторожила подъезд, нарезала круги у метро «Университет». Так два дня. Потом я подумала, что если у него есть собака, то ее выгуливают. На третий день я заняла пост спозаранку. У Жени собаки не было или выгуливал ее кто-то другой. А скорее всего, Жени нет в городе, лето, он на даче или в отпуске.

Я набралась смелости и утром четвертого дня позвонила ему.

– Слушаю! – мужской голос, спокойный, нейтральный.

Я закашлялась, перехватило горло, как в юности:

– Простите! Это звонят из поликлиники.

– Да?

– Мне нужно записать дату вашей диспансеризации. Когда вам будет удобно пройти обследования? – Продолжительный кашель. – Простите, поперхнулась!

– Может, вам лучше перезвонить позднее?

– Да, спасибо! Всего хорошего!

Я положила трубку, несколько секунд хватала ртом воздух, обозвала себя дурой, потом уверила себя, что закашлялась я по причине нелюбви к вранью. То, что я живу в сплошном лукавстве, не считается. И есть хорошая новость: Женя в городе. Срочно мчаться на улицу Строителей, патрулировать. Вдруг он сегодня уедет? И какого черта он сидит дома? Может, он инвалид-колясочник или прикован к постели? Перелом позвоночника, и теперь он как герой замечательного фильма «Один плюс один» в исполнении Франсуа Клузе. И вряд ли у Жени есть такой неподражаемый помощник, как Омар Си.

– Ты еще покаркай, покаркай, чтоб у тебя язык отвалился, – лихорадочно собираясь, ругалась я вслух. – Пусть отсохнут у тебя в мозгу те нейроны, что всякую чертовщину придумывают.

Лето 2017 года было холодным и дождливым. Для меня прежней – самым лучшим. Жару я плохо переносила, кондиционеры в квартире работали круглосуточно. Я на них молилась. Теперь же кондиционеры бездействовали, а я мерзла. Лето называется! Начало июля! Над Москвой который день низкое тусклое небо. Словно город болен, и на него наложили повязку сомнительной чистоты. Периодически моросит дождь,

унылый и докучливый, как жалобы пьяного нищего.

Второпях я выскочила из дома без куртки и зонтика. На мне были укороченные белые брючки в обтяжку, кроссовки на босу ногу и тонкая батистовая блузка. Дойдя от метро до улицы Строителей, я промокла насквозь, дрожала от холода, зубы выбивали мелкую дробь. Долго не продержусь, да и шанс встретиться с Женей – один на миллион. Зачем я пустилась в сомнительную авантюру? Как все это нелепо и глупо!

Только я решила отправиться домой, как увидела его. Шанс на миллион все-таки шанс. Я узнала его мгновенно. Точнее, не узнала совершенно, а каким-то триста пятым чувством, интуицией, третьим глазом увидела в мужчине, идущем под зонтиком, своего Женю Уколова. И со мной случилась *нелепая ужасность*.

Мой папа хорошо водил машину, «жигуленок», история приобретения которого – отдельная тема, и если придется к слову, расскажу потом.

Папа с мамой ехали по пустынной дороге на дачу. Мама сидела рядом с папой, держала на коленях большую сумку. Заднее сиденье было завалено вещами, поверх которых стояли коробки с рассадой овощей и цветов – поклажа до крыши. Сверху на багажнике был привязан мешок с посадочной семенной картошкой и узлы с постельным бельем и одеялами. Про основной багажник машины и говорить нечего – был использован каждый кубический миллиметр объема. В прежние времена на дачу и с дачи ездили как в эвакуацию.

Дорога, повторюсь, была пустынна, только один автомобиль впереди. После знаков, предупреждавших о ремонте и ограничивающих скорость, папа дисциплинированно сбросил скорость до 30 км/час, к счастью. Медленно двигаясь, он догнал «Москвич», единственный на трассе и... врезался ему в зад. Хотя ничто не мешало объехать эту машину справа по обочине или слева, как положено. Но папа не свернул, двигался как намагниченный, пока не тюкнул чужой автомобиль. После торможения, подчиняясь инерции, рассада полетела на маму и папу, на крыше лопнула веревка, картошка рассыпалась по земле, а вслед за ней спланировали подушки, простыни и одеяла. В багажнике на крыше «Москвича» были привязаны доски, они дружно съехали на наш освободившийся багажник. Из «Москвича» выскочили водитель и три женщины, отчаянно матерясь. Мама мысленно перекрестилась, почему-то, как потом признавалась, бабушкиными словами: «Спасибо, Царица Небесная! Никто не пострадал».

Мама не задавала папе никаких вопросов, пока урегулировали финансовые проблемы и собирали скарб. Она молчала и оставшийся путь.

Только на даче не выдержала. Я слышала их диалог.

– Ты ведь со мной разговаривал! Ты ведь не спал?

– Не спал.

– Задумался? Отвлекся на свое?

– Не отвлекался ни на свое, ни на чужое.

– Тогда объясни мне! Почему ты въехал в этот автомобиль словно загипнотизированный?

– Я не знаю, – развел руками папа.

– Это какая-то нелепая ужасность!

Я дочь своего отца: яблочко от яблони, от осинки не родятся апельсинки, отец рыбак, и дети в воду смотрят.

Меня вело прямо на Женю, безрассудно и непреодолимо. Он из-за слегка наклоненного зонта не видел, что встречным курсом на него сомнамбулически движется отрешенная мокрая девушка. Меня вело, вело

...

В русском языке есть замечательная грамматическая форма, будто предназначенная для безответственных личностей. Согласитесь, «у меня разбилось зеркало, у меня порвался чулок» звучит гораздо приятнее и фатально невиннее, чем «я разбила зеркало, я порвала чулок». *Меня вело* совсем не то, что *я шла как дурочка зомбированная*.

Я готова ссылаться на предков, морочить голову особенностями русской грамматики. Но на самом деле мне очень стыдно. Врезаться в человека, заехать ему лбом по носу, перепугаться до смерти, попробовать отскочить в сторону, оступиться и грохнуться на асфальт. Нет, это не нелепая ужасность, это натуральная кошмарная ужасность. Приземлившись в лужу, я успела подумать, не прикинуться ли мне эпилептичкой. Не успела развить эту мысль, припомнить, как выглядит эпилептический припадок, который я никогда в жизни не видела, а только про них читала. Меня отвлекла боль на щеке и в ноге.

Женя повел себя благородно и восхитительно. Я питаю слабость к красивым мужским поступкам. Наша жизнь устроена так, что для рыцарства и благородства в ней почти нет места. Однажды у меня, через два года после развода, был любовный роман с тренером по волейболу. Роман мог прокиснуть, не начавшись, если бы не случай в транспорте. Мы ехали в автобусе, Андрей рассказывал о спорте. Я давно смирилась с собственным недостатком – неспособностью постичь, что так привлекает миллионы людей в атлетизме. Андрей говорил и говорил, я скучала и думала, что еще тридцать минут про пасты, подачи и чемпионаты, и я сбегу

под благовидным предлогом или без оногo. Тут в автобус вошел пьяный буйан, он сквернословил и приставал к пассажирам. Андрей ему раз сказал *заткнись*, два сказал – ноль внимания. Андрей постучал в окошко водителя: «Друг, останови, пожалуйста! И дверь открой». Шофер притормозил, гармошка двери поехала вправо, Андрей взял пьянчугу за грудки и вышвырнул из автобуса. «Поехали!» – сказал водителю, повернулся ко мне и продолжил рассказ с того места, на котором остановился. Это было сделано легко, изящно, благородно и просто, словно он комара щелчком сбил: подумаешь, невидаль. Мое сердце было покорено, правда, ненадолго.

Красивый мужской поступок (слово «красивый» можно вообще убрать) не надо путать с героическим, когда жертвуют своей жизнью ради других, ради победы. Мужской поступок тем и восхитителен, что он спонтанен, рефлекторен и говорит о *настоящности* данного представителя сильного пола.

Мужской поступок Жени Уколова заключался в том, что он отбросил зонтик, мешавший ему помочь мне встать. Не сложил в трость, не положил рядом на землю, а отшвырнул далеко, на газон. Была помеха и не стало.

– Вы ушиблись? Я помогу вам подняться. Осторожно! Вы ничего не сломали? – быстро говорил Женя и осторожно помогал мне занять вертикальное положение. – Что болит?

– Девичий стыд, – ответила я и попробовала дотронуться до саднящей щеки.

– Не надо! – перехватил мою руку Женя. – Грязь занесете. При чем здесь стыд? С каждым может случиться.

– *Дело житейское*, как говорил...

– Карлсон. Отлично, вы шутите, значит, сотрясения нет.

– Вы врач?

– Нет. Вам нужен врач?

– Спасибо! – Я высвободила руку. – Извините! Кошмарная ужасность.

Я пойду.

– Вы недалеко живете? В таком виде...

Одной рукой он поддерживал меня за локоть, а второй сделал круговой жест, обозначавший: вам надо обработать раны и вообще помыться.

– Живу далеко, но это не страшно, вызову такси.

– Вряд ли вас кто-нибудь посадит такую...

– Грязную, – договорила я. – Скажите, а ваш зонтик? Старый, дешевый, сломанный?

– Какой зонтик? – удивился Женя.

– Который вы зашвырнули на газон.

– Правда? Точно. Я и не заметил. Нет, хороший зонтик, дорогой, жена подарила. Вы прочно держитесь на ногах? Сейчас я возьму зонтик, и мы укроемся от дождя. Который день льет как у Стругацких...

– Роман «Гадкие лебеди». Или у Маркеса «Сто лет одиночества».

– Точно, – он посмотрел на меня с уважением.

Когда на вас, грязную и побитую, смотрят с уважением, это приятно.

– Я обитаю вот в том доме, – показал Женя («прекрасно знаю»). – Если вас не смутит, что в квартире сейчас никого нет («лучше не придумаешь»), то я могу вам предложить привести себя в порядок у меня дома.

– Мне неловко вас обременять.

– Ерунда, дело житейское... Кажется, я повторяюсь. Это от волнения. Не каждый день в меня врзаются девушки...

– И бьют по носу. Как он, кстати, не болит?

– Слегка.

Женя убрал руку с моего локтя и согнул ее кренделем, галантно предлагая опереться. Мы двинулись в его двор, изученный мной до последнего куста.

– Как вас зовут? – спросил он.

– Александра Петровна, можно просто Шура.

– Евгений Евгеньевич.

«Можно просто Женя» не последовало. Вероятно, у него, как и у меня, не в чести была современная манера отбрасывать отчества. Все эти Насти, Пети, Наташи, Маши шестидесятилетние выглядят просто жалко. Гораздо достойнее манера, которая была, например, у Солженицына, который ко всем людям, независимо от возраста обращался по имени-отчеству. Я неуклонно поправляла диспетчеров в интернет-магазинах: «Не Александра, а Александра Петровна. Пожалуйста, без панибратства!»

Из-за волнения скорость моих мыслей была убыстренной, почти как сновидения. Я удивлялась тому, что узнала Женю, он изменился совершенно. Был стройный худощавый юноша, темноволосый, с высокими скулами и чуть ввалившимися щеками. Теперь он практически седой и... широкий. Плечи, торс раздвинулись вширь, с сорок восьмого размера до пятьдесят шестого. Я скосила глаза – имеется ли живот? Лена Афанасьева, знаток турецких пляжей, говорила, что встретить мужчину после сорока без брюха той или иной величины, нереальная задача. Живота у Жени не наблюдалось, то есть если он и был, то скрывался за рубашкой навыпуск. А глаза? У него были темно-карие, цвета кофе. Я любила их рисовать,

радовалась, когда мне подарили набор из ста цветных карандашей, в нем имелся десяток оттенков коричневого. Глаза не могли измениться, я их потом рассмотрю.

«К двум годам глазное яблоко ребенка увеличивается на сорок процентов и растет до двадцати лет, становясь к этому возрасту в полтора раза крупнее, чем у новорожденного. Утверждение, что глаз человека не меняется с рождения, ошибочное», – почему-то вдруг выскочила фраза из моей давней статьи. И еще я вспоминала папу с его нелепой ужасностью, и понимала, что он тогда чувствовал. И поправляла себя: все-таки не до конца понимала. Врезаться во впереди тебя идущую машину – совсем не то, что в парня, которого когда-то любила. Я пыталась прокручивать варианты дальнейшего развития событий, но ничего не получалось. Фантазия работала на полную катушку, но выдавала брак. Я своей фантазии так мысленно и заявила, что она похожа на испортившийся автомат для сосисок, который я однажды видела по телевизору. Вместо упакованных в целлюлозу сосисок автомат плевался фаршем и плёнкой. Фантазия обиделась и заткнулась, точно капризный автор, назло читателям бросивший писать книгу на самом интересном.

Логично предположить, что взволнованные вихри в голове заставили меня хранить робкое молчание. Ничуть не бывало!

Я отчаянно кокетничала:

– Есть много женских уловок, чтобы завязать знакомство. Уронить рядом с мужчиной платочек, сумочку, рассыпать апельсины. Можно также незаметно воткнуть в круп лошади шпильку от шляпы, чтобы лошадь понесла, а благородный муж бросился спасать. Тут, правда, надо быть уверенной, что он раньше имел дело с лошадьми. На худой конец, упасть в обморок. Обязательно – куртуазно, красиво, живописно и трогательно. Но врезаться в человека на полном ходу, калечиться, валяться в грязи!

– Я не настолько самонадеян, – ответил Женя, – чтобы мнить себя объектом интереса девушек. Рассматривайте этот случай как репетицию.

По его тону было понятно, что Женя не подключился к флирту, а просто констатировал.

– Генеральную, по всей видимости, репетицию. Ведь у меня остались еще одна не поцарапанная щека и одно не разбитое колено.

Продолжая обсуждать случившуюся со мной неприятность, сохраняя роли: я – жеманная кокетка, он – благородный старик, мы вошли в подъезд. Женя вызвал лифт.

Консьержка распахнула дверь своего купе-привратничкой и вышла наружу.

– Евгений Евгеньевич?
– Все в порядке, Мария Егоровна.
– Откуда взял, откуда притащил? – бурча по-старушечьи, ответила я на невысказанный вопрос консьержки. – На улице валялась. Не пропадать же такому добру.

Женя рассмеялся и первой пропустил меня в подошедший лифт.

Хотя зонт подарила жена, в его квартире женщиной не пахло. Помните, фильм «Москва слезам не верит»? Гоша первый раз оказывается в квартире Кати, оглядывается, просматривает книги на полке и делает заключение, что никакой мужик здесь не обитает. Я же сделала вывод именно по запаху. Женщиной не пахло в прямом смысле слов. Там, где обитает женщина, даже если она не обливается с утра до вечера духами, царят другие ароматы.

Квартира была двухкомнатной. Прямо от входной двери коридор, вся правая стена – стеллажи с книгами, от пола до потолка, слева двери в комнаты. Коридор упирается в ванную, куда мне было предложено отправиться, рядом туалет. Поворот, еще маленький коридорчик и вход на кухню. Женя принес мне вату, жидкость для обработки ран, зеленку, пластырь, полотенце и женский плюшевый халат, от которого пахло вещью, давно пролежавшей в шкафу. Женя сказал, что я могу воспользоваться стиральной машиной, в ней есть функция сушилки. Он пока заварит чай.

Рана на лице представляла собой широкую, но неглубокую ссадину, окруженную отеком, который наверняка превратится в живописный синяк. На этом месте я уже имела подобное украшение. Играла с внучкой, наклонилась над ней, она резко подняла голову и подсветила мне глаз. Другой глаз мне однажды украсил художник. Я доставала с полки альбом Пикассо, а рядом стоял альбом Кандинского, который полетел вниз, прямо на мое задранное лицо, и углом корешка ударил меня в бровь. Василий Васильевич Кандинский, наверное, отомстил за то, что я не очень люблю его позднее творчество. Но я обожаю раннего Кандинского! Иными словами, даже такая домоседка, как я, не застрахована от хулиганских украшений на физиономии. Поэтому нечего сетовать, что на улице, где опасность поджидает на каждом шагу, я заработала очередной фингал.

Бедро и колено я сильно ушибла, но кожу не содрала. Пострадала только ткань на белых брючках, испорченных навеки. Я смыла под краном грязь с блузки и брюк, затолкала их и бюстгальтер в стиральную машину. Трусы стирать не стала. Это уж разврат – в доме незнакомого мужчины и без трусов. Приличия требовали поставить короткую тридцатиминутную программу плюс полчаса одежда будет сушиться. У нас почти час на общение. Я быстро вымылась и, благоухая мужским гелем для душа и шампунем, завернувшись в халат, который, кстати, мне был очень велик,

заявилась на кухню.

На лице Жени, когда я вошла, отразилось легкое смятение. Возможно, ему было неловко перед женой, что в ее одежде расхаживает по квартире молодая девица, только из душа, предыдущие события можно легко представить.

– Евгений Евгеньевич, если ваша жена сейчас придет, я позволю подбить мне второй глаз, чтобы доказать, что никакого криминала...

– Она не придет. Жена сейчас в Германии у сына. Александра Петровна, прошу к столу. Чай, баранки, вишневое варенье. Вы любите вишневое варенье?

– Обожаю! Можно попросить у вас лед?

– К чаю? – удивился Женя.

– Нет, к лицу, чтобы не сильно раздуло.

– Да, конечно! В полиэтиленовый пакет положить или в салфетку?

Он суетился. Я поняла, что смущен Женя не потому, что прикидывает, как бы ловчее охмурить залетную девушку. Напротив, опасается, что девушка может подумать о наличии у него подобных планов. Плохо он знает эту особу, то есть меня.

Чай был великолепный, крепкий и душистый, варенье вкусное, баранки свежие, а беседа, благодаря моим стараниям, легкой. Мне хотелось, чтобы Женя перестал переживать из-за двусмысленности ситуации, и я блистала остроумием. Это было как вдохновение, как хорошая импровизация. Меня точно прорвало, хотя в обычной жизни я не болтлива, ни у кого не повернулся бы язык назвать меня трынделкой.

Женя смеялся моим шуткам и забавным историям из жизни выдающихся людей. У него был замечательного тембра голос, низкий, обволакивающий, а смех рокочущий и свободный. Реакция Жени меня подстегивала, но периодически я спохватывалась и предоставляла слово ему.

Женя рассказал, что в пятилетнем возрасте мечтал о черепашке, как Тортила, которая дала Буратино золотой ключик. Родители купили черепашку. Дело было осенью. Черепашка прожила несколько дней и умерла. Женя был безутешен. Женя с мамой похоронили Тортилу № 1 в Сокольниках и поехали на Птичий рынок за новой черепашкой. Так продолжалось семь раз, похороны за похоронами. Слез у Жени уже не было, даже появился какой-то азарт – как скоро эта сдохнет, а стремление иметь черепашку только окрепло.

Когда в восьмой раз они приехали на Птичий рынок, мама возмущенно выговаривала продавцам:

– Можете вы, в конце концов, продать нам животное, которое не сдохнет через три дня?

В ответ ее спросили:

– С чего вы, дама, решили, что черепашки сдохли? Они просто в спячку отправились. На несколько месяцев.

– Но мы приезжаем сюда каждое воскресенье, – опешила мама Жени. – Могли вы нас предупредить?

– Откуда мы знали, что вы не знали? Может, вы коллекционировать их решили.

Мама взяла сына за руку и увела с рынка. Они не могли разговаривать почти час, всю дорогу до дома. Похоронить в парке семь черепашек, впавших в анабиоз! Не откапывать же теперь.

– Бедные, бедные черепашки! – хохотала я.

Так бывает, когда тебе рассказывают трагикомическую историю. Ты искренне сочувствуешь: *какой ужас!* А потом заходишься от смеха.

Мы говорили о кино, литературе, науке, живописи, преображении Москвы и еще о многом и разном. Тема цеплялась за тему, и этой веренице не было конца. Словно встретились два человека, которым судьбой было уготовано наслаждаться беседой, как бывает уготовано одному исполнителю встретить другого, и вместе они создают дуэт, играют, испытывая наслаждение.

Оказалось, что мы оба любим итальянское и французское кино новой волны, а из современных режиссеров восхищаемся Джузеппе Торнаторе, его фильм «Новый кинотеатр “Парадизо”» – шедевр. А к отечественным кинематографистам приходится делать приставку – ранний Михалков, ранний Рязанов, ранний Данелия. Мы сошлись на том, что лучший фильм всех времен и народов – «Белое солнце пустыни». Женя не видел российский фильм «Упражнения в прекрасном» Виктора Шамирова. Я предупредила, что там очень быстрая речь, тому, кто не привык воспринимать пулеметную очередь острот, стоит посмотреть второй раз. Чтобы это не прозвучало как намек на преклонный возраст Жени, я уточнила, что сама смотрела трижды. Женя не видел и шведскую картину «Столетний старик, который вылез в окно и исчез», и Жене можно только позавидовать, удовольствие гарантировано. В современном авторском кино Женя не разбирался, поэтому и мне заикаться не стоило.

В чтении книг он, как и многие наши сверстники, застрял на литературе, которой мы восхищались в молодости. Стейнбек, Ивлин Во, Трифионов, Астафьев, Распутин и классика, конечно, Чехов, Толстой,

Лесков. Я дала себе слово перечитать «Хаджи Мурата», потому что помнила только сюжет и не могла оценить восхищения Жени.

– С вами очень приятно разговаривать, Александра Петровна. Не ожидал, что среди молодого поколения есть такие эрудиты. Вы наверняка победили бы в телевизионной передаче и получили миллион.

– Вряд ли. Я ничего не смыслю в спорте, плохо разбираюсь в поп-музыке и в проблемах малых народов.

– Вы много читаете.

– С пяти лет, – скромно ответила я.

Не уточнять же, что с пяти лет и более полувека только тем и занимаюсь.

Женя расслабился, но продолжал звать меня по имени-отчеству, несколько раз упомянул про мою молодость, как бы сохраняя и подчеркивая дистанцию.

Надо же, как отличаются между собой зрелые мужчины! Гораздо сильнее, чем юноши и молодые люди периода гиперсексуальности. Одни пенсионеры женятся на подружках своих внучек (мой бывший муж явно из их когорты), а другие, как Женя, смущаются тому, что само в руки плывет.

Я представилась студенткой третьего курса филологического факультета МГУ. Я ведь ею когда-то была.

У Жени, как он скупо рассказал, старший сын работает в Германии, в фирме, производящей удобрения. У него двое детей, супруга Жени практически все время при внуках, которых обожает. Он тоже обожает, но видит редко. Дочь живет на Бали. Окончила институт, уехала в теплые страны, сначала в Индию, в Гоа, потом в Таиланд, теперь вот на Бали.

Женя имел семью и был одинок. Печально и, думаю, незаслуженно. Мне захотелось развеять его грусть, которая невольно проявилась, когда он говорил о семье. И был еще один момент из прошлого, в который мне бы хотелось внести ясность. Вдруг мы с Женей больше не увидимся. Я уже переделалась в свою одежду и пора было честь знать.

– Ко всем моим достоинствам, которые вы так любезно подчеркивали, – сказала я, – есть еще одно. Я умею гадать!

– На кофейной гуще? – скривился Женя.

– Отживший способ, новомодный – на испитом чае.

– Извините, Александра Петровна, но я плохо отношусь ко всякой оккультной белиберде, экстрасенсам, астрологии...

– И правильно делаете! Астрология – блудная дочь, которая в прошлые века подкармливала маму-астрономию. В Америке есть фонд Джеймса Рэнди, который гарантирует приз в миллион долларов любому лицу,

которое продемонстрирует какие-либо экстрасенсорные или паранормальные способности в условиях корректного эксперимента. За двадцать лет была масса претендентов, и все провалились. А известные экстрасенсы и не суются. Да и зачем? Они и так миллионеры. В литературе популярный ход – *цыганка нагадала*. То есть некая сквозная линия с предсказанием, которое обязательно сбывается. Мне цыганка нагадала двух мужей, от одного сын, от другого дочь, с первым мужем я разойдусь, а второй умрет от рака...

– Вы верите, что такой будет ваша судьба? – насмешливо спросил Женя.

– Я сказала «я»? Простите, оговорилась. Это моей маме цыганка нагадала. И не запросила платы, что было странно и внушало пророчеству доверие. На самом деле рядом крутился цыганенок, который стащил у мамы кошелек. Моя мама была замужем один раз и счастливо, родилась только я. – Пришлось реальную биографию мамы использовать. Но сути это не меняло. Я продолжила натиск. – Даже если вы не верите, это ведь забавно, щекочет нервы. Пожалуйста, позвольте вам погадать! Я не предсказываю будущего, а только вижу прошлое. Вам будет любопытно, обещаю.

– Хорошо, – сдался Женя. – Что нужно делать?

– Вывалите заварку из чайника на тарелку, пальцем поводите, чтобы получился рисунок, орнамент, просто горки – неважно.

Женя послушно выполнил просьбу, я пододвинула к себе тарелку и стала с умным видом ее изучать.

– Я, конечно, вижу, что вы давно в браке, что у вас есть сын, дочь и двое внуков.

– Поразительно! Ведь я и словом не обмолвился о своем семейном положении.

– Не спешите иронизировать. Вот этот участок. Он говорит... говорит о какой-то бумаге. Письмо, объявление в газете, на стене, документ – бумага, точнее не скажу. Это было давно, возможно, в юности. Бумага произвела на вас большое впечатление. А кончилось все разочарованием.

Я подняла голову и уставилась на Женю с милой, а скорее, с глупой улыбкой. Он смотрел прямо на меня. Серьезно, без удивления, пристально, без эмоций. Так, наверное, смотрит следователь на допросе, когда подозреваемый вдруг выдает сведения, в которые невозможно, но приходится поверить. Стройная версия летит в тартарары, улики тухнут на глазах, а доказательства обращаются в пыль.

– Вы ни при каких обстоятельствах не могли знать события,

случившиеся в моей юности, – проговорил Женя. – Вы тогда еще на свет не появились. И я о них никому не рассказывал.

– Получилось! – воскликнула я. – Снова получилось! Извините, я вас разыграла! Проверила свою теорию. Она в копилку нашего с вами убеждения, что всякая оккультность – бред собачий. Любой человек, если покопается в своем прошлом, найдет и бумагу, и разочарование. Поехал по объявлению, купил машину или корову, или шубу. Машина оказалась битой-перебитой, корова не доится, а шуба облысела. Хотите знать, какие еще в моем арсенале приколы?

– Было бы любопытно.

– Несколько лет назад какой-то человек серьезно повлиял на ваше материальное положение. При этом я не уточняю, в положительную или в отрицательную сторону. Родился ребенок. На него нужно прорву денег. Бабушка оставила наследство. Приятель устроил вас на денежную работу. Приезжий родственник заснул в постели с сигаретой и едва не спалил вам дом. Пожарные со своими брандспойтами довершили катастрофу. Надо ремонтировать квартиру и покупать новую мебель. И так далее. Беспроигрышно! Евгений Евгеньевич, в ответ на то, что раскрыла свой фокус, расскажите про свой случай. Или это страшная тайна?

– Не такая уж тайна, тысяча лет прошло. Когда я учился в старших классах, получил от девочки письмо, объяснение в любви.

Он замолчал. Я спросила:

– Хорошее письмо?

– Необыкновенное. Я возгордился, был поражен, что могу вызывать подобные чувства. Значит, стою больше, чем раньше за собой числил. Мне стало легче, веселее – ходить, дышать, думать, избавиться от морока подростковых комплексов.

– В чем же заключалось разочарование?

– Девочка, с которой я стал дружить, встречаться, оказалась совершенно неинтересной, пресной, серой. С ней было отчаянно скучно. Я не знал, как от нее избавиться.

– Но вы спрашивали ее про письмо, удивлялись тому, что она его написала?

– Мы никогда не говорили, не вспоминали про то письмо. Она не заводила речь, а мне было неловко.

Ира Комарова, я тебя ненавидела всю жизнь, а теперь прошу прощения. Я считала, что ты запрыгнула на мое место, присвоив мои лавры. А ты про них и не подозревала. Живи с миром!

– Наверное, ваша Татьяна Ларина откуда-то передрала послание, из

какого-нибудь романа, – предположила я.

– Нет, там были описаны обстоятельства школьные, нашего класса, такое нельзя было списать из книжки.

«Когда во время контрольной или сочинения по литературе ты поворачиваешь голову и смотришь в окно, мне отчаянно хочется стать тем деревом, которое обкорнал наш физрук, и теперь яшень похож на многорукого буду с ампутированными конечностями, мне хочется, чтобы ты также смотрел на меня – спокойно и задумчиво, пусть без восхищения, без любви, только смотрел», – простыми предложениями я не могла высказать свои чувства, только сложными. Гоголь в юбке.

– Вам никогда не приходило в голову, – спросила я медленно, подавляя вспыхнувшую злость и упреки, – что вы ошиблись с адресатом? Что писала совсем другая девочка? И она потом отчаянно страдала, видя, как вы прогуливаетесь под ручку с... – я едва не ляпнула имя своей разлучницы.

– Другая? – переспросил Женя удивленно.

Теперь он растерялся. Это был не опытный следователь, а человек, обнаруживший, что когда-то сваял большого дурака.

– Совершенно другая! – заверила я твердо.

– Возможно. В юности я был еще тем оболтусом.

– Точно! И считали, что все девочки как кастрюли!

– При чем тут кастрюли?

– Горячая крышка и холодная выглядят одинаково. Но если ты схватил холодную, то можно догадаться, что в кастрюле пустота или прокисшее варево?

– Забавное сравнение. Еще чая?

В переводе с русского на русский это означало: вам пора!

– Спасибо! – встала я. – За все! Мне было очень приятно с вами общаться.

– Мне тоже, – сказал Женя, провожая меня к выходу.

Сейчас мы распрощаемся и больше никогда не увидимся? Еще раз случайно столкнуться не вариант. Встретились, поздоровались, как у вас дела? – *отлично, а у вас? – у меня тоже – до свидания – всего хорошего.* Моих мысленных посланий: «Назначь мне свидание, пригласи куда-нибудь, попроси телефон!» – Женя решительно не улавливал. Беда с этими интеллигентами!

– Рискую показаться нескромной, – остановилась я у двери из квартиры, – но мне хочется вас отблагодарить, куда-нибудь пригласить. Например, в театр. Сейчас, конечно, сезон закончился, но есть один небольшой и не очень известный театр с маленьким залом. Мне

понравился их спектакль. Они выкладываются, играют на полную катушку, а не катят на лакированном профессионализме, популярности киношной, как многие заслуженные и народные.

Я проговорила торопливо, за быстротой речи пряча смущение. Женя молчал, раздумывал. Секунды его молчания показались мне часами перед неминуемым позором.

Он ответил чопорно:

– Почту за честь. Но билеты я оплачу.

– Ерунда, – отмахнулась я. – Это ведь не Большой, не Театр Наций, даже не МХТ. Билеты недороги. Но у вас будет возможность сводить меня после спектакля в кафе.

– Договорились.

– Всего доброго, Евгений Евгеньевич!

Я шмыгнула за дверь. Настырных особ вроде меня надо быстро выставлять, пока они не попросились пожить.

Женя вышел на площадку вслед за мной:

– Александра Петровна!

– Да?

– Мы не обменялись телефонами.

– Точно! Голова садовая, – я ударила себя по лбу, достала сотовый.

И подумала: «Он за мной выскочил. Хоть что-то».

Я не рассказала об одном человеке из своего тесного, закрытого окружения. Вдумчивый читатель мог бы задаться вопросом, как такая толстая женщина, как я, стрижет ногти на ногах или надевает носки. Отвечаю. Есть три вида приспособлений для инвалидов, чтобы натягивать чулки и носки. Одно представляет собой устройство из металлических прутьев, на которое пристраивается носок, ставится на пол, потом суешь в отверстие ногу. Два других «лакея» – комбинации из ремешков-помочей и плотных прямоугольных вставок. Все это у меня, конечно, имеется. А педикюр и маникюр мне делает Марина.

Она тоже очень полная, но худее меня. Когда мне исполнилось 110 килограммов, я перестала выходить из дома, а Марине приходится каждый день из конца в конец ездить по городу. Она не москвичка, приехала с семнадцатилетней дочерью Олей из Черновцов, Западная Украина, на заработки. Оля без профессии, без образования, только школу окончила,

трудилась уборщицей в ресторане. Познакомилась с обаятельным Прохвостом Гастарбайтером (Марина только так его называет, поэтому с большой буквы, как прозвище), забеременела и родила сына Богдана, так звали умершего мужа Марины. Через два года Марина выгнала Прохвоста Гастарбайтера. Денег в дом он не приносил, толком не работал, пил и рассказывал о фантастических планах обогащения. Вдобавок оказалось, что у зятя в Рязани имеются жена и двое детей. Но самое ужасное: внуку от Прохвоста досталось тяжелое наследственное заболевание – муковисцидоз.

Марина по профессии зубной техник, но устроиться по специальности в Москве ей не удалось. Она решила подыскать сидячую и денежную работу, окончила курсы маникюра и трудится как проклятая, без выходных и отпусков. Надо оплачивать съемную квартиру, содержать дочь, которая ухаживает за больным ребенком. Через день она работает в салоне, там мы и познакомились, я предложила обслуживать меня дома. Те же деньги, но минуя кассу. Официальная работа Марине нужна для оформления гражданства, хотя через день, мотаясь по клиенткам, Марина зарабатывает много больше, от трех до пяти тысяч за смену в двенадцать часов. Начальную клиентуру ей обеспечила я. Зарегистрировала Марину на популярном сайте, где предлагают и ищут услуги. Написала двадцать пять отзывов, Вася Васильев под разными никами, с разных адресов опубликовал их на сайте. Моя совесть чиста, Марина прекрасный мастер и замечательный человек.

В постановке правильного диагноза Богданчику я тоже сыграла маленькую роль. Участковый педиатр им попалась гадкая. На вызовы к приезжим иностранцам ходить надо, но эти вызовы страховые компании не оплачивают. То, что ей в карман суют, не в счет. Ребенок у этих хохлов болеет и болеет, плохо за ним смотрят.

– Он действительно слишком часто болеет, – сказала я Марине, обрабатывающей мои пятки. – Богданчика проверяли на муковисцидоз? Сейчас анализ делают беременным, новорожденным. Был такой анализ?

– Не знаю, Олю из роддома выписали на третий день.

В свое время, когда Данька не вылезал из бронхитов, я проштудировала медицинскую энциклопедию и донимала врачей муковисцидозом. Мне посоветовали не сходить с ума.

– Я запишу Богданчика на консультацию в хорошую клинику. Это будет стоит недешево, но уж не дороже тех антибиотиков, что у ребенка скоро из ушей станут капать.

После обследования у специалистов Богданчику поставили

муковисцидоз под вопросом. Требовалось подтверждение – имелось ли это заболевание у кого-то из близких родственников. Прохиндея Гастарбайтера приперли к стенке, и он признался, что у него был еще один ребенок, умер в полтора года. Послали запрос в Рязань. Диагноз подтвердился.

Марина вкальвает как проклятая, при этом остается улыбчивой и очень располагающей к себе. Она относится к тем русским, пусть украинским женщинам, на чью пышную теплую грудь хочется припасть и получить спасение от бед, дурных мыслей и мрачного настроения. Если бы такая услуга существовала, Марине не пришлось бы с утра до вечера дышать лаками и растворителями, к ней бы выстроилась очередь носителей депрессий всех видов. У Оли тоже участь не позавидуешь. Молодая женщина, ничего толком не видевшая в жизни, посвятила себя больному ребенку.

Чтобы как-то облегчить жизнь, например, включить Богданчика в программы по лечению муковисцидоза, что бесплатно, надо получить российское гражданство. Это длинная, муторная, многоэтапная процедура. Марина пыталась пройти ее в обход закона. Мошенники вытянули у нее громадную сумму, все накопления, двести тысяч рублей, и обманули, ничего не сделали. Продолжают свое черное дело, наверное, и поныне. Бесправные запуганные иностранцы жаловаться в полицию на них не пойдут.

Для получения гражданства требуется куча бумаг и есть два условия – постоянная работа и регистрация или владение жилплощадью. С работой все в порядке, в салоне к Марине относятся замечательно. Но жилье, прописка – это тупик.

Я рассказала Даньке и Маше про Маринину ситуацию и о том, что хочу их у себя зарегистрировать.

– Это только прописка, то есть регистрация по-новому. Права собственности они не будут иметь. Единственная возможность помочь хорошим людям.

– Почему единственная? – пожал плечами Данька. – Пусть дочь этой Марины – как ее? Оля? – женится на Мишке.

– Выйдет замуж, – поправила я механически.

– Не-ка! – насмешливо заулыбался сын.

– Миша голубой, – пояснила Маша. – Гей.

– Девяти парням из десяти нравятся девушки с большой грудью, и только одному из десяти – остальные девять парней, – продолжал ерничать Данька.

– Статистика слишком завышена, – сказала я. – И, по-моему, сейчас

гомосексуальность не скрывается, напротив, выставляется напоказ.

– Россия признана самой неблагоприятной страной для геев в Европе, – Даньку было не остановить. – Так что если вам не нравится жить в России, скорее всего вы – гей.

– Заткнись! – велела ему жена. – Миша скрывает свою ориентацию, потому что работает в органах, а там не приветствуют гомосексуалистов.

– У них только шинели голубые, – снова встрял Данька. – Наденут голубые мундиры и собираются на «Голубой огонек».

– Александра Петровна, – пожаловалась Маша, – он не поправляет Катю, когда она вместо «гномики» говорит «гомики». Придут друзья, Данька тут же: «Дочь, про кого мы мультики любим?» – «Про гомиков».

Отсмеявшись, я спросила сына:

– Надеюсь, ты на ночь не бреешься?

– Нет, – удивился он. – А в чем прикол?

– Кто на ночь не побрился, тот и муж. Не только ты анекдоты в Интернете читаешь.

Оля фиктивно вышла замуж за Мишу, и до получения российского гражданства осталось чуть-чуть. Я пресекла попытки Марины сделать из меня благодетельницу (*никогда и ничем не смогу вас отблагодарить, Александра Петровна*), а также дарить мне подарки. Позволено только по дороге ко мне зайти в пекарню и купить булок, но если она не станет брать за них деньги, то я в следующий раз не пущу ее на порог. Здесь нет ложно-благородного позерства. Времени у меня навалом, на Маринины проблемы в общей сложности я потратила не более трех часов, ни о каких жертвах говорить не приходится.

И все-таки я принимаю подарки от Оли и Марины – на Новый год и Восьмое марта. Было бы ханжеством, помноженном на чванство, отказать людям, которых я поздравляю на те же праздники (подарки привозят из интернет-магазина), а Богданчика на день рождения. Благодаря Оле и Марине в моей квартире появились чудо-вещи, изготовленные Олей. Обе женщины – искусные рукодельницы, но Марине некогда, она осуществляет обще-художественное руководство. У меня есть забавная кукла-грелка на чайник, смешные кухонные прихватки, скатерть с каймой-аппликацией, разделочные доски, украшенные декупажем.

На прошлый Новый год я получила в подарок валенки – уютные, белые, мягкие, с богатой вышивкой шерстью, ставшие моей зимней домашней обувью.

Маша посмотрела на валенки и сказала:

– С этим надо что-то делать.

- В каком смысле? – не поняла я.
- У Оли есть компьютер? – вопросом на вопрос ответила невестка.
- Нет, она мечтает о планшете.

Маша обратилась к мужу:

– Ты же найдешь бэу комп в хорошем состоянии? Мою старую бяку (бьяками они называют ноутбуки) можно реанимировать? Нечего кривиться! Можно!

– Ладно, – Данька сделал вид, что оказывает одолжение. И добавил несусветное: – Пусть насилует труп.

– Господи, что ты несешь? – возмутилась я.

– Это обозначает «использовать старую технику», – успокоила меня Маша. – Александра Петровна, дайте мне телефон Оли.

Маша поехала к Оле, привезла компьютер. Завела на сайте «Страны мастеров» Оле магазин:

– Тут ты будешь продавать свои изделия. Давай потренируемся.

Когда мастер-класс закончился, Оля расплакалась. Но Маша, умница, не изображала из себя мать Терезу

– Напрасно думаешь, что я бескорыстно. Я хочу такие же валенки, как у Александры Петровны, или лучше. У меня тридцать седьмой размер.

Маша к своим валеночкам в мастерской приклеила подошву, разгуливает в них по улице на зависть модницам. По ее словам, несколько раз останавливали, спрашивали, где купила. Она отправляет на сайт рукодельниц.

Десятого числа каждого месяца Марина приходит ко мне делать педикюр и маникюр. Десятого в десять – уже несколько лет. Предварительные звонки только если кто-то из нас в этот день занят, и визит Марины переносится. Она проводит у меня три часа: два на процедуры и один на чаепитие, к которому я заказываю что-нибудь вкусненькое. Используя словесный штамп, Марина отдыхает у меня душой. Но и мне с ней интересно. Таких историй про клиенток слушаешься, что только в рубрику «человеческая комедия». Я ее как-то спросила, рассказывает ли она обо мне.

– Да вы что? Я про вас? Да я вообще никому ни о ком, только вам про всех.

Я забыла! Про десятое число, про Марину. Волшебно помолодев, я отбросила прежний график жизни. Поэтому когда раздался звонок, я

открыла дверь, увидела Марину и вспомнила, что сегодня десятое. Я ойкнула, точно застигнутая на месте воровка.

– Ты кто? – подозрительно спросила Марина.

– Племянница.

– А где Александра Петровна?

Не дожидаясь ответа, Марина отстранила меня, решительно двинулась в квартиру, в одной руке у нее был пакет с булками, в другой рабочий саквояж.

Принялась звать:

– Александра Петровна? Вы где?

– Тетя уехала, – семенила я следом. – В Борисоглебск, то есть в Вознесенск, тьфу ты! В Благовещенск.

– Что ты мне голову морочишь! Никуда Александра Петровна не могла уехать! Она из дома не выходит.

Как и Любовь Владимировна, Марина не могла поверить, что я способна на вояжи.

– Неправда, выходит, за булками, – я ткнула пальцем в пакет. – На кладбище иногда ездит. Тетя забыла вас предупредить.

– Сейчас полицию вызову! Откуда ты знаешь, кто я?

Штирлиц снова был на грани провала.

– Тетя рассказывала. Вас зовут Марина, вы делаете тете маникюр и педикюр, у вас есть дочь Оля и внук Богдан.

Марина немного расслабилась. Я никогда не видела ее в бойцовой стойке. Хотя логично предположить, что при такой жизни придется научиться и держать удар, и уметь ответить.

– Руки покажи! – велела Марина.

– Что?

– Руки вперед, ладонями вниз!

– Пожалуйста!

Я вытянула руки. Марина внимательно рассмотрела мой модный градиентный маникюр, сделанный в дорогом салоне. Цвет лака на ногтевой пластине плавно переходил от бирюзового к белому.

– Теперь ноги! Выше!

– Вот!

Марина уставилась на мой педикюр. Гель-лак «Кошачий глаз», на ядовито-розовом переливающимся поле мерцает полоска света, эффект 3Д.

– Да, похожие пальцы, – заключила криминалист Марина. – Но это все равно мне не нравится! Зачем Александра Петровна уехала в...

– Преображенск, то есть в Благовещенск. У меня мама заболела, тетя

за ней ухаживать будет.

– Мама заболела, а тебя в Москву принесло?

– Приехала в институт поступать.

– Я вижу, в какие институты ты поступаешь, – Марина выразительно показала на мои разбросанные наряды, белье и неубранную постель. – А фингал под глазом тебе на экзамене за хороший ответ поставили?

Синяк я маскировала с помощью тонального крема и пудры перед выходом из дома. И, между прочим, неряхи, которые ленятся застелить кровать, поступают правильно – дают постельному белью просохнуть и проветриться.

– Вам бы в полиции служить, мисс Марпл, – пробормотала я.

– Где надо я служила! Думаешь, я не знаю, сколько эти тряпки стоят и сколько ты отвалила за маникюр с педикюром? Если вы такие богатые, то могли бы нанять сиделку, а не звать на край света несчастную толстую женщину.

– Не такая уж она несчастная. И это было ее решение.

– Да чего гадать? Я сейчас позвоню Александре Петровне.

– Нет! – заорала я. – Не надо звонить! Роуминг страшный, как в Южную Америку. И сейчас из-за разницы во времени там ночь.

– В Южной Америке?

– В ... – опять вылетело из головы.

– Плохо помнишь, как родной город называется? – ядовито скривилась Марина. – Ну-ну!

– От волнения, у вас такой напор, испугали меня. Тетя сама вам позвонит, обещаю.

Повезло, что Марину остановили большие расходы на разговор. В противном случае мне пришлось бы не сладко, зазвони телефон, лежащий на столе. И сделать вид, что сама звоню тете, а потом скрыться и набрать номер Марины, было невозможно – в моей квартире нет места, которое не прослушивалось. Хотя если под благовидным предлогом ушмыгнуть в ванную, пустить на полную воду... Пусть это будет последний вариант, план Бэ.

– Ты мне не нравишься! – прямо заявила Марина. – И все это мне не нравится! Даня с Машей про тебя знают?

– Конечно! И Любовь Владимировна, и Данька, и Машка.

– Промокашка! Сама ты... Как тебя?

– Шура. В честь тети.

– Не нравится! – повторила Марина.

– Боюсь, ничем не могу помочь.

– Правильно, бойся!

Марине не хотелось уходить. Внутренний голос подсказывал ей, что здесь нечисто. Наши внутренние голоса способны навести панику, посеять тревогу, но никакой конкретики, уточнения, деталей от них не добьешься. Они как заунывный вой плакальщицы, застрявшей на одной ноте.

Кстати, о плаче. О женщинах, которые легко плачут, говорят, что у них слезы близко. О тех вроде меня, что в трогательные моменты в книге или в кино не вытирают мокрых щек, следовало бы сказать, что у них слезы далеко. Но такого выражения, кажется, нет. Эти женщины не заслуживают отдельной характеристики.

О счастливых переменах в жизни сына я узнала по телефону. Данька позвонил и сказал, что у него две новости: одна хорошая, а другая еще лучше. Он женится и у него будет ребенок. Вечером приведет невесту знакомиться. Слов у меня не нашлось, только невнятное бульканье. Положив трубку, я разрыдалась. Далекие запасы слез вырвались наружу.

Это случилось десятого в девять пятьдесят пять. К приходу Марины, запасы слезной жидкости еще не исчерпались. Марина бросила сумки на пол, порывисто обхватила меня. Со стороны объятия двух толстушек, наверное, смотрятся потешно, ведь они не могут положить головы друг другу на плечи, да и длины рук не хватает, чтобы сойтись на спине.

– Александра Петровна, миленькая! Да что же это! Крепитесь! – причитала Марина. – Ах, вы моя дорогая. Кто? Кто?

Марина хотела узнать, кто умер.

– Нет! Нет! – сквозь рыдания выкрикнула я.

Марина решила, что отрицание – это мое нежелание, неспособность принять удар судьбы. Марина усилила хватку, пытаюсь захватить меня за шею, прижать мою голову к своей груди (я ей когда-то озвучила теорию о психотерапевтических возможностях ее бюста). Марина чуть не задушила меня.

– Данька, Данька... – я пыталась вырваться и навести ясность.

Марина уронила руки и завывала. Жутко, по-звериному, задрал голову.

У меня мгновенно прекратилось слезоизвержение:

– Вы неправильно поняли! Успокойтесь! Все в порядке, все живы и еще лучше. Данька женится, и у него будет ребенок. Я плачу от счастья.

Марина уставилась на меня безумным взглядом, схватилась за сердце:

– Какая радость! – прохрипела она.

Пришлось накапать ей лошадиную дозу валерьянки. Отпаивать чаем. У Марины так дрожали руки, что она не могла работать. Я совершенно

убеждена, что эмоциональный пароксизм случился из-за резкого перепада, от ужаса к радости. В противном случае Марина была бы лучшим из лучших утешителей.

Наконец, она ушла и булок не оставила. Десять раз повторила, что это все ей не нравится, и она так не оставит. Выждав полчаса, я позвонила на сотовый Марине. На меня обрушился град вопросов, где я, что со мной и даже: «Вы точно живы?» Заверив Марину, что племянница настоящая, не прохиндейка, не аферистка, я надеялась поставить точку. Но не тут-то было.

– Александра Петровна, вы всего не знаете! Вы не видели! Ни в какой институт она не поступает. На столе ни учебников, ни тетрадок. Я таких абитуриенток повидала. Приезжают в Москву и зарабатывают сами знаете каким местом. Накупила дорогих тряпок. Маникюр и педикюр, если в дорогом салоне, тысяч семь рублей не меньше.

Я заплатила семь пятьсот плюс чаевые.

– Марина, не говорите глупостей!

– У нее под глазом фингалище! Понятно, с какими клиентами дело имеет. И от нее несет перегаром!

В стремлении уберечь меня от неприятностей, Марина переусердствовала и опустилась до вранья. Кроме запаха нечищенных зубов, от меня ничем не могло пахнуть. Синяк я активно лечила тремя мазями, и он стал уже светлеть и желтеть.

– Девочка упала, оступилась, несчастный случай, – пыталась я вразумить Марину.

– Я ж и говорю – падшая. Может, я с соседями поговорю? Спрошу, приводит ли клиентов? Путь присмотрят. Оглянуться не успеете, а в квартире бордель.

– Я вам решительно запрещаю! Никаких соседей! Вы меня слышите? Решительно!

– Ой, у вас роуминг! До свидания, Александра Петровна! Скорее приезжайте, – и отключила связь.

После развода, который равняется тяжелой операции на сердце, у меня было два замечательных, но бесперспективных романа и одна половая дружба.

Про тренера я уже упоминала. Андрей был прекрасен во всех отношениях. Высок, красив, надежен, заботлив и внимателен, почти не пил и очень нравился моим родителям. Они считали, что за ним я буду как за каменной стеной. «В тюрьме, что ли?» – уточняла я. Андрей был прекрасным отцом, ладил с Данькой и заботился о детях от первого брака. Мои родители спрашивали меня, почему он разошелся. Вдруг в этом замечательном мужчине есть какой-то тайный изъян. Я отвечала, что любительский спорт коварен непостоянством пристрастий. Бывшая жена Андрея разлюбила волейбол и увлеклась хоккеем, то есть завела шуры-муры с тренером по хоккею.

К тому моменту, когда Андрей сделал мне предложение, я пришла к выводу, что ничего из нашей связи не получится. Это только говорится, что противоположности притягиваются. Две непараллельные прямые пересекутся в одной точке, а потом снова убегут в разные стороны, все дальше и дальше удаляясь друг от друга. Мне было, точнее, постепенно стало, с Андреем скучно. Его интересовали спорт, автомобили, рыбалка. Посидеть с друзьями за пивом с воблой, забить козла, посмотреть телевизор. Зимой покататься на лыжах, потом костерок, *шашлычок под коньячок* – красота! Какого нормального человека не восхитит такой отдых? Меня. Он не читал книг совершенно, даже «Трех мушкетеров» не осилил, засыпал в театре, в музеях у него начинала болеть голова. Когда я принималась говорить о том, что меня интересовало: литература, искусство, наука – он зевал и томился, ждал, когда я замолкну. У Андрея не было комплекса по поводу моей *умности*. Он считал, что я поддаюсь моде, пыжусь, увлекаюсь скучными вещами, а жить надо на полную катушку (см. выше).

Я задавала типичный вопрос всех влюбленных.

– Что тебе во мне нравится? – спрашивала я.

– Ты красивая – раз. И два – мне с тобой весело душой.

Все правильно. Когда я в ударе, то из меня сыплются остроты, каламбуры, я затейница и проказница. Но поживи я с Андреем год или много – два, все эти качества превратились бы в свою противоположность, я бы его возненавидела. Я много видела семей, которые сошлись без особой душевной связи, просто логично подкатили к загсу, потому что альтернативой было разбежаться в разные стороны, а с какой стати? Все вроде неплохо. Но и не восхитительно! Со временем они превратились во врагов, скованных наручниками – детьми. Или, лучший вариант, совместно проживающих, терпящих друг друга, ведущих общее хозяйство субъектов. С горячо любимым человеком, с которым идешь в загс, потому что

желаешь освещения союза, вашего с ним продолжения – детей, не желаешь расставаться ни днем, ни ночью, ни в радости, ни в горе... И с таким человеком оказывается непросто день за днем проживать, а с нелюбимым – ад.

Расставание с Андреем было нехорошим. По моей вине. Все тянула, тянула с объяснением, надеялась, он сам поймет, что такая непрактичная, витающая в облаках, не разделяющая его интересов особа ему не подходит. Дотянула, пока он как-то не пришел в костюме с галстуком, с огромным букетом цветов, с шампанским и тортом (колец, делая предложение, мужчины тогда не дарили). Андрей торжественно попросил моей руки у мамы и папы, сказал, что будет любить и оберегать меня до гробовой доски. Он хотел, чтобы было красиво и пафосно, а я мысленно обругала его за то, что не поговорил со мной заранее.

Все трое уставились на меня, ожидая всплеска бурной радости. Я молчала.

– Сашенька? – подала голос мама.

– Можно, мы поговорим наедине? – попросила я.

Родители вышли из кухни. Все судьбоносные разговоры у русских людей проходят на кухне.

Это очень тяжело отказывать хорошему человеку, видеть, как от ликования он переходит к недоумению, обиде, разочарованию. Будто он что-то у меня просит, а я могу, но не хочу дать, жадничаю.

«Почему, ну почему?» – требовал Андрей. «У нас ничего не получится. Я тебе не подхожу», – повторяла я как заведенная. «Ну почему, почему?» Сказать, что мне с ним скучно, что он недалекий, недуховный, неинтересный, было невозможно.

Кончилось тем, что Андрею пришло в голову самое логичное из объяснений:

– У тебя появился другой?

– Извини! – мелко закивала я.

Андрей встал. На него было больно смотреть, потому что ему самому было страшно больно.

– У нас в стране еще остались порядочные женщины? – задал риторический вопрос Андрей.

– Конечно! – с энтузиазмом подхватила я. – Ты обязательно встретишь самую лучшую, ты достоин самой прекрасной. Посмотри на ситуацию под другим углом. Если к другому уходит невеста, то неизвестно кому повезло.

– Мне везет как субботному утопленнику. В баню ходить не надо.

Он шагнул к двери, и тут я сморозила глупость.

– Не заберешь? – показала на цветы, вино, торт.

Если бы Андрей отвесил мне пощечину, я бы поняла и не обиделась. То, как он посмотрел на меня, было хуже всяких пощечин.

Мне понадобился почти год, чтобы прийти в себя после удара, который я нанесла Андрею. Для молодой здоровой тридцатилетней женщины это немало, скажу в свое оправдание. Хотя все дело только в том, что я плохо и долго отхожу от предательства, особенно если оно собственное.

Я работала внештатным корректором в издательстве, Савва трудился там же и был редактором. Редактором высшего класса. Из графоманских рукописей высекал детективы и женские романы, которые расходились огромными тиражами. В противоположность Андрею Савва был начитан, эрудирован и общение с ним – именины сердца. У нас случился служебный роман на почве обсуждения книжных новинок и классической литературы.

Внешность Саввы была непримечательной. Невысокого роста, лупоглазый, лицо в рытвинах от юношеских угрей, зубы вперемешку. Словно они росли пьяными, напозлали друг на друга, толкались, дрались, потом протрезвели и застыли.

Когда Жаклин Кеннеди выходила замуж за старого, маленького, довольно безобразного миллиардера Онассиса и ей указали на плюгавость жениха, Жаклин ответила что-то вроде: если он поставит стопкой свои миллионы и заберется на них, то будет выше многих и красивей. Когда Савва начинал говорить, он становился дьявольски обаятельным.

Увы мне, увы! Савва имел один маленький недостаток, который, чем ближе мы сходились, превращался в гигантский. Савва писал стихи. Очень плохие.

Раздвоение личности, столь любимое авторами триллеров, в жизни встречается крайне редко, профессиональные карьеры десятков тысяч психиатров начались и закончились, но им так и не встретился пациент с расстройством множественной личности. А вот у людей искусства – музыкантов, художников, литераторов – две личности под одной шляпой встречаются регулярно. Одна личность – тонкий знаток, остроумный критик, обладатель отличного вкуса, человек, способный увидеть в обруганном произведении новаторство, тенденцию развития, будущее направление. Вторая личность – бездарный и начисто лишенный самокритики автор. Как может подобное сочетаться: прозорливость по отношению к чужим произведениям и полная слепота на собственные? Однако может.

Постепенно во время наших свиданий доля разговоров, до и после акта любви, про чужое творчество становилась все меньше, а про творчество Саввы все больше. Ему доставляло удовольствие учить при мне свои стихи. Я, кстати, не знала, что поэтам приходится заучивать свои творения, думала, они сразу *печатаются в памяти*. Он блаженствовал, повторяя раз за разом строфы, они невольно поселялись и в моей голове. У меня было чувство, словно через уши в мой мозг лезут глисты и творят свое черное дело. Савва не выносил самой нежной, легкой критики. Изменить предлог или поменять точку на запятую – святотатство. От меня требовалось изображать восхищение, что было утомительно и противно.

Когда мы не учили Саввины вирши, не восхваляли их достоинства, мы говорили о том, как тяжело приходится поэтам. В конце восьмидесятых, действительно, стихов не публиковали. Миллионными тиражами выходили пиратские (без покупки авторских прав) американские романы из разряда массовой литературы – детективы, фантастика, любовные женские опусы. На плохой бумаге, в чудовищных переводах, сделанных отстающими студентами иняза, они затопили страну, и она была рада утонуть, спуститься на дно и забыть про то, что происходит на улицах.

Стихов не публикуют и сейчас. Во всяком случае, я не назову ни одного современного поэта, чей сборник держала бы в руках. *Закатилось солнце русской поэзии*. И эта культурная потеря гораздо печальнее, чем *размузыкавливание* подрастающего поколения. Во времена моего детства каждая мало-мальски культурная семья и даже некультурная, но малопьющая, в больших городах и провинции, стремилась отдать ребенка в музыкальную школу или на крайний случай – в музыкальные кружки при домах или дворцах пионеров. Я и Лена Афанасьева учились в музыкальной школе по классу фортепиано. Витя Самохин терзал баян в Доме культуры имени Русакова.

Если бы мне кто-то, женщина или мужчина, не важно, сказали, что в молодости расставались с любовниками из-за несходства эстетических и социальных пристрастий, я бы не поверила. Потому что в молодости эти пристрастия стоят на тридесятом месте, а главенствует чувственность. По выражению Гоши из картины «Москва слезам не верит», тебя к человеку *тянет*. И, перефразируя известную цитату из другого фильма – *жить хорошо, а хорошо жить еще лучше*, я с полной убежденностью заявляю, что секс – это хорошо, а хороший секс – еще лучше.

Вероятно, у меня внутренние часы работают неправильно, сильно спешат, и прозрение, охлаждение наступает очень быстро. Эта мысль мне

пришла в голову, когда пилила сына за то, что не женится, что у него девушек было десятки, что он быстро загорается и также быстро остывает, не способен на развитие отношений, что говорит о конституционной незрелости его психики. Я намеренно сгущала краски, потому что дети с психофизическим инфантилизмом обожают игровую деятельность, ролевые игры, в которых проявляют творчество и выдержку, а деятельность учебно-познавательная им быстро наскучивает, вызывает пресыщение, даже истерики. Особенно трудно им даются однообразные задания, требующие удержания внимания, – чтение, письмо, рисование. Данька много читал, в детстве часами рисовал битвы из войн, которыми в тот момент был увлечен. Когда вырос, процесс постижения знаний доставлял ему удовольствие, его безответственность (из детей, о которых я говорила, вырастают субъекты, органически лишённые чувства ответственности) распространялась только на девушек, которых он бросал. Тут-то меня и озарило – сын просто похож на меня, у него сбит часовой механизм! С другой стороны, Данька дождался своего счастья, встретил Машу. И у меня подспудно всегда была надежда – я еще встречу свою судьбу. Даньке повезло больше. Если бы на семью выдавалась одна удача, я, не раздумывая, отдала бы ее сыну. А все мои умничанья разбиваются о расхожую народную мудрость про *найти, дожидаться своего счастья*.

Савву все считали тонким, умным, интеллигентным человеком. Галантность и воспитанность, конечно, важны, приветствуются и даже есть условие культурного общения.

Антон Павлович Чехов вырос в мещанской среде, темной, лживой, лицемерной. Не стану цитировать знаменитые, миллион раз повторенные строки Чехова из письма к брату о том, каким должен быть интеллигентный человек. Хотя эти восемь пунктов хорошо было бы вешать на стены школьных кабинетов, как вешают таблицу Менделеева или портреты великих ученых. Внутри Чехова было ядро человека совестливого, благородного и душевно щедрого. Ему стоило больших трудов, очень больших, как он сам признавался, *по капле выдавливая из себя раба*, стать таким, каким хотел и мог быть.

Внутри Саввы, чьи мама и папа были театральными деятелями, жил *Хам*. Тщательно замаскированный, тепло устроившийся, не желающий подвергаться каким-либо треволнениям и переменам. Обнаружить этого *Хама* можно было, только близко сойдясь с Саввой. Большинство коллег не подозревали о наличии *Хама*. Я сравниваю Савву с великими людьми, поскольку он сам считал себя гением. Пушкин и вслед за ним Блок четко

разделяли народ и чернь. У Саввы простонародье имело одно определение – быдло. В сущности, если уж совсем глубоко снимать стружку, то Хам считал быдлом всех, кто не понимал великого творчества Саввы, непризнанного поэта. Савва мог тонко иронизировать над человеком, который не знал, что такое мужская и женская рифмы. Этот человек не присутствовал, когда Савва рассказывал, как тот ляпнул, что женская рифма у Цветаевой или Ахматовой, а мужская у Лермонтова или у Маяковского. Среди тех, кто смеялся, подозреваю, не все знали про ударения слов в конце строки. Да и знание это не такое уж обязательное. Когда я однажды назвала одного интересного автора человеком с левой резьбой, Савва рассмеялся и решил, что назвала автора придурком. Хотя я имела в виду, что он необычный, неординарный. Савва, мужчина как-никак, понятия не имел, что в технике применяются механизмы с разнонаправленной резьбой, а левую делают в опасном оборудовании, газовом, например. Савва зарабатывал деньги, блестяще справляясь с литературным ширпотребом, но резал, отбраковывал рукописи по-настоящему талантливые. Его тонкий вкус распространялся только на уже признанные произведения.

Савва мне посвятил цикл стихов. Порыв был прекрасен, а исполнение никуда не годилось. Не знаю, как ведет себя настоящая муза лирической поэзии Эвтерпа, когда ее подопечные оказываются бездарны. Я в качестве музы продержалась почти два года, а потом постаралась спустить на тормозах наше с Саввой общение. Ссылалась на домашние дела и находила еще кучу причин не встречаться. Савва разразился очередным поэтическим циклом. Подарил мне его, я приняла с благодарностью, но даже не заглянула в папку с рукописью. И не сильно переживала, бросив Савву. Для поэта неразделенная любовь многократно больший стимул к творчеству, чем счастливая.

Мои родители и Данька не были знакомы с Саввой. Мне хватило того, что сын некоторое время скучал без Андрея.

- Мама, почему к нам не приходит дядя Андрей?
  - Мы с ним немножко поссорились и теперь не дружим.
  - А кто виноват?
  - К сожалению, я.
  - Ты попроси прощения.
  - Пробовала, не прощает.
  - Но со мной ведь он не ссорился! Почему он ко мне не приходит?
- Даньке тогда было шесть лет. Спустя двенадцать лет я его спросила:

- Ты помнишь дядю Андрея?
  - Нет, а кто это?
  - Мой бывший поклонник.
  - Серьезно? У тебя были поклонники? Много?
  - Как обезьян в джунглях.
- Хорошо, что у детей короткая память.

В 1992 или в 1993 году мы приватизировали квартиру. На трех собственников (папу, маму, меня) требовалось заполнить по две бумаги печатными буквами с данными паспортов и проч. Исправления, подтирки, описки не допускались. Даже я при своих корректорских навыках переписывала дважды. На людей, особенно стариков, толпящихся в коридоре ЖЭКа, было больно смотреть. Они ходили сюда каждый день, как на работу, только работа не может представлять собой многочасовые очереди. Мне стало жаль старушку, которая вышла из кабинета в слезах, пятый раз заставляя переписывать. Я предложила помощь. Мы отошли к подоконнику, и я стала заполнять ее бумаги, сверяясь с документами. В очереди давно ходили слухи, что если дать денег, то жэковцы сами заполнят. Но кому дать и сколько? Спросишь, только навредишь, еще пуще обозлятся, отомстят.

Я сосредоточенно писала (печатными буквами! на машинке заполнять бланки не разрешалось), диктовала себе по слогам и не заметила, как ко мне выстроилась очередь. Меня приняли за сотрудницу, которая за деньги оказывает помощь! Очнулась, только когда в очереди вспыхнула ссора – *кто за кем стоял, кто отходил, а его не признают*. И еще посыпались вопросы, сколько стоят мои услуги и есть ли льготы для участников Войны или только для инвалидов Войны. Я пыталась отбиться, говорила, что просто помогаю бабушке, бесплатно. Меня заверили, что никому не скажут, спросили, сколько я беру, «только заполни эти чертовы бумаги».

- И что тут у нас происходит?

Люди расступились перед вальяжным мужчиной в длиннополом габардиновом пальто и с белым шарфом на шее. Позади него маячило жэковское начальство. Мне было жаль стариков, но я не собиралась взваливать на себя их беды. Я чувствовала себя как нечаянная благодетельница, раздающая хлеб в толпе нищих. Хлеба мало, а голодных много.

– Вот именно! – сказала я, обращаясь к начальнику ЖЭКа. – Что за безобразие у вас происходит? Нет, это не безобразие, а издевательство! Вы гоняете стариков, заставляете их делать работу, которую они не в состоянии

выполнить. Неужели трудно посадить человека заполнять документы? За разумную плату, в конце концов.

Народ поддержал меня: «Да, да! Заплатим! Мы тут помрем. Последнее здоровье потеряем. Бюрократы! Специально такую приватизацию сделали, чтобы не пройти. Снова обман! Мало вам ваучеров! Люди с работы отпрашиваются, а вы их мурыжите. Где перестройка? Где демократия и справедливость?»

Начальник ЖЭКа, напуганный бунтом багровый и потный коротышка, обращаясь к Вальяжному Белому Шарфу, заговорил о том, что они делают все по инструкции, что платные услуги не положены, нет статьи, по которой проводить деньги.

– А мимо кассы можно?! – взревел старик с орденами, не инвалид, но участник Войны. – Хватит дурить народ!

– Не сталинские времена! – крикнул кто-то.

И тут же получил отлуп:

– При Сталине порядка было больше!

Вальяжный Белый Шарф никак не реагировал ни на народное волнение, ни на начальника ЖЭКа. Он смотрел на меня с нахальным мужским интересом.

– А вы, девушка, кто? – спросил.

– Я? Жительница этого района. Гражданка России. А вы, позвольте узнать?

– Представитель мэрии, осуществляющий инспекцию.

– Товарищи! – развела я руками и свела их ладонями вверх, указывая на инспектора. – Нам повезло. Большая рыба приплыла. Сам осуществляющий. Давайте поделимся с ним нашими бедами.

Тем, кто стоял в конце коридора, было слышно, но не видно, они напирали. Вальяжный уже приблизился ко мне на локоть. Улыбался недвусмысленно. Потом все-таки повернулся к собравшимся и хорошо поставленным голосом скомандовал:

– Не толпиться! Сделали два шага назад! Раз, два! Проблема понята. Разберемся, порешаем. Девушке оставаться на месте. Иван Ильич, за мной! Освободить проход!

Во главе с Вальяжным начальство скрылось в кабинете.

Людям, которые уставились на меня (нашли лидера!), я сказала:

– Глагол «порешать» имеет значение «решать в течение какого-то времени», но не означает «решить». Ваня порешал, порешал пример, не получалось, Ваня бросил. На вашем месте я бы заняла оборону у кабинета начальника ЖЭКа, чтобы они не «порешали», а решили. Спасибо за

проявленную солидарность! Мне пора.

Не тут-то было! Меня не отпускали. Просили по-хорошему, призывали понять их, но заслон держали плечо к плечу. Вот приехал барин, барин нас рассудит, вера в барина неискоренима, его надо слушаться, а то осерчает. Это было нелепо и смешно, вернее, трагикомично. Только что я была лидером, поднявшим народ на бунт, а теперь меня держат в заложниках. Правильно я делала, что никогда не проявляла общественного рвения. И митинги, которые не утихали на Манежной площади, ни разу не посетила.

Вальяжный не задержался в кабинете начальника ЖЭКа. Вышел, объявил людям, что «их проблемы будут решаться на платформе постоянного контроля». Взял меня под руку и повел на улицу.

У крыльца стояла черная «Волга». Распахнув заднюю дверцу, он пригласил меня в машину.

– Куда вы собираетесь меня везти?

– Обедать. Я голодный, как волк. Садись, не бойся, я не кусаюсь.

«Забавная ситуация», – подумала я и приняла приглашение.

– Давай сразу по-простому, – сказал он, когда машина тронулась. – Коля! – И протянул руку.

– Александра.

Пожали руки.

– Сама москвичка?

– Потомственная.

– А я потомственный шахтер. Дед был забойщиком и отец, я начинал забойщиком.

– Теперь что забиваете?

– Врагов демократии.

– Отбойным молотком?

– Га-га! Это шутка? У меня с юмором плохо, а для харизмы надо, – трогательно поделился Коля.

Харизма у него была, и лицо вполне интеллигентное, а не туповатое. Пока он не открывал рот и не демонстрировал свои простецкие манеры, мог сойти за культурного человека. Такие встречаются в среде, не перегруженной интеллектуальным воспитанием. Замечательный артист Вячеслав Тихонов, обладатель утонченной аристократической внешности, вышел из пролетариев.

Обедали мы в кооперативном ресторане. У Коли был отличный аппетит. Бабушка говорила, что хорошего работника отличает хороший аппетит. Думаю, это справедливо для сталеваров, строителей, железнодорожных рабочих и прочих представителей тяжелого физического

труда. Но зачем врачу или ученому пять тысяч калорий в день? Только лишний вес набирать.

Коля рассказывал о себе, как он вечерний институт окончил, продвигался по профсоюзной линии. Я не все уловила в его рассказах, но мне показалось, что он возглавлял забастовочное движение шахтеров, а потом переметнулся к власти, которая раскрыла перед ним столичные перспективы. Демократ ельцинского призыва. Вероятно, Коля всей душой был за страну, за перемены, но про собственное тело, которое хотело жить богато, не забывал. Его жена работала «по линии общепита», у него было двое детей – «пацан и девка».

Я впервые трапезничала в кооперативном ресторане и с любопытством осматривалась. Кто они, новые нэпманы? Что у них общего? На мужских лицах читалось спрятанное напряжение, азарт, смешанный с готовностью действовать. Наверное, такие лица бывают у охотников или у спортсменов во время турнира. Поскольку я ни одних, ни других никогда не видела, то сравнение может хромать. Женщин объединял дурной вкус в одежде. Много плюша, бархата, блеска пайеток, вышивок серебряной и золотой нитью. Дамы не отличались модельной внешностью. Тогда то ли еще не пришло время девушек-эскорта, то ли эти девушки были для вечернего выхода, а не для обеда.

Домой я добралась с шиком – на «Волге». Предварительно мы с шофером высадили Колю у здания мэрии.

Через три дня он позвонил и назначил свидание, продиктовал адрес квартиры у метро «Алексеевская». Коля был напорист. От того момента, как я перешагнула порог, до того, как оказалась в постели, прошло не более пятнадцати минут. Напор, безоглядный, сильный, мужской, – основное качество Коли. Он меня не покорила, а взял силой. Не в том смысле, что сломал сопротивление, а в том, что я растерялась перед стремительностью самца, который привык запрыгивать на самку без лишних сантиментов. Я не подозревала о возможности отношений без душевной привязанности, без букетно-конфетной стадии, наконец. И это не имело ничего общего с тем, что любят показывать в кино – вдруг вспыхнувшая между мужчиной и женщиной страсть сокрушительной мощи, они начинают бешено целоваться и сбрасывать с себя одежду с лихорадочностью людей, обнаруживших у себя блох. Поэтому иного определения, кроме *половая дружба*, наши с Колей отношения не заслуживают.

Я приезжала на «Алексеевскую» *дружить* еще пять или шесть раз. Мне не делает чести, что я спала с женатым мужчиной. Но у тридцатичетырехлетних женщин, давно лишенных мужского внимания, с

честью дело обстоит неважно.

И о совсем не лестном придется рассказать. В конце свидания Коля дарил мне продуктовые наборы. Мы выходили из подъезда, Коля садился в «Волгу», а я топала к метро. Несла в пакете палку хорошей колбасы, сыр, сельдь иваси в банке, коробку конфет, растворимый кофе, импортного цыпленка-бройлера, красную соленую рыбу и несколько брикетиков жевательной резинки. Коля был щедр. Я ехала домой и радовалась тому, что побалую родных деликатесами. Мы не голодали, хотя в магазинах был, по выражению мамы, *шаропокатизм*. Три года назад папа вырубил часть сада на даче, мама простилась с цветниками. Они сажали картофель, выращивали в парниках овощи, из которых потом делали консервы, научились варить варенье из ягод и фруктов без сахара. По настоянию бабушки один год держали кур. На следующий год от этой затеи отказались. Осенью кур надо было забить (что сделал сосед), ощипать, сварить из них тушенку. Мама все это делала и плакала – каждой курочке она невольно дала имя, у каждой был свой характер и повадки. Даньке сказали, что курочек мы сдали на фабрику, иначе он не стал бы есть куриную тушенку. Сын сокрушался, что мы расстались с Мотей – его любимицей, хулиганкой и задирой, надо было ее в Москву привезти, он бы сделал для нее клетку, чем курица хуже попугайчика? Сидит твой сын, ест Мотю и сокрушается о ней. Картина не для слабонервных. Мы не голодали, но меню наше было удручающе однообразным. Отоваривали в магазинах талоны на сахар, водку, сигареты. Родители, как пенсионеры, изредка получали в ЖЭКе продовольственные наборы с крупами и немецкой тушенкой, ее называли «гуманитарной». Она была лучшего качества, чем китайская «Великая стена», которую выдавали в «заказах» на предприятиях. Я нигде не числилась в штате и продовольственные блага мне не полагались. Поэтому я и радовалась возможности устроить для родных маленький пир. Говорила, что даю уроки устной литературной речи для чиновника из мэрии. Он недавно переехал из провинции и разговаривает как биндюжник. На гонорар покупаю в их буфете деликатесы, там все копейки стоит. Любви к чиновникам эта информация, конечно, не прибавляла, а какого рода уроки я даю, родители в силу своей порядочности предположить не могли.

По телевизору показывали фильм «Интердевочка». Сложно представить, что еще несколько лет назад мои родители стали бы обсуждать тему проституции.

– После этого кино, как и после «Маленькой Веры», хочется почистить зубы или лучше принять душ, – сказала мама. – Хотя и в одном и другом

фильме нравственные пороки наказаны. Умирает отец Веры, мать Тани, узнав о проституции дочери, кончает жизнь самоубийством. Но все это не Шекспир, нет высоты осмысления, возможно, потому что нет борения чувств. Все началось и закончилось в навозной куче.

– Роман «Яма» крайне неудачный, это признавали даже современники Куприна, – заметил папа. – Показать жизнь дна, то есть поднять ее на какую-то, как ты говоришь, высоту, удалось Горькому в одноименной пьесе «На дне». Хотя у меня есть подозрение, что герои там сильно поэтизированы.

– А как же Сонечка Мармеладова? – вступила бабушка. – Помню в юности читала, плакала над судьбой бедной девушки.

Я не участвовала в разговоре, думала о наших отношениях с Колей, в которых нет настоящей привязанности, участия, необходимости друг в друге. Нет ничего кроме секса и продуктовых наборов. Да и в сексе Коля не орел, забойщик он и есть забойщик. Однокомнатная квартира, в которой мы встречаемся, якобы друга, уехавшего в командировку. Враки. В ней нет личных вещей, домашних мелочей вроде фото, книг или набора кухонной посуды. Безлика, как гостиничный номер. Снята, возможно, вскладчину, для внебрачных утех. Я же, что тоже возможно, поступила на службу в номенклатурный гарем. За прокорм.

– Профессиональное качество падших женщин, – услышала я слова папы, – отсутствие брезгливости.

Это обо мне? За колбасу торгую собственным телом?

Когда Коля позвонил, я сказала, что не могу с ним увидеться и вообще наш краткий и чудный роман окончен.

– Без обид? – спросил Коля, ничуть не расстроившийся.

– Абсолютно! Спасибо тебе, что подкормил мою семью!

– Ерунда! Саш, ты звони, если что надо.

– Ты хороший парень, Коля.

– Ага, я знаю. Извини, тороплюсь на совещание.

После Коли ни романов, ни половых дружб у меня не было. Если родители и переживали по этому поводу, то виду не подавали. Подруга Лена расстраивалась активно и долго пыталась вернуть меня на путь любовных утех.

– Воздержание вредно для здоровья! – бушевала Лена. – Ты толстеешь! У тебя тысячу лет не было приключений. Не было постели!

В ответ я пропела:

– «Что бы это значило – приключение в постели? Приключение в

постели – ну, наверно, энурез».

– Это кто сказал?

– Тимур Шаов. В его песнях встречаются строчки поразительно остроумные.

– Поют и шутят на эту тему те, у кого всё в порядке по части секса. А у тебя наверняка кошки на душе скребут!

– Бери выше. Львы, тигры, пумы, гепарды и прочие представители семейства кошачьих отряда хищных.

– Калинкина! Я серьезно! Задумайся! Прямо здесь и сейчас!

– Ладно. Допустим, женщины – это цветы. Мужчины – это вода. Без воды цветы погибнут. Согласна?

– Допустим, – кивнула Лена, подозрительно глядя на меня в ожидании подвоха.

– Вопрос номер один. Как часто надо менять воду, чтобы букет не завял? Вопрос номер два. Следуя данной логике, что собой представляет долгий и счастливый брак? Вазу с протухшей водой?

– Сашка, ты никогда не найдешь себе мужчину! Ты всех распугаешь!

– Я буду читать про великую любовь книги и слушать про секс остроумные песни.

– Это не заменяет!

– Зато гарантирует. Душевный трепет и здоровый смех.

Мне пятьдесят девять лет. Минус тридцать четыре, получается двадцать пять. Четверть века без интимных связей. Не надо меня жалеть. В противном случае справедливо будет поделить сострадание на всех женщин с подобной судьбой, а если вспомнить отечественную историю, войны и революции, выкосившие мужиков, то количество одиноких женщин будет астрономическим, никаких жалелок не хватит.

Я заново познакомилась с Женей, пребывая в юном теле. Но жизненный опыт, гормональный статус, отсутствие потребности в интимае никуда не делись. Мое либидо спало давно и крепко. Так мне казалось. Что мои любовные потребности замурованы в бетон как четвертый блок Чернобыльской АЭС. Я ошибалась. Это был не бетон, а снег, легко тающий на солнце.

Кроме того, Женя Уколов, весьма вероятно, повинен в том, что у меня с юности закрепился *синдром утенка*. Если вылупившийся утенок увидит движущееся животное, он может принять его за мать и двинется следом. Многие люди первую встреченную информацию склонны расценивать как

истинную. Вы прочитали, что кофе повышает давление. Потом вам в качестве аргумента привели сто научных статей, опровергающих связь кофеина и гипертензии. Вы не поверите, вы будете стоять на своем, потому что вы – *утенок*. Я придумала себе идеального Женю Уколова и никто уже не мог с ним сравниться.

Мысленно я иногда возвращалась к своим двум романам и половой дружбе и ни разу не пожалела о том, что не вышла замуж за Андрея или Савву, не отбила забойщика Колю у его общепитовской супруги. Мелькнет понятная зависть к замужним подругам: как это славно, засыпать на мужском плече, иметь рядом человека, который дарит тебе подарки и цветы, спрашивает, как ты себя чувствуешь, и ему можно пожаловаться на головную боль, в хорошем настроении он поет в душе, а порезавшись во время бритья, сквернословит – мелькнет и растворится. Единственным человеком, с которым я прожила бы счастливо и долго, был Сергей. Но бывший муж, вероятно, испытывал ко мне, хорошо маскируясь, нечто схожее с тем, что я в отношении своих любовников. Жадность – другого слова я не подберу. Именно такое чувство было у меня, когда выслушивала объяснения в любви. Это случалось не так уж редко, поскольку в женский опыт вполне засчитывается подростковый, а у меня имелись приятели на даче, я трижды ездила в пионерские лагеря, и на первых курсах университета у нас была хорошая компания. Итак, он объясняется мне в любви, все жутко волнительно, на голом нерве, мне приятно, лестно, он мне нравится, но не больше и... я испытываю свирепую жадность. Словно он что-то просит у меня, а я не хочу отдавать, разве что на время... или не все, а чуть-чуть поделиться (*давай будем дружить*). По сути, действительно просит: мое внимание, мои чувства, мое время, мое сердце. Но все это абстракция, а переживаемая жадность почти материальна, словно он протягивает руку за моей любимой игрушкой.

Мне было жалко тратить себя на Андрея, Савву и тем более Колю. Только на объяснение в любви Сергея я отреагировала бурно и радостно. Весь наш короткий брак я не то что жадничала, напротив, испытывала потребность дарить, дарить и дарить.

И еще. Для Андрея, Саввы и Коли я была *объектом*, а для Сергея *субъектом*. Поясню. Объект любят, о нем заботятся и так далее, не интересуясь по большому счету, что этому объекту самому надо, о чем его печали, горести, мечты, каковы его мысли, глупые и гениальные, в чем его таланты. Если женщина не просто смазливое личико, хорошая фигура, обладательница доброго веселого нрава, но и мыслящий, думающий человек, и этим интересна как личность, то она – субъект.

Спектакль «Бабушки» в театре «Практика» нам с Женей очень понравился. Это был театр-театр, преобразование волшебное. Девушки, одетые как старухи, с походкой старух, с деревенским говором, песнями, с разговорами и проблемами бытовыми, но вдруг поднимающиеся на высоту, о которой говорила мама, на высоту нравственно-художественного осмысления. Когда в финале актрисы сбросили старушечью одежду и зрители увидели юных девушек, зал ахнул. Стало жаль исчезнувших бабушек и одновременно дыхание остановилось: как они сыграли! Мы предполагали, конечно, что это не семидесятилетние актрисы, но чтобы настолько молодые! Им лет по двадцать-двадцать три, не больше. Это был настоящий театр.

Мы шли с Женей сначала по Садовому кольцу, потом свернули на Тверскую. Обсуждали спектакль, восхищались игрой актрис, нам неизвестных, возможно потому, что не смотрим сериалы. Я говорила о том, что старость сейчас никому не интересна, что царит культ молодости, все до гробовой доски хотят остаться заспиртованными в тридцатилетнем возрасте, многие внуки никогда не увидят настоящих лиц своих бабушек, а только предложенную пластическим хирургом версию физиономии, утянутую до треска, с оладьеподобными губами. Я остановилась, только когда увидела, что Женя усмехается, мол, неизвестно, как сама я поведу себя в старости. Как раз известно! Но ведь не скажешь.

Женя прежде не видел постановок в стиле вербатим, или документальный театр. То есть в основе не пьеса, написанная драматургом, а реальные монологи и диалоги живых людей. Автор и режиссер «Бабушек» Светлана Землякова взяла за основу магнитофонные записи с рассказами деревенских старух. Женя сказал, что в театр ходит редко, только по надежным рекомендациям. Я не стала признаваться в том, что сделала завзятой театралкой. Только заметила, что на пять спектаклей приходится один, на который не жаль потраченных денег и времени.

– Какую кухню вы предпочитаете, Александра Петровна? Выбирайте ресторан для ужина.

Воспитанная девушка сказала бы, что ей все равно. Но я давно рассталась с девичьими манерами.

– Ресторан не пафосный, без хрусталя и официантов в смокингах, без живой музыки, без понтов, как выражается мой сы-ы-ы... мой двоюродный брат.

Мне следовало быть начеку, но рядом с Женей контролировать себя решительно не хотелось.

– Мы с вами слишком демократично одеты?

По телефону я предупредила Женю, что дресс-кода в «Практике» не существует, подойдут джинсы и кроссовки. На Жене были легкие брюки, светлая рубашка с воротничком, пристегнутым маленькими пуговичками, вельветовый пиджак с замшевыми нашлепками на локтях и туфли-мокасины. Мне бы хотелось щегольнуть в своем кружевном платье цвета красного вина, но в нем я выглядела бы гостьей столицы, не отличающей Большой театр от студенческого. Поэтому я была в джинсах (без прорех), белой льняной блузке-батнике. Единственная уступка классическому театральному наряду – туфли на высоких каблуках. Именно туфли, а не босоножки. Какие бы вольности в одежде нынче ни царили, голые пальцы в театре – это пошло.

– Просто не люблю чопорности. В Столешниках есть симпатичная кафешка. Какие там пирожные! Кондитера следует привлечь к суду по статье за распространение наркотиков.

Я наслаждалась обществом Жени. За ужином он держался просто и галантно, был внимателен, но ненавязчив. Красивые мужские поступки хотя и трогают женское сердце, но они эпизодичны. А хорошие манеры постоянны и приятны. Женя слушал мою трескотню благосклонно. Каюсь, поначалу мне почему-то не приходило в голову, что ему тоже есть о чем рассказать.

На стене в кафе висели флажки разных государств. На один из них: ядовито-зеленое полотнище со звездами дугой, под ней три золотые перекрещенные стрелы наконечниками вверх – я обратила внимание.

– Первый раз вижу. Наверное, какая-то африканская страна.

– Это флаг Адыгеи, – сказал Женя и почему-то ухмыльнулся.

– Какая-то интересная история с ним связана? – прицепилась я.

– В сороковых годах девятнадцатого века резидент английской разведки в Константинополе презентовал им этот флаг. Для пущего эффекта Уркварт, так звали резидента, выдал его за «санджак-шериф» – знамя пророка, якобы торжественно освещенное религиозными лидерами Константинополя. Двенадцать звезд обозначают двенадцать адыгейских (черкесских) племен, три перекрещенные стрелы – единство трех княжеских адыгейских родов. В 1992 году знамя достали, стряхнули пыль и подняли на флагшток.

Словосочетание *резидент разведки* напомнило мне слухи, которые

ходили среди наших одноклассников. Будто бы Женя Уколов после Бауманки не работает в секретном институте, а учится на разведчика в институте КГБ.

Я спросила с наивной непосредственностью:

– Павел Андреевич, вы шпион?

– Видишь ли, Юра...

– Ой, я не прошу выдавать секреты, подрывающие безопасность нашего государства!

– Да какие секреты. Все, что можно и нельзя, давно растрезвонили. В прошлом и недолго был шпионом, если вам не по душе слово «разведчик».

– У вас и звание есть?

– Есть.

– А какое?

– Полковник.

– С ума сойти! Настоящий полковник!

– Живой, можно потрогать.

Ему не очень приятен был этот разговор, но мой жгучий интерес был гораздо сильнее, и я впиалась как пиявка.

Выяснила, что Женя побывал только в одной зарубежной командировке в далекой латиноамериканской стране. Потом подлец-предатель сбежал к врагам американцам и спалил многих сотрудников, ставших невыездными.

– Вас списали в архив? Уволили?

– В советское время уволить офицера было не так-то просто. Да, имелась опасность оказаться в архиве. Хотя туда пристраивали, как правило, разведенцев и алкоголиков. Мне повезло, я занимался аналитической научной работой.

– И теперь?

– И теперь, выйдя в отставку. В крупной корпорации.

– У вас и степень научная есть? И научные труды?

– У меня есть все, что разумный и трудоспособный человек может заработать за двадцать с лишним лет. Александра Петровна, хотите еще пирожных?

– Хочу, но не могу определиться. Панакоту ягодную или брауни с орехами?

– Вы сейчас по-русски говорили?

– Да, вы правы! Простой белый трюфель. И кофе. Почему вы не пьете чай или кофе?

– Потому что я не молод. Кофеин после семи вечера обеспечивает мне

бессонную ночь. Давайте не будем скромничать и закажем вам и трюфель, и эти, как их...

– Заманчиво. Но вам придется пообещать, что после моего пищевого удара вы достанете табельный маузер и пристрелите кондитера.

– Боюсь, я давно не смазывал свое оружие.

Мы шли по Большой Дмитровке. До метро «Охотный Ряд» минут пять ходу. Разговор затихал. На меня накатила грусть, даже плакать захотелось. Сейчас мы спустимся в метро, нам ехать по одной, красной, ветке, но в разные стороны. Попрощаемся, поблагодарим за прекрасный вечер. Других вечеров не будет. Снова мне назначать свидание – потерять лицо. Порядочные девушки не навязываются. Я готова потерять лицо, честь, повиснуть у него на шее, меня не страшат никакие условности. Но его точно страшат, напугают, ему только прилипчивых барышень не хватало.

Женя тоже молчал. Последние двести метров мы напоминали поссорившихся, надутых спутников, не чаявших расстаться. Женя действительно думает, как деликатнее со мной проститься? Или все-таки подыскивает слова, повод для новой встречи? Я до боли стиснула кулаки. У гель-лака была прочность пластмассы, ногти не сломаются, войдут в кожу, порвут сухожилия. Пусть этот молчун увидит меня с окровавленными руками! Пусть ему будет стыдно, плохо, пусть напугается и порвет свою рубашку на бинты!

Старичок-Боровичок! Миленький, добренький, хорошенький! Просыпайся, старый гриб! Хватит дрыхнуть! Быстренько схватил колокольцы, позвонил, наколдовал!

У входа в метро Женя остановился и повернулся ко мне, но смотрел в сторону:

– Александра Петровна, вы бывали в Музее русского импрессионизма?

«Нет! – захотелось выкрикнуть мне. – Не бывала. Вообще ни в одном музее никогда. Сводите меня, пожалуйста! Я серая, дремучая, возьмите надо мной культурное шефство!»

Хороша бы я была, придя в музей и встретив там замечательного экскурсовода, которая провела для меня vip-экскурсию: «Вы снова у нас, приятно видеть, что экспозиция вас заинтересовала».

– Была, мне очень понравилось. С удовольствием пойду еще раз, да я и планировала.

– Тогда, может быть, на следующей неделе?

– А если послезавтра?

– Договорились.

Я ликовала. Едва удержалась, чтобы не запрыгать на месте.
Отвела душу дома, выплясывая перед зеркалом.

Когда мы бродили по залам музея, я вспоминала то, что слышала от экскурсовода. Женя хорошо знал биографии Коровина, Серова, Кустодиева, Грабаря, Кончаловского.

– Да вы знаток живописи!

– Подготовился, почитал в Интернете.

– Картины мастеров импрессионизма, не все, конечно, – призналась я, – оказывают на меня благодное, сладкое действие.

– Больше, чем пирожные?

– Ну, почти. Сравнимо, как опьянение. Я собрала приличную коллекцию альбомов импрессионистов, у меня их под сотню.

– Начали собирать в детском саду?

– Собирать начали родители.

– Простите!

Извиняться на мой очередной прокол – это мило.

– Евгений Евгеньевич, вы бывали в Париже? В Лувре, в музее Орсе?

– Бывал.

– Завидую. Репродукции в альбомах, на экране монитора все-таки не то. Как шампанское и лимонад.

– Александра Петровна, какие ваши годы. Вы еще поедите и многое увидите.

– Вашими бы устами...

– Станным образом мой любимый живописный стиль тоже импрессионизм.

– Не подлизывайтесь!

– Честно!

– Уколов, вы знаете разницу между Моне и Мане? Назовите их картины.

– Клод Моне «Впечатление. Восходящее солнце», «Лондон. Парламент». Эдуард Мане «Музыка в Тюильри», «Сливовица».

– Садитесь, пять!

– Александра Петровна, откуда вы знаете мою фамилию?

Штирлиц, бедный Штирлиц, ты опять на грани провала.

Спасаемся:

– Письмо из Центра до Штирлица не дошло. Он перечитал еще раз – всё равно не дошло. Евгений Евгеньевич, вы меня раскусили! Меня долго пытали, потом я согласилась работать на китайскую разведку. Мой

позывной Дунь-Кунь-Тунь или как-то похоже. Что теперь со мной будет?

– Вы слишком много знаете. Вас будут хоронить с почестями после автомобильной катастрофы. И все-таки, Александра Петровна?

– Да не помню! Я ведь была у вас дома. Может, конверт увидела, может, у вас табличка на двери. Помню, что подумала: предки были либо портными, либо острословами, любили подпускать шпильки.

Вряд ли он поверил, но больше не расспрашивал.

Мы прошли в кофейню, уютную с открытыми террасами, но Женя забраковал меню.

– Не подходит. Бутерброды, булочки, печенюшки, ни одного пирожного с непроизносимым названием.

– Вы принимаете меня за сладкоежку-обжору?

– Что вы! За гурмана и ценителя. Кроме того, я голоден и хочу полноценный обед.

Он достал телефон и по Интернету нашел ресторан.

– Вы любите рыбу и прочие дары моря?

– В приготовленном виде.

– Устрицы?

– Никогда не пробовала.

– Я вас научу их есть. У меня пошла активная выработка слюны и желудочного сока. Так, десерты... Милефоле, тирамису, профитроли, мильфей, – читал он по слогам. – Годится? Тогда вперед!

В рыбном ресторане Женя первым делом заказал дюжину устриц. Их принесли на блюде со льдом.

Я посмотрела на несимпатичное содержимое раскрытых раковин, чередующихся с лимонными дольками, и почесала затылок:

– Вы уверены, что *это* едят?

– Не едят! Пируют! Все люди делятся на умных, которые знают толк в устрицах, – говорил Женя, облизываясь, – и на несчастных глупцов, которым устрицы напоминают бог знает какую гадость. Поскольку вы неофит, то стоите перед выбором, в какую категорию попасть. Поехали! Надо делать вот так.

Он взял створку, выдавил несколько капель лимона, подцепил содержимое специальной вилочкой-двузубцем, извлек и отправил в рот. Зажмурился от удовольствия.

– Свежайшие! Смелее, Александра Петровна!

Не могу сказать, что теперь устрицы – мое любимое блюдо. Но после третьей стало как-то приемлемо. Или все дело было в белом вине, которым

я активно запивала обитателей морских глубин? Или мне просто нравилось смотреть на Женю, чмокающего от удовольствия? Слушать, как он рассказывает, что, строго говоря, устриц надо есть с сентября по апрель – в месяцы, имеющие букву «р». С мая по август устрицы размножаются и несколько жирноваты.

– Вам не кажется, – спросил он, – что жирноваты?

– Нет. Но меня *терзают смутные сомнения*. Они случайно не живые?

– Естественно! – с умной миной заверил Женя.

Так говорят, когда хотят вложить в слова противоположный смысл, когда шутят с близкими людьми, со сверстниками, с друзьями. Однажды я наблюдала сценку. Маша красилась перед зеркалом, Данька уткнулся в телефон. «У тебя нет туши для ресниц?» – спросила его Маша. «Кончилась», – ответил Данька.

Женя впервые со мной шутил свободно, легко, раскованно, как с равной.

Я вытаращила глаза, схватилась за живот и прошептала:

– Они живые, я чувствую. Они просят на волю.

– Спокойно! – поменялся в лице Женя. – Я пошутил. Дышите глубже, выпейте вина. – Он протянул мне фужер. – Нет, лучше водки. Официант! Триста грамм водки! Поскорее.

– Я тоже пошутила. Но в корейский ресторан я с вами не пойду и собак есть не стану.

– Да и мне самому они в последнее время разонравились.

После устриц была уха, под которую нужно было обязательно выпить рюмку водки, закусить кусочком селедки с кружочком лука. Уху я только попробовала, и половины порции не осилила. Я так насытилась устрицами, что даже десерта не хотелось, от второй и последующих рюмок водки решительно отказалась. На второе Женя «приговорил» большую рыбину, пожаренную на гриле, допил водку. К десерту и кофе заказал коньяк.

Я знаю, что от воли человека никак не зависит скорость и глубина опьянения. Все дело в наличии двух ферментов с трудно произносимыми названиями – алкогольдегидрогеназа и ацетальдегидрогеназа. Если печень вырабатывает их в достаточном количестве, человек пьянеет медленно и не мучается похмельем. При врожденном или генетическом (как у малых народов Севера) недостатке ферментов опьянение происходит быстро и опасность стать хроническим алкоголиком значительно выше. Сознательно человек никак не может ускорить или увеличить выработку ферментов, как не может заставить поджелудочную железу вырабатывать нужное количество инсулина. Наш организм – сложное устройство, управлять

процессами которого создатели нам не доверили, даже инструкций не приложили. Однако женщинам совершенно ненаучно нравятся мужчины слегка под хмельком и отвращают потерявшие достоинство пьяные рожи.

Сергей в подпитии становился придирой, резонером и скучным спорщиком. Андрей погружался в элегически сентиментальное настроение, называл меня Сашулькиным, Мусей и Пусей. У Саввы алкоголь вызывал многократное увеличение скорби о тяжелой доле русского поэта. Про Колю ничего не могу сказать, так как в прошлом он «был запойным, но для карьеры и надежности закодировался и подшился».

Женя (почти полная бутылка вина, двести пятьдесят граммов водки, двести коньяка) охмелел то что надо – был расслаблен, благодушен, мил и разговорчив неутомительно. Я смотрела с возделением на тирамису, но решительно не могла съесть его.

– Подождем, вы не торопитесь? – спросил-предложил Женя.

Я не только не торопилась, я бы никогда с ним не расставалась.

Мы заговорили о музее, в котором побывали, и от русского импрессионизма плавно перешли к русофобии, бушующей на Западе и в США.

– «Запад есть Запад, Восток есть Восток, не встретиться им никогда»^[4], – процитировала я. – Киплинг сказал это сто лет назад.

– Русофобия постарше будет, – заметил Женя. – Это не новое явление, а старое, то утихающее, то закипающее последние три столетия.

– Мы очень разные.

– Конечно. Был такой историк Тейлор. В 1947 году он беседовал с тогдашним президентом Чехословакии Эдвардом Бенешем, спросил, почему чешские власти не оказали серьезного сопротивления Гитлеру в 1939 году. Тейлор ожидал, что Бенеш заговорит том, что их застали врасплох или о малочисленности армии. Но Бенеш подошел к окну и распахнул его, показал на чудесный вид Праги: «Вот почему!» Мол, наша столица столь прекрасна, что ее разрушить – святотатство. А мы в сорок первом году минировали Москву и Ленинград. Сдавать ключи от города – чисто европейская традиция. Наполеон напрасно прождал на Поклонной горе делегацию москвичей с ключами от города. Он был шокирован «нецивилизованностью» русских. Он думал, что будет как в Вене, Берлине, Милане.

– У вас прекрасная память на имена и даты.

На самом деле мне хотелось сказать: «У тебя и в школе была отличная память на имена и даты».

– Пока не жалуясь. Разные менталитеты – это не значит хорошие или

плохие, просто разные. Западные теоретики постоянно спотыкаются о российские «черные ящики» и «загадки души». Хотя ответы лежат на поверхности. С началом эры либерализма, под предводительством Рейгана и Тэтчер они только и мечтают, чтобы уменьшить роль государства, которое есть враг номер один для свободы. Но в России при ее протяженности, климате, низкой плотности населения только государство может строить магистрали, суда, крупные предприятия. Частным инвесторам в одиночку это не под силу, они бы обанкротились за милую душу без державной помощи. Сильное государство, неважно, с каким политическим режимом, с кем во главе, – наша жизненная необходимость. В России, как, кстати, и в Китае, отсутствие сильного государства влечет хаос, анархию, голод, гражданскую войну и нашествие внешних врагов.

Уколов под хмельком, как выясняется, становится разговорчивым. Что ему только на пользу. И, вероятно, спиртное уже не представляет для него опасности, ведь в шестьдесят лет уже поздно становиться алкоголиком. Я слушала Женю с интересом, все, что он говорил, было для меня новым, я не подозревала, что политика может быть не менее захватывающей, чем литературоведение или микробиология.

– Следовательно, и понятия свободы у нас разные со Старым и Новым Светом? – спросила я.

– В точку! Для них это прежде всего свобода предпринимательства и право голоса. Для русских, китайцев, индийцев свобода означает, что никакая внешняя сила не диктует, как правильно жить, не навязывает свои идеалы, не приписывает себе владение истиной в последней инстанции, не пихает насильно, не тащит за уши и не тычет штыками в спину, не гонит пинками в райские кущи демократии.

– А для нас, например, англичане не загадка?

– Еще какая! В трех самых масштабных войнах – Наполеоновских, в Первую и Вторую мировые войны – Великобритания избежала поражения благодаря военной мощи России. И после каждой войны, слегка оправившись, она заботливо выращивала и лелеяла русофобию.

– Только ли разницей менталитетов можно объяснить русофобию?

– Ни в коем случае! Есть несколько хороших книг по теме. Уж не ведаю, будут ли они вам интересны, Александра Петровна.

– Будут! – заверила я, никогда в жизни не интересовавшаяся политикой.

Она мне казалась бесконечной пьесой, одной и той же, только актеры меняются и носят костюмы разных эпох. Я заблуждалась.

– Если кратко, – продолжал Женя, – то русофобия выгодна, а в

западном обществе выгода стоит на первом месте. И прежде всего речь идет не о международных делах, а о внутривластной борьбе в так называемых развитых странах. Страх перед Россией раздувался в Британии еще в начале девятнадцатого века, когда виги противостояли тори. Та же модель поведения в современных Соединенных Штатах. Та же двухпартийная система, те же парламентские блокировки, пустые обещания, манипулирование общественным мнением, раздувание антирусской истерии в угоду внутривластным целям. Создана гигантская, именно гигантская, пропагандистская антироссийская система, в нее включены не только СМИ, но и научные институты, общественные организации, еще те рассадники ереси. Маховик крутится, контора пишет. Карл Краус, был такой австрийский писатель, сказал, что войны начинаются, когда политики врут журналистам, а потом верят тому, что написано в газетах. Это полностью подходит и к «холодной» войне.

– Если нет врага, то его нужно придумать?

– И Россия подходит на эту роль как никто лучше. Непредсказуемым, злобным, диким русским медведем пугать легко, приятно и привычно. Да и то сказать, – Женя неожиданно сменил интонацию. Заговорил каким-то стариковским всепрощающим голосом: – Их тоже пожалеть нужно. Им, бедолагам, страшно. Россия не без претензий на мировое лидерство, она большая, у нее неисчерпаемые природные и научные ресурсы, великая культура, военный и ядерный потенциал, она доминирует на стыке двух континентов. И главное, не хочет жить по указке, строптива и непреклонна. Я вас утомил, Александра Петровна?

– Нисколечки!

– Почему вы не едите десерт?

– Тяну время, мне с вами интересно. Да не пугайтесь! Просто неловкий комплимент. И не кокетничайте! Вам самому с собой тоже было бы интересно. – Лучше расскажите, как в цивилизованных странах, это те, где юристов больше, чем сантехников, относятся к нашему президенту.

– Есть о чем поведать, – оживился Женя. – Зимой я побывал в Нью-Йорке. Зашел в книжный магазин, обнаружил семь книг на стенде новинок о Путине. Семь! Вернулся в гостиницу, полез в Интернет, задавшись целью выяснить, сколько вообще книг о нем издано. Как вы думаете, сколько?

– Неужели десять?

– Тридцать две! Это только те, где в названии есть фамилия Путин, и скорее всего некоторые труды я пропустил.

– Вот так слава!

– Со знаком минус. Дьяволизация противника была в ходу еще у

дикарей. Они символически съедали сердце вождя противников перед боем. Времена изменились, на службу пришли высокие технологии, но суть осталась, да и логика: если вы хотите опорочить страну, первым делом начинайте с главы государства. Так было с Милошевичем, Саддамом Хусейном. Путина тоже хочется схарчить, но не получается. Все эти книги, сотни журнальных и газетных статей, телевизионных передач – ор патологических фантазеров, выполняющих правительственный заказ с пеной у рта, со страстью бешеных собак. Роты экспертов анализируют каждый чих Путина, каждый жест, всматриваются в его лицо до рези в глазах, потом пишут, что у него восковое, лишённое эмоций лицо и патологическая страсть к накачиванию мышц. А еще он кагэбэшник, лжец, узурпатор, угнетатель, захватчик, сталинист, фашист, реакционер, консерватор, новый Муссолини (слова Бжезинского), новый Гитлер (слова принца Чарльза, Хилари Клинтон и подголосков из прибалтийских стран). У него-де целый букет неврологических заболеваний из-за детских психических травм, имперские амбиции и прочая, прочая. Научная общественность, кстати, тоже не стоит в стороне, кушать, получать гранты надо всем.

– Как было у нас в период застоя? Институт марксизма-ленинизма, кафедры истории партии во всех вузах без исключения. Горы кандидатских и докторских диссертаций.

– Вы об этом помните? – удивился Женя.

– Мне мама рассказывала, – выкрутилась я. – Она работала на кафедре истории в одном институте. И ни одного голоса в защиту Путина?

– Очень осторожные и тихие, как писк. У меня есть приятель журналист-международник. Он мне рассказывал, что в частных беседах его зарубежные коллеги признавали, что их президенты легко и свободно такими объемами информации, как Путин, оперировать не способны.

– Вам нравится Путин?

Женя пожал плечами:

– Он все-таки не женщина, чтобы нравиться мне. Во внутренней политике, экономике меня многое не устраивает. Но когда за границей я вижу газетные киоски, заваленные журналами, на обложках которых Путин в образе Дракулы с окровавленными зубами или с усиками под Гитлера, мне становится противно.

– Негодяи! Нашего президента? – возмутилась я, хотя прежде весьма нейтрально относилась к Путину. Теперь же вдруг во мне разыграл патриотический гнев. – Жаль, что у нас умерла политическая карикатура. Помните, какие смешные и хлесткие были рисунки?

– Я-то помню.

– У нас дома есть подшивки журнала «Крокодил», бабушка с дедушкой выписывали, – нашлась я. – Как славно бы смотрелся Буш-младший с ослиными ушами и облачком изо рта: «Меня перенедооценили». Спасибо за обед!

Пора. Женя уже дважды тайком посмотрел на часы. Мне с ним гораздо интереснее, чем ему со мной.

– Благодарю за компанию! – ответил он любезно. – Попудрим носики и по коням?

Я помнила свое полуобморочное отчаяние, страх, пригласит ли на новое свидание, и снова переживать подобное не хотела.

Когда подходили к метро, я взяла инициативу в свои руки:

– Мы с вами отлично культурно развиваемся. Теперь моя очередь предлагать объект. Вы бывали в Царицыне после реставрации?

– Нет, но...

– Что «но»? Что вас смущает?

– Вы должны проводить время со своими сверстниками, в молодежной среде, а не со мной, стариком...

– Я хрустально-русский человек, может, в четырнадцатом веке и проскочил какой-нибудь монголо-татар, но сведений о нем не сохранилось. И как русский человек я не люблю, когда мне указывают, с кем проводить время, с кем дружить или не дружить. Если вы не хотите в Царицыно, то скажите прямо, нечего искать отмазки в виде моей так называемой молодости.

– «Отмазки», – повторил Женя. – Редко слышу от вас современный жаргон. Складывается впечатление, что вы воспитывались в каком-то закрытом благородном пансионе.

– Это хорошо или плохо?

– Странно. Конечно же, очень хорошо! – быстро поправился он. – С удовольствием побываю в Царицыне.

«Спасибо, сыночек! Как полезны оказались твои словечки, от которых я прежде морщилась».

– Тогда послезавтра, в пятницу? В выходные там, наверное, тьма народу.

Ни Женя, ни я не подготовились к посещению заповедника, то есть не читали в Интернете про Царицыно. Не знаю, чем Женя был занят, а у меня откололся лак на одном ногте, требовалась реставрация, я сменила лак

педикюра с пугающе-розового на менее ядовитый цвет и сделала эпиляцию. Хотела только ноги, но мастер предложила убрать волоски и в зоне бикини. «Чем черт не шутит, не известно, как жизнь сложится. Удаляйте!» – решила я. Процедура для стойков, спартанцев и прочих терпивцев. Преклоняюсь перед современными девушками, которые подвергаются эпиляции регулярно. Однако, мне кажется, что после такой пытки какие-либо интеллектуальные занятия, вроде чтения умных книг или вдумчивого конспектирования лекций, мало возможны. Вот вам и источник анекдотов про блондинок модельной глянцевости. Я, настрадавшись, могла только валяться на диване и предаваться глупым мечтам. Их главного героя называть не требуется, и так понятно.

Женя был сдержан и строг, совсем не такой, как в рыбном ресторане. Меня так и подмывало ему сказать: «Напрасно перед свиданием не тяпнул пару рюмок».

Про Царицыно я помнила немного.

Екатерина Вторая, навещая Москву, пленилась этими местами, выкупила у Кантемира поместье. Архитектором пригласила Василия Баженова. Его проект в стиле псевдоготики был очень масштабным, со многими новшествами, не один большой дворец как центр композиции, а пять – для членов царской семьи. Строительство финансировалось из рук вон плохо, работы затянулись. А когда царица очередной раз посетила Москву, ей все решительно не понравилось. Баженов был отстранен и лишен монаршей милости. Ходили слухи, что дело было в его масонстве. В декоре многих зданий присутствовали масонские шифры и эмблемы.

– Вряд ли Екатерина Вторая разбиралась в масонской символике, – сказал Женя, – тем более что она, символика, а не царица, восходит к христианской эмблематике. Но через Баженова масоны пытались влиять на наследника. Баженов часто ездил в Петербург просить деньги, встречался с Павлом Петровичем, передавал ему литературу «вольных каменщиков».

– Вы все знаете лучше меня! Сами говорите.

– Ничего я не знаю!

– Про архитектора Матвея Казакова, которому передали Царицыно.

– И тоже не давали денег на строительство. Это был долгострой длиною в два с лишним века.

– В советские годы парк превратился в лес, а недостроенные здания в руины.

– Родители рассказывали?

– Представьте себе. Возили тут в колясочке.

– Вы слушали и запоминали.

Слушал Данька, уже не из коляски, конечно, а я готовилась к нашим поездкам по московским паркам. Отвези меня в Лефортово, в Кузьминки или в Кусково, что-то да и вспомню.

– Ой, смотрите, микроавтобусы, наверное, экскурсионные. Прокатимся? – отвлекла я внимание Жени.

На электромобиле мы ездили сорок минут по дворцово-парковому ансамблю, слушали аудиогид. Потом гуляли по аллеям, у прудов, у фонтана. Выпили кофе, я с пирожным, конечно, и снова гуляли. Было солнечно, тепло, красиво, говорить про умное, вроде политики, не хотелось, болтали о чем-то легком, я не запомнила о чем, пока разговор не сменился.

– Вас, Александра Петровна, вероятно, принимают за мою дочь, – сказал Женья.

– Тогда вас – за папу-извращенца. Вы *так* на меня смотрите, что смахивает на инцест.

Наконец установилась летняя погода, я смогла надеть давно купленный сарафан на бретельках. Белый, в маленький, едва заметный синий горошек-точечки, с кружевами на лифе и по подолу. Свои отэпилированные гладенькие ножки утром после душа я смазала кремом-автозагаром. На мне были босоножки с тринадцатисантиметровыми шпильками. На меня не мог бы пялиться только слепой потомственный импотент. Данная категория граждан в Царицыне отсутствовала.

После небольшой паузы Женья сказал:

– Смотреть на красивую женщину не зазорно. Это, можно сказать, своего рода акт милосердия. Женщина старалась привлечь внимание и теперь вышагивает на каблуках, которые легко приравниваются к инструментам палача...

– И в платье, которое смахивает на комбинашку?

– Я бы выразился деликатнее – на дезабилье.

– Встречные-поперечные присматриваются к вам, пытаюсь понять, сколько вы стоите, коль подхватили такую красотку в исподнем.

– Александра Петровна, ваше платье великолепно!

– И они, – продолжала я, оставив без внимания его оправдания, – пытаются вычислить, под каким номером в списке Форбса самых богатых людей вы фигурируете.

– Седина в бороду...

– Челюсть на ночь в стакан. Евгений Евгеньевич, вы склонны к зависимости от чужих оценок?

– Абсолютно не склонен. Если бы у меня была вставная челюсть, я бы для удобства носил ее на цепочке, как медальон. А вас, Александра Петровна, волнует мнение окружающих?

– Ни-ка-пель-ки! В целом. Но ваше мнение, скажем, мне небезразлично. Давайте присядем на скамейку? Только вы сказали про палача, я тут же почувствовала зарождение варикоза. Евгений Евгеньевич, – спросила я без перехода, – вы скучаете без детей?

Он посмотрел на меня внимательно, я увидела вопрос в его глазах: «Почему она спрашивает? Напрашивается на роль ребенка, навязывает мне ампула папочки или иное?» – но ответа не разгадала. Мое собственное объяснение было бы, конечно, неуместно. Хотя дедушке и бабушке поговорить о детях и внуках вполне естественно.

– Скучаю без них маленьких, – сказал Женя. – А сейчас они... Сын хорошо устроился, прилично зарабатывает. Косит трын-траву.

– Что? – не поняла я.

– Помните в фильме «Бриллиантовая рука» пьяный Никулин поет песню про зайцев, которые косят трын-траву?

– *Храбрым станет то, кто три раза в год в самый жуткий час косит трын-траву* [5], – пропела я. – А нам всё равно...

– Трын-трава – это деньги и одновременно нечто пустяшное, бесполезное, сор. Общество потребления – те же бездуховные зайцы на покосе.

– Вы слишком строги. А дочь?

– Она была очень способной девочкой, училась в инязе. Испанский, английский свободно, французский, немецкий сносно. Добрая, милая, веселая, ласковая. Вы представляете себе, как живут дауншифтеры в теплых странах?

– Только по книге Элизабет Гилберт «Есть, молиться, любить». Европейцы приезжают на Бали отдохнуть, пожить несколько месяцев. Остаются на годы. Там тепло, дешево, красиво. Пляж, бар, где тусуются такие же бездельники. Сплошная нега и легкий алкоголизм. Но все-таки нужно иметь источник дохода. Наши люди, насколько я знаю, сдают квартиры на родине.

– Полина подрабатывает переводчицей, бебиситтером. Но все это редко, деньги ей высылаю я. Полгода назад решил прикрыть «лавочку», мол, возвращайся домой. В ответ дочь заявила, что имеет право на московскую жилплощадь, которую надо продать и отдать ей причитающуюся долю. Если бы несколько лет назад мне сказали, что моя Полина может делать подобные предложения, я бы расхохотался или дал в

глаз предсказателю. А теперь что остается? Жене я малодушно ни о чем не рассказал, продолжаю слать деньги. Не в них дело, а в той трещине, что возникла между мной и дочерью. Она ширится и, боюсь, скоро превратится в пропасть.

– Наркотики?

– Не знаю. Жена прилипла к семье сына, возится с внуками. Не помню, когда последний раз была в Москве. Зимой они катаются на горных лыжах в Альпах, летом отдыхают на Ривьере. Я к ним не часто езжу, чувствую себя там лишним.

– Не прав был Лев Николаевич Толстой. Каждая счастливая семья несчастна по-своему.

– Навел на вас грусть.

– Я привыкла грустить последние... последние два года.

– Несчастливая любовь?

– Вроде того.

Мне хотелось рассказать про Даньку, как он измотал мне нервы, пока не женился. Выдать его за двоюродного брата? У меня скоро начнется нервный тик на почве отвращения к вранью, которым я пичкаю Женю.

– Не хотите говорить? – спросил он.

– Нечего рассказывать, – фыркнула я. – Все эти истории про первую любовь типичны, скучны и заурядны.

– *Кто в молодости не был революционером, у того нет сердца, кто в старости не стал консерватором, у того нет ума...*

– Уинстон Черчилль.

– Перефразируем. Кто в молодости не обжегся на первой любви, тот не насладится любовью зрелой и настоящей.

– Из вас такой же пророк, как из Льва Николаевича.

– Сравнение лестное. Вы не хотите отобедать?

С зарождающейся привычкой Жени водить меня в дорогие рестораны надо что-то делать. Не представляю, сколько он заплатил за два салата «Цезарь», щи с кулебякой, двести граммов водки («Не выпить рюмку водки, закусив маринованным огурчиком, под щи – преступление»), медальоны из говядины и десерт, который я снова не могла в себя впихнуть, попросила упаковать и дать с собой. Мне не хочется разорять Женю, ведь он вряд ли через день обедает столь масштабно. Надо что-то придумать. Девушки, которые дорого обходятся, не для пенсионеров, пусть те даже и полковники в отставке. И уж тем более не для пенсионеров, имеющих на довольствии великовозрастных детей. Эти мои рассуждения –

не прекраснодушные скромницы, не чистая альтруистическая забота о Женином кошельке. Натуральный эгоизм. Если бы я была на Женином месте, если бы стояла перед выбором: помогать ребенку или баловать кавалера, не задумывалась бы ни секунды. Кавалер перебьется.

Часть третья

1

Женя на три дня уехал в командировку в Санкт-Петербург. Обещал позвонить, когда вернется. Помыслит-помыслит на досуге и решит, что молоденькая финтифлюшка ему не нужна, сгинет, поминай как звали. Снова терзания, тоска. И в голове назойливо крутится песня: «Стою под тополем, грызу травиночку. Зачем протопала к нему тропиночку?.. Он на свидание ко мне не явится, теперь любовь моя со мной останется»^[6]. Я приказала себе сменить пластинку. Следующая была не оптимистичнее: «Он за борт ее бросает, сам веселый и хмельной...»

Мой любимый океан, в котором я обожала плавать, заходить в порты, нырять на дно, отыскивать сокровища, плескаться на волнах – Интернет, – потерял свою исключительность. Я вышла на сушу, и мне здесь нравилось. Например, ходить в книжные магазины, «утюжить» полки, брать в руки книги и пролистывать, покупать их. Данька, когда был маленьким, часто спрашивал: «Я теперь как взрослый?» Сам завязал шнурки, заправил постель, приколотил гвоздем к стенке паспорт, который я вечно теряла, помыл посуду, расколотил всего две тарелки и порезался не сильно – я *теперь взрослый?*

Я теперь как нормальный человек, способный легко передвигаться по городу. И нечего хандрить, сидеть дома! Отправляйся в книжный магазин и попробуй отыскать книги по теме, которая тебя заинтересовала.

Русофобия цветет, смердит и множится на Западе. При этом россияне остаются к нему, Западу, более чем благосклонны. Мне как-то встретила статистика. Точно страну не помню, то ли Швеция, то ли Норвегия. Семьдесят процентов тамошних жителей считают русских агрессивными, жестокими, непредсказуемыми и опасными. Россияне, напротив, про жителей той страны говорят, что они культурные, цивилизованные, приветливые и открытые. Просто мазохизм какой-то. Или недостаток нашей информированности. Хорошо или плохо, что мы не знаем, как к нам относятся за кордоном?

Когда в Киеве вспыхнул майдан, мы пережили взрыв солидарности с родными украинскими братьями. А потом мы увидели, как они скачут: «Москаляку на гиялку!» Скачут студенты, детсадовцы, интеллигентные

преподаватели вузов и музейные работники. Лена рассказывала после отпуска, что на турецком пляже украинские бабы устраивали аналогичные скачки, призывая отдыхающих присоединиться. Русские лежали на песке и смотрели. Молча. Мы и теперь молчим. Порыв солидарности угас, и мы (обыватели в массе своей) наблюдаем за происходящим на Украине с терпением людей, которым надоело приструнивать, увещевать, помогать соседям – пьяным, потерявшим разум дебоширам. Пусть перебесятся. Но ненависти, даже обиды не наблюдается.

В «Московском доме книги» я не нашла трудов об особенностях национального русского характера и мировосприятия. Купила только книгу, о которой упоминал Женя. Ги Меттан «Запад – Россия: тысячелетняя война. Почему мы так любим ненавидеть Россию».

В кафе я выбрала столик в углу. Новая для меня примета времени: в кофейнях и кондитерских теперь подолгу сидят люди с ноутбуками и планшетами. Читают, работают, по часу тянут чашку кофе. В мое время им бы показали на выход: «Вы тут надолго устроились? У нас очередь!» Вероятно, это люди, которых прежде называли *надомниками*, а теперь *работающими на удаленном доступе*. Дома у них шум, маленькие дети, отвлекают просьбы и разговоры, а в кафе – благодать. Несколько раздражает, когда завсегдатаи громко разговаривают по телефону, решая свои производственные дела. Я заказала кофе, заварное пирожное и корзиночку с ягодами, чуть позже попрошу многослойное желе со взбитыми сливками, оно здесь отличное.

Сколько пирожных может съесть девушка ежедневно? Два как минимум. Девушка не толстеет, и она пирожнозависимая. Есть наркомания, есть табокомания, кофемания. Манией звали богиню безумия у древних эллинов. Моя *богиня* очень избирательна. К шоколаду и конфетам мы с ней равнодушны, но в хороший день можем себя потешить еще парочкой пирожных вечером.

В книге Меттана я встретила развитие тех мыслей, которыми поделился Женя, и еще много нового. Я делала подчеркивания и закладки маленькими цветными стикерами. Желтые – просто интересное, красные – надо обсудить с Женей. Я с ним постоянно вела мысленные диалоги, хотя внутренний цензор не мог пропустить многое – то, что не подходило для знаний и опыта двадцатилетней девушки.

Разное понимание свободы – мы об этом говорили с Женей. Но у нас, россиян, даже в речи есть ситуативное негативное значение этого слова. Например, начальник в разговоре с проштрафившимся подчиненным или

полицейский подозреваемому говорят: «Свободен!» Подразумевают: «Можешь идти, не нужен!» А если сквозь зубы, то и вовсе: «Пошел вон! Убирайся!» И цветаевское вспомнить: «– Свобода! – Гулящая девка на шальной солдатской груди».

Я подняла голову, откладывая эту мысль в запасник памяти, чтобы открыть его, когда встретимся с Женей. Через секунду все мысли, умные и псевдоумные, вылетели у меня из головы.

В кафе вошла пара. Они тоже искали укромное место, выбрали столик рядом с моим. Это была Света, жена Вити Самохина, и молодой человек чуть за тридцать, но еще до сорока. Света моя ровесница, и она выглядит на свои шестьдесят, что не значит «старой».

Пожилые женщины, даже без пластических операций, сейчас выглядят молодо, а Света, напомним, перекраивала себе лицо. Времена изменились, полегчал быт, достижения стоматологии – никаких провалившихся ртов и обвисших щек. Старухе-процентщице в «Преступлении и наказании» было сорок два года. Графине Толстой не исполнилось сорока, но Толстой на протяжении всего романа называет ее *старой графиней*. Пушкин сейчас не написал бы: «в избу вошла старуха лет сорока пяти», а Тьнянов не сказал бы про тридцатичетырехлетнего Карамзина, что тот находится в возрасте угасания.

Однако спутник Светланы, как ни крути, был моложе ее почти в два раза. Не сын, не сват, не брат – любовник. То, как Светлана смотрела на него, не оставляло сомнений. Она буквально трепетала, а он позволял себя обожать. Мне был прекрасно слышен их разговор, ее воркование, его снисходительные ответы. Потом он ляпнул что-то совсем уж резкое, Света обиженно напряглась.

Альфонс протянул руку, погладил ее по щеке:

– Малыш, не обижайся! У меня сегодня был чертовски трудный день.

Света мгновенно растаяла:

– Закажи себе покушать. И не бизнес-ланч, а что-нибудь из меню. Ты же голодный, моя лапушка!

Малыш, лапушка... Меня чуть не стошнило. Я попросила счет, расплатилась и вышла.

Затрудняюсь объяснить, почему вид этой парочки вызвал у меня припадок негодования. Не легкое отвращение, не ах-удивление подсмотренного греха, не примитивно-философское *чего только в жизни не бывает*, а именно взрыв негативных эмоций. И это не мой сын прелюбодействует, и не его жена, и не Любовь Владимировна. Хотя сватью из списка следовало бы выключить, против ее амурных походов я

ничего не имею против, на здоровье. Да и до Светы по большому счету мне дела нет, пусть хоть эскадрон любовников малолетних содержит. Но Витька! Он никогда не называл ее Светланой или Светой, только Светочкой. Он был готов нарожать с ней детей на все буквы алфавита. Он не переживет.

Я позвонила Лене, говорила волнуясь, сбивчиво. В прошлой, до помолодения, жизни меня могли взволновать только проблемы в семье сына. И проявлялось это не бурной деятельностью, а отсутствием какой-либо вообще.

– Представляешь, что я сейчас видела! Сажу в кафе, и тут входят! Света Самохина с молодым любовником! Он ее младше на добрых тридцать лет!

– Постой, постой, – остановила меня подруга. – Сидишь в кафе? Ты из дома выходишь?

– Что вы все ко мне прицепились! Выхожу, я ведь не безногая. Ленка, это катастрофа! Представляешь, что с Витькой будет?

– Почему ты решила, что они любовники?

– По кочану! Я слышала их разговор, он ее гладил, она его пожирала глазами, он ей – *малыш*, она ему – мой *птенчик*... Нет, *лапушка*... Какушка!

– Света тебя не заметила?

– Она бы не заметила, если бы в кафе пришли медведи, сели за столики и заказали медовуху. Ленка, ты не о том спрашиваешь!

– Бедный Витька, он не переживет.

– Вот именно! Приезжай ко мне, давай придумаем, как ...

Тут я похолодела. Куда приезжай? Ко мне, которой не существует?

Я перевела дух, когда Лена сказала:

– Не могу! Сидим на чемоданах, улетаем в отпуск в Турцию. Я же тебе говорила.

– Забыла. Вам с Юрой не осточертело каждый год жариться в Турции?

– Там все включено и нам по средствам. Если бы ты хоть раз оторвала свой зад и поехала на курорт...

– Ленка, может, мне позвонить Свете и пристыдить, и сказать...

– Ты Свету не знаешь? Она пошлет тебя далеко и нецензурно. Кто говорил, что в семейные дела вмешиваться нельзя, что это отношения двух людей, а не трех, включая доброхота?

– Я говорила. Но мне до слез жалко Самохина. Что же делать?

– Ничего! Ждать. Авось рассосется. Я улетаю, от тебя мало толку. Вернусь, если не рассосется, мы с тобой обмозгуем. Пока! Не могу больше

болтать.

– Хорошего отпуска!

Я услышала, пока Лена не нажала «отбой», как она кричит мужу:

– Юрка, представь, это казацкая стерва Светка наставляет нашему Витьке рога!

Не знаю, изменял ли Юра Лене, и знать не хочу. Но что он в молодости вытворял, отлично помню. Юра мог пойти на футбол (на хоккей, в баню) и вернуться под утро. Празднование на работе дней рождения коллег (рождение ребенка, премии, календарных праздников) заканчивалось аналогично. Однажды он пропал на два дня и позвонил из Смоленска. Провожал приятеля, на вокзале в Юрину пьяную башку втемяшилась идея, *почему бы не махнуть в славный город Смоленск, хорошо сидели, продолжим в поезде и далее.* Лена чуть рассудка не лишилась.

Тогда не было сотовых телефонов, но имелись телефоны на работе, в квартирах приятелей, таксофоны, на худой конец. Коллективный стон женщин тех времен: *«Почему ты не позвонил?»* Ответа не было, только покаянные глаза и детское обещание: *«Больше не буду».* Хотя ответ прост: *«Если бы я позвонил, ты бы поломала мне весь кайф».*

Самое неприятное, Юра не любил тащить компанию к себе домой, хотя Лена тысячу раз предлагала: *«Пейте у нас».* При чужих детях Юра мог бражничать, а при своих дочерях – нет. Как-то я провела с Леной ночь, примчалась на ее телефонные рыдания: *«Сашка, он погиб, я знаю, я чувствую, что эта пьяная скотина попал под машину, на улице гололед, он где-то валяется, до морга еще не довезли...»*

В два часа ночи я обзванивала Юриных собутыльников. *«Простите, пожалуйста, у вас случайно нет Юры Смирнова? Нет? Еще раз простите за поздний звонок».* Так по пяти номерам, пока в шестом доме не оказалось, что хозяин семейства тоже отсутствует и, как выяснилось, еще два *настоящих гада* где-то пропадают. Новость Лену окрылила, и в четыре утра она встретила мужа без слез, яростная и красивая. Но Юра вряд ли мог оценить ее гневную прелесть. У него не было денег на такси, он добирался от «Белорусской» до «Сокола» пешком, протрезвел и смертельно хотел спать.

Я опущу бóльшую часть их разговора на кухне, обвинения Лены и вялые оправдания с извинениями Юры. Нас интересует только следующий диалог.

– А если я буду, как ты, пить? – вопрошала Лена.

– Не, Ленка, тебе нельзя.

- Приходить под утро.
- Не, Ленка, тебе нельзя.
- Как последняя сволочь не звонить!
- Не, Ленка, тебе нельзя.
- Наплюю на тебя, твои чувства!
- Не, Ленка, тебе нельзя.
- Чтобы ты с ума сходил!
- Не, Ленка, тебе нельзя.
- Чтоб тебя узнавали по голосу в моргах и больницах!
- Не, Ленка, тебе нельзя.

Самое парадоксальное, абсурдное и неприятное. В глубине души, в закутках мозга мы признаем: им можно, а нам нельзя. Не берусь судить о женщинах других национальностей, но у русских когда-то сломался или приспособился в ходе эволюции какой-то ген, отвечающий за равенство полов, за гендерную справедливость. В этом мы сильно отстали от Запада.

У Марины есть клиентка, работающая в российском представительстве крупной американской компании. У них каждые полгода (!) читают женщинам лекции о недопустимости сексуального домогательства. Причем не только откровенные приставания, шантаж служебным положением, но и... внимание! ... двусмысленные взгляды, подмигивания, причмокивания и посвистывания есть повод заявить о сексуальной агрессии.

– Не, а чего они хотят? – риторически меня спрашивала Марина, наверняка хранившая дипломатическое молчание в беседе с той клиенткой. – Как эти офисные бабы одеты? Юбка в обтяжку, колени открытые, блузка на груди трещит. На каблуках, задницей вертят и хотят, чтобы мужики были как зимние мухи? Тогда пусть не просят рождаемости!

Не иначе как по причине генных поломок, я отбрасывала тот факт, что Самохин сам был не хрустальной верности мужем. Сейчас это не имело значения. Важным, болезненным и горьким было то, что мой друг страдает. А страдать он не умеет, он триллеры, в которых льются реки крови, не смотрит. По словам Светы, они однажды попробовали посмотреть фильм ужасов. Витя сбежал через двадцать минут «с полными штанами».

В своей квартире я не находила себе места. Буквально. Из комнаты в комнату, на кухню и обратно. Лукашин в фильме «Ирония судьбы...» вышагивает-подпрыгивает у дома Нади и твердит: «Надо меньше пить. Надо меньше пить...»

Я тоже твердила:

– Надо что-то делать. Надо что-то делать...

Возник план. Абсурдный, как из водевиля, над которым смеются, но в реальность происходящего на сцене не верят. С другой стороны, никакие разумные меры: поговорить со Светой, призвать на помощь ее сыновей и невесток, чтобы объявили бойкот, – не помогут. Света насилия не выносит, если на нее давить, она только пуще сопротивляется. Света до всего должна доходить сама, и когда доходит, ее уже не перестроить. Если разум бессилён, помочь способен лишь абсурд.

Я набрала номер Вити:

– Привет, Самохин!

– Здравствуй!

– Ты на меня все еще в обиде?

– Нет.

– А почему не присылаете верстку? И не требуешь план на следующий номер?

– Ничего не надо.

– В каком смысле?

– Во всех.

Обычно Витька любил трепаться по телефону, а сейчас отвечал односложно, через силу.

– Журнал, случайно, не закрывают?

– Наверно, закрывают.

– Но ведь у тебя есть запасной аэродром?

– Нет.

«Он знает, – поняла я, – он убит. Сложил крылья, потерял волю, издыхает».

– Самохин, ты знаешь, а я знаю, что ты знаешь.

– Про что?

– Про кого. Про Свету.

– А...

– Ленка их видела в кафе.

– А...

– Самохин, хватить плакать! Возьми себя в руки!

– А...

– Или я тебя возьму!

– Зачем?

– Чтобы все исправить, чтобы вернуть, как было!

– Думаешь, возможно?

– Уверена на сто процентов! – сильно преувеличила я. – Прочисти уши и включи мозги! К тебе придет моя племянница, та самая. Она ушлая девица, она все устроит.

– Соблазнит молодого поганца?

– Вряд ли это поможет. Нам нужно системное решение проблемы, а не локальное. Не только избавиться от данного, как ты выражаешься, поганца, а сделать так, чтобы ни один другой больше не появился.

– Это реально?

– На двести процентов, – я повысила ставки. – От тебя требуется только слушать Шуру и делать то, что она скажет. Ничего сложного, только делай, что она скажет, – повторила я.

– Ну-у, не знаю...

– Чего ты не знаешь, страдалец? Хочешь ли вернуть жену?

– Очень хочу! – Впервые в голосе появились эмоции.

– Тогда говори, в котором часу и где вы с Шурой завтра встречаетесь.

– Кафешка рядом с моим офисом, называется «Подсолнух». В двенадцать дня.

– Договорились. Пока!

После омоложения я стала похожа на героинь французских фильмов, которые половину экранного времени просиживают в ресторациях.

Витя выглядел даже хуже, чем я предполагала. Жухлый престарелый Пьеро, перенесший потерю близких, всего имущества, жесткую химиотерапию и проспавший несколько часов под работающим рентгеновским аппаратом. Света была либо жестокосердна до крайности, либо влюблена в своего поганца до ослепления, либо мстила Вите, чьи прошлые грехи вдруг открылись.

Самохин выслушал мой план без энтузиазма:

– Какая-то авантюра. Для тебя это хиханьки да хаханьки, а у меня жизнь сломана.

– Так почини! Думаешь, если станешь предаваться вселенской скорби, поможет? Света из жалости к тебе вернется? Тогда уж действуй до конца. Иди на паперть, проси милостыню, вид у тебя подходящий. Жена смилостивится, заберет тебя, приведет домой, покормит, положит на диван, а сама пойдет блуд тешить. Скажи, на кой ляд ты, жухлый, ей сдался, когда есть молодой резвый конь?

– В этом все дело.

Я говорила с Витей грубо и жестко, как говорила бы, будь я не в образе молоденькой девушки, а в собственном. Тыкала, хотя по роли мне было не

положено, чтобы подчеркнуть неуважение и презрение. В рекламе такое сплошь и рядом. «У нас самые низкие цены! Зайди и убедись!» Почему они мне тыкают? Потому, что не уважают!

– Дело в том, что ты распустил слезы-сопли до колен, разнюнился как детсадовец на горшке. *Мама, я покакал, вытри мне попу!* У тебя вообще с мужской потенцией как?

– Не очень.

– Пей виагру или другие афродизиаки для мужчин. Их теперь больше, чем средств от поноса. Сходи в салон, пусть тебя постригут, наложат маски на лицо, сделают обертывания тела, тайский массаж закажи, девушки канкан спляшут у тебя на спине и своими острыми сосками нарисуют узоры на твоей груди.

– Все-то ты знаешь.

– Да! Я знаю о тебе гораздо больше, чем ты можешь вообразить. Ты не способен задать себе элементарный вопрос. В чем твое преимущество перед поганцем? При том, что тягаться с ним в сексуальной мощи бесполезно, но надо хотя бы не напоминать *клен ты мой опавший*. В чем он никогда не сможет сравниться с тобой? – повторила я.

– А в чем?

Тугодуму Вите приходилось по несколько раз повторять одно и то же, ожидать от него работы мысли не приходилось.

– В том, что поганец никогда не сможет повторить твой путь. Вы со Светой почти сорок лет вместе, прошли, взявшись за руки, огонь, воду и медные трубы, подняли детей, у вас шестеро внуков, вы срослись, у вас общие кровеносная и нервная системы, вы знаете и чувствуете друг друга так, как никогда и ни с кем уже больше не будет, потому что жизни не хватит, потому что вам шестьдесят стукнуло, черт подери. Это большое счастье такой союз, просто Света об этом забыла, у нее временное помрачение. Ей надо помочь. Иногда помочь – значит отвесить хорошенькую оплеуху, а не плакать и уговаривать, изображать старого брошенного пса и давить на жалость.

Еще несколько минут я увещевала, клеймила и подбадривала Витю. Причем не боялась вспоминать про факты нашего детства и молодости, а на вопрос: «Откуда ты знаешь?» – отмахивалась: «От верблюда!» Если допустить, что Самохин пришел на встречу со мной на нуле, а я по пятибалльной шкале хотела его дотянуть до четырех, то мне почти удалось – на три с плюсом.

Я поехала домой, у меня было еще два адреса, по которым следовало

наведаться. Но прежде расскажу о том, какой шок пережила, когда в Москве наступило жаркое лето.

Мальчики, юноши, мужчины всех возрастов ходили по улицам, в том числе центральным, в шлепанцах и в пестрых длинных семейных трусах. Ладно, пусть в тряпочных шортах, они же плавки. Некоторые типусы не потрудились надеть рубашки или футболки. А девушки бесстыдно щеголяли в шортиках, которые, по сути, были джинсовыми трусами с бахромой. Сквозь прозрачные кофточки можно было легко рассмотреть отделку бюстгалтера. Куда дальше? Скинем оставшуюся одежду и объявим Москву городом свободного нудизма? Год назад мне в Интернете встретилась заметка о штрафах, введенных в некоторых европейских городах за хождение в пляжной одежде вне пляжа. Я только пожалала плечами, подумаешь, какие строгости. Одно дело читать, другое – увидеть собственными глазами.

Мне бабушка рассказывала, что после войны у мужчин была мода в жаркую погоду ходить по улицам в пижамах. Кто не верит, посмотрите старый фильм «Мы с вами где-то встречались» с Аркадием Райкиным и Людмилой Целиковской. Тогда было просто смешно: мужчины напоминали пациентов, сбежавших из больницы. Теперь – оскорбительно. Меня корежит и оскорбляет. Не так, конечно, как паломницу, рассказ которой я прочитала опять-таки в Интернете. Она долго готовилась к паломничеству в Иерусалим. В их группе все были одеты подобающе – мужчины в брюках и рубашках, женщины в длинных юбках, в блузках, закрывающих руки, в платочках на головах. Они стояли в очереди к Гробу Господню в храме Воскресения Христова. И вдруг подъезжают два экскурсионных автобуса, из них вываливается галдящая толпа в пляжной одежде... Я не верующая, в церковь не хожу, но эту толпу я бы расстреляла из пулемета, в крайнем случае, подержала бы в тюрьме и оштрафовала на очень большую сумму.

И вот теперь для осуществления задуманного плана мне понадобились бесстыдные шорты-трусы. Приобретать их в магазине, фирменные, за цену приличных джинсов я не собиралась. Купила коробку конфет и отправилась в секонд-хэнд.

Продавщица меня узнала:

– Иммунолог? Здравствуйте! А мне зарплату повысили. Я хозяйке прямо в глаза: «Хотите моей сенсублизации, повышайте оклад!» Спасибо вам!

– Вы мне тоже очень помогли. Вот, конфеты, возьмите.

– Та оно за что?

– Оно от чистого сердца. И у меня снова к вам просьба.

Объяснила, что нужно. Девушка принесла шортики из подсобки. Даже в магазине поношенной одежды имеются тайные запасы *для своих*.

Выйдя из секонд-хэнда, я вспомнила, что у меня была и другая «крестная». Купила еще одну коробку конфет и отправилась в «Нижнее белье».

– Добрый день, вы меня помните?

– Точно, вы! С амнезией, да? Классно выглядите. А как с ...? – Девушка постучала пальцем по голове.

– Отлично! Я все вспомнила, даже больше чем нужно. Возьмите, это вам!

– В честь чего? – покраснела от удовольствия девушка.

– В честь моей вам признательности.

Я люблю дарить маленькие и большие подарки. Ничто так не убеждает в том, что ты хороший, добрый и щедрый человек, как сделанные тобой подарки. Я одинока и веду замкнутый образ жизни, но на Новый год у меня в списке на поздравления шестнадцать человек. Данька, Маша, Катя, Любовь Владимировна, Витя и Света Самохины, Лена и ее муж Юра, Марина, ее дочь Оля и внук Богданчик, компьютерщик Вася и почтальон Наташа, которая за сто рублей штука приносит мне посылки с почты, Светлана Ильинична, старшая по дому, совсем старенькие, всего трое из оставшихся в живых друзей моих родителей – тетя Аня, тетя Вера и дядя Игорь. Подарки я начинаю придумывать и закупать по Интернету с весны.

Последний визит – к Стасику, однокласснику Даньки, живущему в длинном, на шесть подъездов доме на Маленковской улице напротив моей школы. Данька и Стасик учились в другой школе, а в моей сейчас колледж (я так и не могу уяснить: колледж – это в прошлой жизни ПТУ или техникум?). Мальчишки дружили лет до тринадцати на почве хулиганства, они даже как-то проникли в бомбоубежище под моим домом, благополучно выбрались, никто их не застукал. Но увиденное было столь грандиозным, что они проболтались. В старших классах Данька и Стасик общались мало, слишком разными стали интересы. Квартира Стасика на первом этаже мне была известна, потому что из ее окон Данька и Стасик неоднократно сигналят на улицу. Сейчас окна забраны решеткой.

Стасик открыл на звонок, одет он был только в шорты. Во время разговора почесывал голый живот, поросший рыжей растительностью.

– Привет! Я Шура, двоюродная сестра Даньки Калинина. Помнишь его?

- А то! Здорóво!
- Стас, у меня к тебе дело. Ты ведь таксистом работаешь?
- Ну, типа.
- Сколько будет стоить, если нанять тебя на день?
- Ну, не знаю...
- А без «ну» и конкретно?
- Типа десять тысяч.
- Ты типа не падал с дуба? Типа крыша не поехала? Хочешь меня уверить, что зарабатываешь десять тысяч в день?
- По-всякому бывает.
- В общем, так! Пять тысяч и торг не уместен. Если тебя не устраивает, я найду другого водителя. Это, как ты понимаешь, сегодня не проблема.
- Ладно, пусть пять и бензин.
- В каком смысле? Я должна принести тебе канистру бензина?
- У самой-то, – покрутил Стасик пальцем у виска, – крыша на месте? Оплатить заправку.
- Пятьсот рублей. Стыдно обирать бедную студентку! В восемь утра у моего, то есть у дома Даньки как штык! Пока!

Утром я удостоилась от Стасика комплимента:

- Ты ништяк, клёвая!
  - Мерси! Мы едем в жилой комплекс «Шуваловский», – говорила я, садясь в машину. – Нам нужно проследить за одной женщиной. Она крупной монументальной внешности, как Людмила Зыкина.
  - Это кто?
  - Или Ольга Воронец.
  - Это из какого сериала?
- Я тяжело вздохнула:
- У нее машина красная «Мазда», номер... – я сверилась с записью и продиктовала.
  - Понял.
- Я же понятия не имела, как выглядит Светин автомобиль, и была не способна отличить «Мазду» от «Хонды» или прочей «КИА».

Бандитские времена прошли, но страх перед ними остался. Въехать на территорию «Шуваловского», как и во двор Дома в Сокольниках, было нельзя. Будка охранника, шлагбаум, пропускная система. Пришло ждать поблизости. Хорошо, что я не забыла выяснить у Вити цвет, марку и номер

машины его жены.

Мы прождали больше часа, в течение которого Стас терзал меня песнями в исполнении Любви Успенской, Михаила Шуфутинского и Стаса Михайлова.

Мой водитель пропустил бы Свету, если бы я не ткнула его в бок:

– Смотри, красная выезжает! Это «Мазда»? Номер... номер совпадает. Трогай за ней! Не упусти, очень тебя прошу!

Стас упустил ее на первом же светофоре. «Мазда» проехала, а мы остановились на «красный». За Светиным автомобилем пристроились еще несколько, повернувших с боковой магистрали. И поминай как звали.

– Что ж ты! – в сердцах воскликнула я.

– А что я, в натуре, шпион?

– Сказала бы я, кто ты в натуре.

– Слушай, а давай не ты будешь мне платить, а я тебе еще подкину? Типа поехали ко мне, оторвемся?

– Стасик! – заорала я. – Ты был таким хорошим мальчиком! Значки собирал! Почему из тебя вырос жлобский debil? Немедленно останови машину!

– Да, пожалуйста! Сама debilка! С тебя две тысячи.

– Купи на них словарь литературной речи! – швырнула я деньги и вышла из машины.

Я не рискнула в своем наряде передвигаться общественным транспортом, вызвала по телефону интернет-такси. Подъехал на желтом автомобиле с шашечками то ли таджик, то ли узбек, то ли представитель другой азиатской национальности. Он, наклонившись вбок, распахнул передо мной переднюю пассажирскую дверь и выразительно оглядел меня. Я демонстративно ее захлопнула, открыла заднюю и уселась.

– Куда едем?

– Пока прямо, далее по обстоятельствам.

Я набрала номер Светы:

– Привет, это Саша Калинкина! Как дела?

– Привет, нормально!

– Слушай, мне нужна твоя консультация. Ты сейчас где? – прямо спросила я.

– У себя в офисе.

– А где у тебя офис?

– На «Калужской».

– А точнее?

Света подробно объяснила, спросила, когда подъеду.

– Далековато. Я, сама знаешь, из дома дальше чем на триста метров не удаляюсь. Может, будет у тебя время, заскочишь? Созвонимся?

– Лады, созвонимся.

– Едем! – сказала я таксисту и продиктовала адрес.

Ситуация повторилась, только теперь я два часа слушала заунывную восточную музыку. Надо купить наушники. Каждый второй с наушниками в ушах, и никто никого не терзает своими музыкальными пристрастиями. Таксист со мной не пытался вести бесед, что мне только нравилось. Он не старался скрыть своего презрения, что меня не волновало. Когда я попросила сделать музыку потише, он никак не отреагировал. Мол, ты платишь деньги, поэтому я вынужден тебя, практически голую продажную женщину, терпеть, но сила звука в оплату не входит.

Светлана вышла из здания, и я сумела ее хорошенько рассмотреть. Напрасно она носила обтягивающее нехрупкую фигуру яркое платье, под которым угадывалось корректирующее белье. Бывает степень полноты, которую скорректировать уже невозможно, по себе знаю, а только замаскировать нарядами-балахонами. Света производила впечатление уверенной в себе деловой женщины, хорошо выглядевшей, но отчаянно молодящейся. Это только кажется, что подобные попытки незаметны, еще как видны и внушают жалость.

Света села в свой автомобиль, я велела таксисту следовать за ним и не упустить, «двойная плата, если не потеряете». Он упустил ее даже не на светофоре, а на ровной дороге, правда, забитой машинами как горная речка лососем, идущем на нерест.

– Ах, что б тебя! – выругалась я.

Таксист понял так, что мы перешли на «ты».

– Слюшай, пилаты ни нада, ище тысичу поверху. Дашь? У тебя кавартира есть гиде дашь?

Проняло-таки его, правоверного мусульманина, совместное пребывание с неверной порочной гурией в закрытом пространстве. Я не обиделась и не изображала оскорбленную невинность, как со Стасиком. Если вы провоцируете, одеваетесь как продажная женщина, то не следует ждать, что к вам станут относиться будто к монашке. Кроме того, мне не хотелось искать другое такси.

– Договорились, – сказала я. – Едем обратно в Сокольники. И без музыки!

Совсем без музыкального сопровождения не обошлось. Таксист напевал, мурлыкал, предвкушал, бедный.

Когда такси остановилось у моего дома, я сделала вид, что звоню по

телефону. В отключенный аппарат сказала:

– Милый, я сейчас буду! – Протянула деньги водителю. – К сожалению, не получится, муж дома. Спасибо! Всего доброго! – И вышла из машины.

2

Вечером позвонил Женя. Сказал, что приехал раньше и если у меня появятся планы на ближайшие или не ближайшие дни... но если я занята... Он запутался и, кажется, слегка напугался собственной смелости. Я же отметила, что последние сутки тосковала без него значительно меньше. Лучшее средство от печали – чужие проблемы, которые вы нахально пытаетесь решить.

– Евгений Евгеньевич, у вас есть машина?

– Есть. Вас надо куда-то отвезти?

– Да, то есть не совсем. Скажите, а вы по своей первой специальности, то есть по второй, если вести отсчет от Бауманки... Словом, когда вы учились на разведчика, у вас не было спецкурса по наружному наблюдению? Я правильно называю, когда следят за объектом, висят... или сидят?... на хвосте?

– В общем, правильно. Александра Петровна, разве я говорил, что учился в Бауманке?

– Иначе откуда бы я это взяла? Моя просьба, наверное, неуместна. Но понимаете! Таксисты совершенно не способны ни висеть, ни сидеть ни на хвосте, ни на аркане. Кроме того, они все ко мне клянутся, пристают.

«Все» прозвучало так, словно таксистов было не двое, а по меньшей мере дюжина.

– Хорошо. Куда и в котором часу мне завтра подъехать?

Утром, когда я вышла из дома, Женя уже ждал, стоял около автомобиля, черного, гладкого, не «Жигули», больше ничего сказать про машину не могу.

Увидав меня в шортах-трусах, в легкомысленной маечке, с прической «кудряшки перпендикулярно черепу», с подведенными глазами, накрашенную гуще обычного, Женя только и смог произнести:

– О!

– Доброе утро, Евгений Евгеньевич! Не пугайтесь! Это для дела. Маскарадный костюм.

– Я бы даже сказал, почти отсутствие костюма. Здравствуйте, Александра Петровна! Прошу! – Он распахнул дверцу автомобиля.

– Если бы отказались везти меня в таком виде, – говорила я, усаживаясь, закрывая ноги тонким палантином, который специально захватила, – то я бы не обиделась.

– Вы не хотите поделиться со мной планом операции? – спросил Женя.

– Секрета нет. Но мне бы не хотелось, чтобы вы думали обо мне как о человеке, который лезет, куда его не зовут, не в свое дело. Не просят помочь, а он проявляет излишний энтузиазм и пошлую инициативу, пускается в игры, когда люди переживают по-настоящему болезненные чувства. Всё это обо мне.

Замысловато покаявшись, я выдохлась, мне было стыдно за своей вид, я жалела, что ввязалась в эту авантюру, и думала о том, что еще не поздно остановиться. Разговор пришлось поддерживать Жене. Он говорил о том, что в детстве жил в этом районе, рассказывал, какими Сокольники были раньше, «до вашего, Александра Петровна, рождения». Я могла бы поправить неточности в его воспоминаниях, но, естественно, не стала этого делать.

В «Шуваловском» Свету мы ждали недолго, сопроводили ее машину до улицы Бутлерова. Когда Света вышла из автомобиля и отправилась в здание, я увидела, что одета она еще нелепее, чем вчера. Брюки-капри чуть ниже колен. Длинная блузка до середины бедра смотрелась бы уместно, но Светина блузка кончалась на талии и открывала миру внушительный, туго обтянутый зад.

Я предупредила Женю, что, возможно, здесь нам придется проторчать долго, несколько часов. Его такая перспектива не напугала. Он повернулся в кресле, уперся плечом в спинку сиденья, я тоже повернулась, прислонившись спиной в дверце. Если бы я заняла такое же положение, как Женя, мы бы говорили нос к носу. У меня были заготовлены десятки тем для обсуждения с ним, но все они куда-то улетучились, и речь зашла о человеческих страхах.

С точки нашего наблюдения была хорошо видна машина Светы на автомобильной стоянке. Рядом находился пешеходный переход. Я заметила, что недисциплинированные пешеходы – в основном старики и женщины с детьми в колясках. Люди среднего возраста, молодежь спокойно дожидались зеленого света у «зебры», а те, кому, казалось бы, надо быть тройне внимательными, пересекали проезжую часть как попало и где попало.

– Они считают, что автомобили – это разумные существа, способные

усвоить призывы: «Уступайте места пожилым людям и женщинам с детьми»? – задала я риторический вопрос.

– Вероятно, – согласился Женя. – Мол, меня положено пропускать, извольте исполнять. Хотя автомобиль даже на небольшой скорости быстро затормозить не может. Вы заметили, что едва не случилось несколько столкновений?

– Не заметила. Все, что связано с автомобилями, для меня, простой деревенской девушки, тайна за семью печатями. Парадоксы человеческого сознания, психологии мне гораздо интереснее и ближе. Ведь это противоречие: получить *что положено* оказывается сильнее, чем страх потерять собственную жизнь или подвергнуть опасности детей. Хотя страхи – настоящие, которыми не спешат делиться, чаще всего индивидуальны, у каждого свои.

– Чего боитесь вы, Александра Петровна?

– Хитренький! Сначала сами скажите.

Женя задумался и ответил после паузы:

– Не могу похвастаться уникальностью своего страха. Я не боюсь инфаркта или нескольких. Но мне отвратительна мысль получить инсульт мозга, превратиться в овощ, за которым требуется многомесячный или даже многолетний уход. Так случилось с несколькими моими приятелями. Только один был настолько в уме, что сумел сознательно расстаться с жизнью. Еще один друг, умный, тонкий, интеллигентный в прошлом человек... У него правосторонний инсульт, то есть парализовало левые ногу и руку, состояние психики бредовое, шизоидное. Когда я навещал его в больнице, он никого не узнавал, гоготал, нес околесицу, здоровой рукой лез медсестрам под юбки. Игорь! Это был Игорь... Я точно знаю, что он согласился бы тысячу раз умереть самой мучительной смертью, но не превратиться в это... я даже не знаю, как *это* назвать.

– Печально. Кошмарно. Чудовищно жалко человека и его близких. Он ведь уйдет из жизни к их невольному облегчению, и память о том, каким был последние месяцы или годы, не вытравить. Скажите, Евгений Евгеньевич, а после трагедий, которые произошли с друзьями, вам не пришло в голову заняться здоровьем, профилактикой сосудистых нарушений?

– Вообразите себе, пришло. Я бросил курить, стал мерить давление, пить лекарства, делать зарядку.

– Замечательно! Надеюсь, под пломбой в коренном зубе у вас хранится капсула с ядом, чтобы в роковую минуту надавить и легко преставиться?

– Конечно, все это смешно в молодости, потому что очень далеко.

– В молодости, возможно.

– А в ваши *преклонные года* какие страхи? Ваша очередь признаваться.

– Не боюсь смерти, – я замолчала, прислушалась к себе и повторила. – Точно, не боюсь. Но холодею при мысли о том, что будет, когда, по выражению ... по выражению моего двоюродного брата, *склею ласты*. Представьте себе, что я очень полная, килограмм сто пятьдесят. Вы обратили внимание, что в метро мало тучников? Нам, то есть им, так же тяжело передвигаться как инвалидам. Итак, я буду очень толстой. Поднять мое тело смогут только четыре человека, да и им придется туго, по лестнице не снести. В моем доме нет грузового лифта, мертвую тушу придется скрючить и затолкать в пассажирский лифт и уже больше туда никто не поместится. Вы смотрели фильм «Что гложет Гилберта Грейпа»? Там отлично сыграл Джонни Депп и гениально – молодой Леонардо Ди Каприо, мальчика с патологией психики. Они два брата, у них еще две сестры. Их мама чудовищно толстая, три центнера, не меньше. Она умирает, и дети понимают, что спустить ее со второго этажа невозможно. Нужно разбирать крышу и вызывать подъемный кран. Сбегутся зеваки, станут наблюдать, судачить об их любимом человеке, которому и после смерти нет покоя. Дети выносят из дома какие-то вещи и поджигают его. Смотрят на громадный пожар – прощаются с мамой. В другом фильме, опять-таки американском, толстой женщине, проводящей все время в кровати, понадобилось обследование в больнице. Удалили стену комнаты с окном, подцепили кровать тросами, закрепленными на подъемном кране...

– Александра Петровна! – не выдержал Женя. – Вам до подобной перспективы, абсолютно не стопроцентной, еще много-много лет!

Я посмотрела на него и ничего не ответила. Перспектива давно стала реальностью, в которую я могу вернуться в любой момент. Старичок-Боровичок не сообщил, сколько времени он собирается тешиться своим колдовством.

– Вероятно, – продолжил Женя, – все дело в пирожных, которые вы обожаете. У вас в голове возникла некая связь между сладким и якобы грядущей полнотой.

– Как просто! Все гениальное просто, только почему-то посещает головы гениев, а не простаков. Поскольку я сама не додумалась до такой ерунды, в гениальности мне отказано.

– Вы иронизируете?

– Злюсь. Я не люблю, когда речь заходит о моем лишнем весе.

– Да какой *лишний*, помилуйте! Вы, конечно, не щепка и не глиста, не жертва модной анорексии. И слава богу! У вас великолепная фигура!

Говорю вам как...

– Как кто? Договаривайте!

– Как мужчина, который...

– Который, продолжайте...

– Объект наблюдения показался, – ткнул Женя мне за спину.

Я повернулась:

– Точно, она. Сейчас вам будет сложнее всего, я не знаю, куда она едет, а потеряться на московских улицах проще простого.

– Попробую справиться.

Женя не упустил Свету, хотя мне казалось, что несколько раз мы теряли из виду ее автомобиль. Женя сохранял спокойствие и меня к нему призывал.

Света подъехала к гостинице, припарковала машину и вышла.

Я запаниковала:

– Если они сняли номер и напрямик туда отправятся, все насмарку.

– Кто *они*?

– Света и ее любовник. Вон, видите, подходит к ней.

– Александра Петровна, простите, это ваш бывший?.. Та самая любовь, из-за которой...

– С ума сошли! – возмутилась я. – Разве не видно, что это обсевок с хронической интеллектуальной недостаточностью? Ура! Они зашли в ресторан. Надо деткам подкрепиться, – говорила я, набирая номер Самохина. – Витька! Пулей! Сколько тебе ехать до Октябрьской площади? Десять минут? Отлично! – Я нажала «отбой». – Евгений Евгеньевич, очень вам благодарна! – говорила я и красила губы, откинув козырек над окном, в который было вмонтировано зеркальце. – Я поцеловала бы вас в щечку, если бы не эта вампирская кроваво-красная помада. Поэтому просто брошусь на шею, – я обняла Женю. – Еще раз спасибо! Всего доброго!

Самохин выглядел на твердую пятерку. Не знаю, плясали ли на его спине тайские массажистки, но его старания заслуживали похвалы:

– Молодец! Ты все помнишь? Ты повторил свою мантру *времен очаковских и покоренья Крыма*?

– Присоединения Крыма? Мою мантру? – удивился Витя.

– Эрудит ты мой! Времен молодости, когда ты был как липкая лента, на которую слетались мухи-женщины. *Девушка, вы так прекрасны... у вас глазки, ушки...* и далее по тексту. – Мы входили в ресторан, и я продолжала инструктаж, придав лицу глупое, самодовольное выражение: – Главное, ни при каких обстоятельствах! Ни при каких! Не замечай Свету! Даже если

столкнешься с ней лоб в лоб. Ты видишь только меня, остальной мир не существует. Обними меня за талию, крепче! Воркуй мне на ушко, воркуй!

Получилось как нельзя лучше. Мы прошествовали мимо столика, за которым сидели Света и ее хахаль. Не заметить нас, главным образом меня, было невозможно. Для достоверности образа я крутила задом. Поскольку, неопытная, делала это впервые в жизни, то чуть не навернулась на каблуках и весьма живописно свалилась на Витю. Выглядело так, словно мне лишний раз хотелось с ним обняться. Боковым зрением Витя увидел жену и слегка пристыл. Или все-таки на него подействовало мое прилипание?

Когда мы сели за столик, я вихлялась, жеманничала, закатывала глаза, что со стороны выглядело как чрезмерное кокетство. Если не слышать того, что я говорила.

– Изображай влюбленного, чурбан! Возьми меня за ручку. Поцелуй каждый пальчик. Теперь другую руку. Говори, подавай реплики, мне сложно хихикать в пустоту.

– Ты очень красивая, – начал Витя. – У тебя изумительные глаза какого-то волшебного цвета. Голубые, серые...

– Розовые. И-го-го!

Я перебивала его реплики радостным ржанием. Точно меня в спину периодически кололи иголкой в точку высшего наслаждения.

– Скульптурный овал лица, волнительно очерченные губы...

– И-го-го!

– Я наслаждаюсь, целуя твои прохладные пальчики...

– Ты еще не видел мои коренные зубы! И-го-го!

Мы сидели удачно: я была хорошо видна Свете, а также она могла лицезреть спину мужа и его профиль. Подошел официант, мы прервали свое милое занятие.

В раскрытую книжечку меню я двумя пальчиками ткнула там и сям, как нажала на клавиши пианино, где попало:

– Это, это, еще вот это и это, и это. И-го-го!

Много лет назад мы с Данькой ехали на поезде, нашей попутчицей была девушка, которая жестикулировала точно глухонемая. У нее были красивые руки с длинными пальцами и очень длинными, покрашенными перламутровым лаком ногтями. Они, руки, вероятно, очень нравились ей самой, поэтому были постоянно в ходу. Сын потом смешно пародировал девушку, я смеялась и говорила, что воспитанные мальчишки не насмеются над взрослыми.

Теперь я вспоминала, какие жесты каким глаголам соответствуют. Со

стороны это должно было выглядеть как мой монолог, но на самом деле было только набором слов. Колыхаться корпусом и поводить плечами я не забывала.

– Я думаю, – указательные пальцы к вискам, локти оттопырены. – Я чувствую, – пальцы веером, ладонь на ладонь, прижаты к груди. – Слышу, – указательные пальцы к ушам, остальные растопырены, напоминают петушиный гребень. – Умоляю, – руки лодочкой. – Он болтал, болтал, – щипковые движения, вроде «ам-ам». – Я испугалась, – закрыла лицо ладонями. Что же еще? Числительные. Это просто. – Два, – кокетливо поводить в воздухе пальцами в виде английской «V». – Шесть, – растопырить пятерню и приставить к ней мизинчик другой руки, – десять...

Мои любительские потуги не шли в сравнение с жестикуляцией профессионала, той девушки. Она завораживала, гипнотизировала своими манипуляциями. Но и у меня все-таки что-то получилось, Витя следил за полетом моих перстов осоловело.

Увлечшись, я не заметила, как Света оказалась у нашего стола.

– Это что за лошадь? – грозно спросила Света.

– Сама корова! – быстро ответила я и пошла в наступление. – Дама, что вам надо? Вы пришли сюда со своим кавалером, я со своим. В чем проблемы? – Я слегка откинулась в сторону, Света загораживала паганца, я сделала вид, что рассматриваю его. – Где-то этого альфонса я видела. Вспомнила! На стенде «Разыскиваются» около полиции. Брачный аферист, специализируется на пожилых женщинах. На тех, – пояснила я Вите, – у кого в климаксе едет крыша на почве сексуальной неудовлетворенности.

Света задохнулась от возмущения и пошла пятнами.

– Витюся, – спросила я, морщась, – ты ее случайно не знаешь? – И ткнула в Свету указательным пальцем, искривив руку насколько позволял сустав.

– Понятия не имею.

От радости я чуть не подпрыгнула. Он вошел в роль, он улыбался счастливо и злорадно одновременно.

– Дама! – Я выполнила жест самый манерный и удачный из всего набора. Протянула руки вперед, тыльной стороной ладоней вниз, и презрительно ими помахала. Мол, уметайтесь!

К Свете вернулся голос.

– Где ты подцепил эту шлюху?! – рявкнула она.

Света употребила другое слово, бранное, которое я, по понятным причинам, не могу воспроизвести. На нас давно посматривали, а

ругательство произвело эффект разорвавшейся петарды, и теперь равнодушных зрителей не осталось. К нам поспешно приблизился официант, попросил не скандалить. На него никто из действующих лиц не обратил внимания.

Витя улыбался все смелее и мстительнее:

– Извини, пупсик, но это моя жена. Я ее сразу не узнал.

– Твоя жена? – Я схватилась за голову. – Эта глыба жира и мяса?

– Ну ты, жоповёртка! – напустилась на меня Света.

Но я не дала ей продолжить, поводила в воздухе пальчиком:

– Не надо зависти! Сама задницу свою в три обхвата на всеобщее обозрение выставила, ею только автомобили тормозить, а мне пеняет! Витюся, скажи ей! – капризно потребовала я.

– Света, ты это... иди а? – промямлил Самохин.

– Я тебе пойду! – разорвалась Света. – Я тебе так пойду, старый кобель, что глаза твои бесстыжие повывы... повывы... повывыкатываются! Марш домой!

Я пыталась показать жестами Вите: «Убери улыбку с лица!» – но он меня не понимал, а Света еще больше разошлась. От волнения у нее прорезался южный говор.

– Шо ты тут махаешь?! – кричала она на меня. – У себя дома махай, сучка подзаборная, хлиста (глиста) вонючая!

– Сама вонючая, – мне нельзя было спускать удары. Я сморщила нос: – Вы случайно духи с ароматизатором для туалета не перепутали?

– Витька! Я ее убью! Пошли домой по-хорошему! – орала пунцовая Света.

Я слегка напугалась: Света вполне могла наброситься на меня с кулаками. Официант взял Свету за локоть, пытаясь отвести, она сбросила его играючи. Витя наслаждался ситуацией и не выглядел человеком, готовым стать на защиту несчастной девушки. Бессовестный, он был готов пожертвовать своей спасительницей.

Примирительно сказал:

– Девочки, не надо ссориться!

Этакий жуир, из-за которого дамы бросаются в рукопашную.

Прибежал охранник и пытался вразумить Свету, требовал выйти из помещения. Она послала охранника так далеко и замысловато, что в одном конце зала рассмеялись, а в другом раздались возмущенные женские голоса.

Я сложила руки на груди, откинулась на спинку стула и наблюдала за супругами с олимпийским спокойствием, которое не очень вязалось с

моими предыдущими эскападами. Витя блаженствовал. Света поливала меня грязью. Охранник безуспешно пытался ее утихомирить, грозил полицией.

Потом Света... Она в меня плюнула. Поскольку я ожидала нечто подобное, то успела увернуться. Хотелось показать ей язык и сказать: «Мимо!» Но я благоразумно промолчала.

Много лет назад Витя рассказывал мне про жену:

- Светочка замечательная, только иногда плюется.
- В каком смысле? – не поняла я.
- Натурально. Когда злится, может харкнуть в рожу.
- *Высокие отношения*, – только и смогла произнести я.

Света захватила мужа за шкурку, придушив воротом сорочки, и попыталась стащить его со стула. Витя поупирался немного и поддался. Света потащила супруга на выход, по дороге, не отпуская добычу, она притормозила у своего столика, сдернула со спинки стула сумку и продолжила путь на свободу. Я не заметила, чтобы она что-то сказала на прощание поганцу.

Света поносила мужа, а он канючил:

- Неудобно перед девушкой, ты сама первая...

Официант поставил передо мной несусветный набор блюд. Соленья, азиатские роллы, какой-то салат и тарелочку с четырьмя пирожными. Я шумно выдохнула: можно расслабиться и отобедать.

Не тут-то было. Спектакль не закончился. После короткого антракта началось второе действие.

За мой столик, на кресло, которое только что покинул Самохин, приземлился Светин хахаль, он же поганец:

- Ты чего про меня моросила? Типа аферист...

Я смогла хорошо рассмотреть объект Светинового увлечения и причину Витиной безвольной меланхолии. У поганца было лицо плута. Не милого плута как Фигаро в трех пьесах Бомарше или Тристана в «Собаке на сене» Лопе де Вега. Те были изобретательные, остроумные, энергичные ловкачи. А этот словно уже совершил кражу или только собирается что-то стырить. Он мелкий мошенник и мелкая душа, прячет страх, опасается быть раскрытым и нисколько не терзается аморальностью своих поступков. Сложно сказать, откуда возникало такое впечатление. Бегающие глаза, растянутые губы, то ли улыбаться собирается, то ли ухмылку прячет – все это на лицо, то есть на лице, но этого недостаточно, чтобы выносить

суровый приговор. Скорее всего, комплекс мелких впечатлений, трудноуловимых и формулируемых, дают в совокупности неприятное заключение.

С другой стороны, надо учитывать, что я со своим многолетним голодом по живым человеческим лицам могу напридумывать лишнее. Мне сейчас нравится ездить в транспорте, исподтишка рассматривать людей, ставить им диагнозы и придумывать биографии. Но кто как не я всегда активно выступала против *первого взгляда* и *первого впечатления*. Любовь с первого взгляда отменяет возможность развития отношений: познания человека, вранья в него, влюбления в него – растущего и потому самого прекрасного чувства. Иначе получается, что вино выпито одним глотком, далее только похмелье, вершина покорена одним прыжком, надо спускаться с горы. Когда говорили, *он не понравился мне с первого взгляда*, я возмущалась, потому что нельзя с ходу ставить на человеке клеймо, отбирать у него шанс на раскрытие, проявление замечательных качеств. Возможно, он вам не понравился, потому что именно с вами что-то не в порядке.

– Чего молчишь? – спросил поганец. – Чего на меня уставилась?

– Терзаюсь сомнениями. Общение с вами, сударь, доставило бы мне счастье наслаждаться беседой с рыцарем без страха и упрека. Вам, конечно, известно, что впервые этот почетный титул король Франции Франциск Первый пожаловал Пьеру дю Террайлю, прославившемуся подвигами в битвах и победами на турнирах? Уверена, дю Террайль рядом с вами мелок, слаб и труслив, вы бы легко заткнули его за пояс, в смысле на полном скаку пронзили бы копьем его сердце. Но увы мне, увы! Нет времени, государственные заботы не терпят. Печалюсь, вынуждена с глубоким сожалением извиниться, поскольку не имею и минутки для светской куртуазной беседы с вами.

– Чего?

– Мы другие слова кроме «чего» знаем? По-простому. Катись колбаской по Малой Спасской!

Я оглянулась в поисках охранника, увидела его, входящего в зал, поманила, потыкала в поганца, изобразив возмущение.

– Ты ваще кто такая? – не унимался поганец.

– Молодой человек, – раздался рядом голос Жени Уколова, – вам что-то не ясно в словах девушки?

Я повернулась, и мои вампирские губы растянулись в улыбке от уха до уха.

– Что опять происходит? – подошел охранник.

– Он ко мне пристает, – показала я на поганца, не отрывая взгляда от Жени. – Что у вас за ресторан? Хулиган на хулигане! Проверьте у него документы. Его разыскивает полиция. У него нет вида на жительство, нелегал, а банкноты в бумажнике фальшивые.

– Ты чё? – почему-то испугался поганец.

– Пройдемте, гражданин! – сказал охранник. – Или я вызываю полицию.

– И миграционную службу, – поддакнула я.

Когда они ушли, Женя сел за стол.

Я вытирала губы бумажной салфеткой и говорила невнятно:

– Вам бы лучше на другой стул.

– Что?

– Этот стул несчастливый, его покидают под конвоем. Вы за мной следили?

– Наблюдал.

– Почему?

– Не рискнул оставить вас... в маскарадном костюме и в неясной обстановке.

Я была рада его видеть, и мне было стыдно, что он стал свидетелем представления.

– Водочки? – предложила я. – Смотрите, какая закуска. Соленые огурчики, помидорчики, квашеная капуста, перчик опять-таки.

– Я за рулем, Александра Петровна. Правильно я понял, что вы разыграли спектакль перед э... э... энергичной дамой, чей муж...

– Мой давний-давний друг, с детства. Он хороший. Света тоже славная, хоть в ярости и плюется, как взбесившийся верблюд. Она обладает колоссальной энергией, пробивной способностью танка и жизнеустойчивостью египетской пирамиды. Такие женщины выращиваются только на Кубани, а *з-под Днепропетровска* выходят личности, устойчивые к самым злостным аллергенам.

– Разве? Никогда не слышал, – Женя не настроен был шутить. – Но я слышал характеристики Светы в ваш адрес, и мне показалось, что она впервые вас видит.

– Не придирайтесь! Она не узнала меня... в маскарадном костюме. У Светы и Вити трое детей и шесть внуков. Закажите себе что-нибудь, пожалуйста!

– Непременно. Только еще один вопрос. Почему вы использовали меня втемную, не сочли возможным откровенно рассказать о своих планах?

– Какой придира! Во-первых, главную причину я вам назвала. Все

мною проделанное – авантюра, розыгрыш, обман. Взрослые люди себя так не ведут, это забавно в молодости и недостойно...

– В ваши преклонные годы? Или в мои?

– Будете перебивать, ничего не скажу!

Женя примирительно поднял руки:

– Молчу!

– Во-вторых, если бы я призналась, что Витя Самохин мой давний хороший друг, вы бы решили, что у меня геронтофилия, влечение к людям старческого возраста. На самом деле я недолголюбиваю стариков. Они вечно ноют, жалуются на жизнь, говорят про болезни, про запоры и давление, поносят современность и превозносят времена Пунических войн. Кому интересны сегодня разборки между Римом и Карфагеном?

Женя вполне мог отнести мои слова на собственный счет, но он задумчиво повторял:

– Самохин, Самохин... Витя Самохин. Вспомнил. Его лицо мне показалось смутно знакомым. Со мной в классе учился Самохин Витька, Самоха. Это он?

– Возможно, – пожала я плечами.

– Тогда он скорее должен быть другом ваших родителей.

– И перешел ко мне по наследству. Если вы и дальше намерены меня пытаться, достаньте телефон, там есть фонарик, светите мне в лицо. Не забывайте про вводную конструкцию *не для протокола*. Осталось чуть-чуть, и я окончательно уверюсь, что смогу затмить Мату Хари и Соньку Золотую Ручку вместе взятых.

– Не обижайтесь, Александра Петровна!

– Лучше скажите, как я играла? Вот это с руками, – я изобразила несколько жестов, – было в образе? Убедительно?

– Вряд ли вы заслужили «Оскар» или звание народной артистки.

– У-у-у... – протянула я разочарованно.

– Но самодеятельный театр швейной фабрики дрался бы за вас с театральной студией трамвайного парка.

Женя съел роллы и отпробовал салат, про который сказал, что сочетание чернослива с красной икрой несколько экстравагантно. Он заказал тайский молочный суп с креветками. Для меня молочные супы стоят на втором месте по отвратительности после овсянки. Данька, получивший мое неправильное гастрономическое воспитание, говорит, что Маша кормит дочь вермишелью, плавающей в молоке, что приравнивается к жестокому обращению с детьми.

Тайский супчик «том кха», оказывается, готовится на кокосовом

молоке, со многими специями, он исключительно вкусный, мне нужно обязательно его попробовать, но не после трех пирожных, конечно. После такого количества сладкого любое блюдо покажется вареной подошвой.

Женя вызвался отвезти меня домой, я тут же закинула удочку: если он не торопится, мы могли бы погулять в парке Сокольники. Женя согласился, и погулять, и подождать, пока я, заскочив домой, переоденусь.

3

Парк очень изменился с тех пор, как я была здесь последний раз. Лет пятнадцать назад. Тогда он был запущен, грязен и темен, на лавочках сидели люди и тянули пиво из бутылок. Почему-то их было очень много, серых, развязных, с видом *мне всё можно*. Будто в Сокольники десантировали пивных алкашей со всей Москвы.

Женя тоже давно здесь не был, но его воспоминания сорокалетней давности, нашей юности. А я возила здесь Даньку в колясочке, потом водила за руку, потом тайно подглядывала из-за кустов, когда он вытребовал разрешения гулять самостоятельно.

Парк переродился, помолодел, он был не просто чист, просторен, он именно помолодел, почти как я. Помню старое и наслаждаюсь новым. Я никогда не была здесь с внучкой. Не водила ее на аттракционы, на детские площадки, на батутную арену, в Музей каллиграфии и в «Букводом», мы не катались на странных многоместных велосипедах и на детском поезде, не ели орешки и вкуснейшие пончики, не заглядывали в Большой и Малый розарии, в Сиреневый сад... Катюша часто бывает здесь с родителями, иногда – с бабушкой Любой. Зимой она каталась с горки на плюшках и, удерживаемая за руки родителями, скользила на коньках по круглому катку, называемому Шайбой. В теплое время по выходным они посещали мастер-классы, варили мыло, отливали свечи, плели «ловцов снов». Мне хочется, чтобы внучка полюбила Сокольники, чтобы они стали для нее Вселенной, какой те были для Даньки, для ее прадедушки и прабабушки, для меня, для Жени. Это будет совсем другая Вселенная, но пусть будет.

Мы обошли центральную часть, заглянули на все площадки и во все здания, вроде детского «Иннопарка». Для четырехлетней Катюши, отметила я, научные исследования проводить еще рановато. Потом гуляли по просекам.

В Сокольническом парке, как и в Москве, радиально-кольцевая планировочная структура. От центра веером расходятся Песочная аллея и

семь Лучевых просек (они так и называются – по номерам) и Майский просек, все они пересекаются полукольцевым Митьковским проездом. Женя это прекрасно знал. Но ему было неизвестно, что в XIX веке вдоль каждого из просеков были высажены деревья определённых пород. Вдоль первого и третьего просека – берёзы, вдоль второго и шестого – вязы, вдоль четвертого – клёны, вдоль пятого – ясени, вдоль Майского просека – лиственницы.

Уже не раз случалось, что я рассказываю Жене какую-нибудь историю, он слушает вроде с интересом, а в финале моего выступления произносит несколько реплик или уточнений, по которым понятно, что все это ему давно известно. Я пыталась возмущаться: «Почему не остановите меня, зачем я распинаяюсь?» Ему, видите ли, интересно, как молодежь трактует те или иные факты.

Так случилось и когда я рассказывала об ограблении Ленина в Сокольниках. Владимир Ильич снимал здесь дачу. Возвращался поздним вечером. В автомобиле находились его сестра Мария Ильинична Ульянова, водитель и охранник. Бандиты, предводителем у которых был Яков Кошельков по кличке Король, остановили машину, она им была нужна для дела. Ленин, выйдя, сразу заявил, что он Ленин, справедливо полагая, что нет человека, который не знал бы имени вождя Революции. К счастью Владимира Ильича, бандит не расслышал фамилию и ответил, что-то вроде *подумаешь, Левин, а я Кошельков, Король, хозяин города ночью*. Бандиты забрали их документы, оружие и укатили. Якобы чуть позже Король заглянул в документы, понял, кого прошляпил, приказал гнать обратно, чтобы захватить Ленина и обменять его на заключенных Бутырской тюрьмы. Но ограбленных к тому времени и след простыл. За достоверность этой истории я не ручалась.

– Между тем она правдива, – сказал Женя. – В своей работе «Детская болезнь “левизны” в коммунизме» Ленин рассуждает о компромиссах, в частности о заключении Брестского мира. И приводит пример. Представьте, что ваш автомобиль остановили вооруженные бандиты, вы отдаете им деньги, документы, револьвер, автомобиль. Компромисс налицо: вы лишаетесь имущества, но ведь и избавляетесь от неприятного контакта с бандитами. Человека, который сочтет такой компромисс принципиально недопустимым, Ленин называет сумасшедшим. И абсурдным предположение, что вы становитесь соучастником бандитов, которые грабят и разбойничают, пользуясь вашим автомобилем. И далее Ленин в скобках пишет, *как было со мной лично, бандиты были потом пойманы и расстреляны*.

– А как бы вы поступили на месте Ленина?

– Я бы тоже заключил Брестский мир, – выкрутился Женя, хотя я спросила не о политике, а об ограблении. – Ленин преодолел колоссальное и массовое внутрипартийное сопротивление, грозил уйти в отставку, буквально продавил этот унижительный мирный договор. Его заключили в марте 1918 года, а в ноябре того же года аннулировали. Получили жизненно необходимую передышку, накопили силы, выждали, и Германия рухнула под тяжестью собственных проблем. За Лениным упрочилась репутация прозорливого лидера, не совершающего политических ошибок.

– У вас, очевидно, всегда была пятерка по «Истории КПСС»?

– Если ее умно изучать, то можно почерпнуть много полезного. Наверняка мама вам об этом говорила.

– Моя мама?

Я совершенно забыла, что наврала, будто моя мама преподавала историю. На самом деле она работала технологом в НИИДАРе (институт дальней радиосвязи) на Преображенке.

Женя не услышал в моих словах вопроса и продолжил:

– Хотя, с другой стороны, может, и неплохо, что вам не приходилось конспектировать горы ленинских трудов, помнить повестки дня и решения съездов. Вы, Александра Петровна, занимались иными материями, и ваш объем знаний, признаться, впечатляет.

Поскольку комплимент был не заслужен, я поспешила сменить тему:

– Знаете, как Сокольники стали общедоступными?

– Понятия не имею. Разве они не всегда были местом народных гуляний?

– Евгений Евгеньевич! Пожалуйста, не делайте из меня лектора, который бубнит давно вам известное!

– Боже упаси! Мне приятно вас слушать. Разве мы плохо беседуем?

– Ладно! Третьяков выкупил эти земли у казны и передал городу.

– Третьяков, который создал галерею?

– Того звали Павел Михайлович, а Сокольники подарил народу его брат Сергей Михайлович.

– Один брат подарил Москве галерею, а второй – парк.

– История русского купечества, начиная с середины девятнадцатого века, изобилует подобными примерами. Факты столь масштабной благотворительности современных российских олигархов мне неведомы. Знаете, что было на месте большого фонтана в центре парка?

– Храм?

– Почему храм?

– У нас была такая национальная забава – взрывать церкви и на их месте устраивать водоемы.

– Вы про бассейн «Москва»? Тогда, следуя логике: храм, бассейн, храм – здесь снова была бы церковь. Нет, в парке только один очень уютный храм Тихона Задонского, мы еще не дошли до него. Вы, Евгений Евгеньевич, должны помнить этот храм.

– Деревянный, верно? Там был какой-то строй-двор, мастерские.

– Сейчас вернули церкви, идут службы.

– Чем славен Тихон Задонский?

– Он был епископом Русской православной церкви, просветителем, почитается как чудотворец.

– Александра Петровна, вы верующая?

– Тайно, в глубине души. А вы?

– Аналогично. Уже не атеист, но еще не воцерковлен, да и вряд ли буду. А что с фонтаном?

– К празднованиям коронации Александра Третьего был построен павильон с ротондами, очень милый, я видела фото, в русском стиле, весь резной. Забавно, что царь опоздал на обед, который устраивался в честь Преображенского, Семеновского и Измайловского полков. На расставленных столах было богатое угощение, чашку и ложку можно было взять на память. Царь, повторюсь, задержался, и статская публика подчистила столы с яствами для солдат и офицеров. Потом в павильоне был театр, выступали артисты драматических театров, Шаляпин, Собинов. Театр сгорел в пятидесятом году прошлого двадцатого века.

– Александра Петровна, вы легко можете водить экскурсии по Сокольникам!

Я их и водила – для Даньки персональные, для его класса – коллективные. Призыв *«Люби и знай свой край родной»* для детей пустой звук. Им скучно перелопачивать горы литературы, выбирая самое *вкусненькое*. Но им нравится, когда *вкусненькое* кладут прямо в рот. У меня в голове чертова куча сведений, начиная от особенностей соколиной охоты и заканчивая биографиями художников, которые любили здесь писать картины.

– У нас была очень строгая учительница по краеведению, – сказала я. – Хочешь не хочешь, воленс-ноленс, каждую неделю сочинение вынь да положи.

Мы шли по Майскому просеку, мимо нас сновали дети и подростки на каких-то самокатах странной конструкции. Два колеса, между ними перекладина, на ней упоры для ног. Работает, вероятно, на аккумуляторах,

при легких наклонах корпуса плавно поворачивает вправо или влево. Способ передвижения из фильма про будущее.

– Как называются эти штуки? – спросил Женя.

– Понятия не имею, первый раз вижу.

Он внимательно посмотрел на меня. Очередной раз подивился перекосам в моем образовании и воспитании. Я выказываю странную тупость в предметах, отлично известных молодежи, и владею знаниями, которые обычно приобретаются к преклонным годам.

Чтобы Женя не концентрировался на этом противоречии, я принялась рассказывать про Майский просек. Его приказал вырубить Петр Первый. Ездил по нему на Кукуй к немцам. Весной здесь накрывали столы с вином и разной снедью, тут пировали царь с придворными и иноземцы. Поэтому роща долго называлась Немецкие столы.

– Пора и нам перекусить? – предложил Женя.

– Знаю я ваше *перекусить*. Только в кафе с пластмассовыми тарелками и стаканами!

– Но там может не быть хороших пирожных.

– Дневную норму сегодня я уже выполнила. Сами говорили, что мне надо себя контролировать, что я толстая.

– Я ЭТОГО НЕ ГОВОРИЛ!

– Разве? Тогда мне срочно нужно к отоларингологу, специалисту по нейросенсорной тугоухости.

– Какой-какой?

– А вам – к специалисту по потере памяти. Нет, к психиатру, который лечит неспособность воспринимать женское кокетство.

Женя польщенно рассмеялся:

– Я постараюсь найти такого, если не помогут народные средства.

– Это какие? Растолочь три сухих мышинных хвоста, смешать с пометом белой курицы, варить в желчи быка-производителя...

– *Минуточ-ку... Будьте добры, помедленнее. Я записываю...*

Женя смешно спародировал Шурика из «Кавказской пленницы». Я подхватила:

– *Цель приезда? – Этнографическая экспедиция. – Понятно, нефть ищите...*

День, начавшийся с вульгарного спектакля, закончился прекрасной прогулкой и вкусным ужином с шашлыками и свежими овощами.

Когда мы прощались у моего подъезда, Женя (сам! без подсказок и намеков!) предложил отправиться за город, на свежий воздух. У него

начался отпуск.

– Вы скоро уезжаете? – быстро спросила я.

– Нет, не планирую.

Боюсь, обрадовавшись, я выдала себя с головой.

– Если бы вы знали, как я люблю собирать грибы! – мечтательно произнесла я. И не стала уточнять, что много лет была лишена этого удовольствия. – Рай, по-моему, грибной лес. Приходит ко мне дьявол, говорит: «Отдай жизнь и будешь вечно жить в грибном лесу!» – «Да запросто, берите! Сдачу оставьте себе».

– Замысловато. Дьявол отправляет в рай?

– Если использовать вариант легенды о Фаусте в интерпретации Гёте. У него Сатана говорит: *«Я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо»*.

– А есть другие варианты?

– Есть, менее оптимистичные. Фауст кончил жизнь в страшных мучениях из-за того, что продался дьяволу.

Кажется, мы могли говорить с Женей вечно, не расставаясь. Как в молодости, когда трудно, не хочется и обидно прощаться с любимым. Хотя уже глубокая ночь, мама не спит и будет сердиться. У нас нет мам, на часах восемь вечера и, похоже, нас посетила одна и та же мысль.

– Разве сейчас грибной сезон? – кашлянув, спросил Женя.

– Могут быть колосовики.

– Это такой сорт?

– Нет, любые грибы: белые, подосиновики, подберезовики – первые, они появляются, когда колосятся злаковые. Куда мы поедем?

– Право выбора профессионалу.

– Тогда... под Звенигород... я там давно... у нас там... Я покажу дорогу. Это по Новорижскому шоссе. До свидания!

– До завтра! – попрощался Женя, не понявший, почему я вдруг напугалась и стала заикаться.

Завтра мне понадобится все мужество. Хватит прятаться и отсиживаться!

Уже десяток раз я написала, как все изменилось. Оно действительно для меня изменилось! Отчасти я походила на человека, который много лет пребывал в летаргии, и ему в новинку окружающая действительность. Автомагистрали теперь были широкими, скоростными, как хайвэй и автобаны в зарубежном кино.

В машине играла музыка. Сначала пели три тенора: Пласидо Доминго, Хосе Каррерас и Лучано Паваротти. Потом Женя поставил запись оркестра под руководством Яни Каламата. Наши с Женей музыкальные вкусы совпадали, как и многое другое: оценки людей и событий, презрительное отношение к ток-шоу и юмористическим передачам по телевизору, дилетантское непонимание абстрактного искусства и восхищение импрессионистами. Если наша дружба продолжится, то я, возможно, полюблю устрицы, а он – собирать грибы.

Музыка делала молчание уместным. Говорить мне не хотелось. Я старалась справиться с волнением и думала, что у меня хорошо получается. Пока не поймала несколько взглядов Жени вправо и вниз, на мои колени. Оказывается, я рвала на мелкие кусочки бумажный носовой платок. Я собрала обрывки и затолкала в карман джинсов. Не заметила, как достала новую салфетку и принялась ее складывать и раскладывать. Женя не спрашивал о причинах моей нервозности. Надеюсь, он уже понял, я не люблю секретов, тайн, недоговоренности, двойных смыслов и прочего утомительного закулисья. Просто для всякой откровенности должно наступить свое время в нужном месте.

Деревня наша тоже изменилась. Старых домов в три или четыре окна по фасаду, с резными наличниками, с окошком на чердаке почти не осталось. Теперь главенствовали особняки, один помпезнее другого. Они торчали из-за внушительных заборов как бородавки, на которые вдруг пошла мода. От моды можно ждать чего угодно, даже искусственного выращивания бородавок с последующим их украшением.

Я показывала дорогу. Мы остановились около пустого участка. В окружении барских домов он смотрелся как выбитый зуб в челюсти миллионера.

– Здесь! – сказала я.

И несколько минут набиралась смелости, чтобы выйти.

На этом месте раньше была наша дача. Простой деревенский дом-пятистенник с русской печью. Папа пристроил к нему открытую веранду, на которой стоял большой стол, за ним мы обедали, играли в игры. В жару восседали в креслах, сооруженных из старых стульев, покрытых чехлами, связанными мамой из лоскутков, на которые пошла старая одежда. С наружной стороны перил были цветочные ящики, мама выращивала в них цветы, каждый год разные. Мы спрашивали друг друга: «Это случилось в год настурций или гераней?» У нас был сад, в котором главенствовала старая раскидистая яблоня, знатоки говорили, что ее давно надо спилить. Но яблоня упорно плодоносила, точно старуха, которая доказывает, что она не бесполезный член семьи. Яблоки были невкусными, только на компот годились. Даньке разрешалось забираться на яблоню, а когда ему исполнилось десять лет, дедушка построил ему домик на этом дереве. Наш участок тут же превратился в центр детских игр. Постоянно кто-то влетал на участок, мчался в сад, взлетал по лестнице в «штаб». Я запретила ночные «тревоги», когда однажды напугалась, глядя в окно. На участок приземляются мелкие святающиеся НЛО, и все куда-то ползут. Это были дети с фонариками.

Мама и папа очень любили дачу. В отличие от многих людей, для которых пенсия – роковое вычеркивание из активной жизни, для моих родителей *выход на заслуженный отдых* стал новым и радостным, приятным жизненным этапом. Они отлично выглядели – крепкие, загорелые, подтянутые и с нескончаемыми планами по благоустройству дома и участка. В голодное время начала девяностых дача обеспечивала нас продуктами. Именно тогда я сделала поразительное открытие. Сельская работа намного производительнее выходит не у потомственных крестьян, а у людей образованных. Наш сосед, доктор физических наук, вывел уникальный сорт невымерзающего винограда, с двух соток картофеля ученый собирал урожай как колхозники с половины поля. Мама обменивалась саженцами невероятной красоты кустов, вроде метельчатой гортензии, с преподавательницей консерватории. У моих родителей была интеллигентная компания таких же, как они, энтузиастов по выращиванию помидорных деревьев в теплице и кустистого двухметрового укропа на грядках.

Данька вырос на даче. Она была единственным местом, где я занималась каким-то физическим трудом. По причине криворукости и якобы неспособности отличить полезное растение от сорняков меня выгнали с грядок и определили в кухарки. Я научилась готовить в русской

печи, и мою стряпню хвалили. В современной мультиварке каши, омлеты, запеканки, тушеное мясо получается отдаленно похоже на блюдо из печи, но только отдаленно.

Когда мы ехали по деревне, я не увидела домов приятелей моих родителей. На их месте – дворцы в миниатюре. Только сейчас сообразила: земля здесь, недалеко от города, с хорошими дорогами, рядом с Москвой-рекой стоит как золотые прииски. Даньке наверняка много раз предлагали продать участок, и это решило бы проблему с деньгами на квартиру. Сын ни разу не заикался о такой возможности.

Через два или три года после гибели моих родителей, после настойчивых звонков новых соседей, эстетическое чувство которых страдало от вида кошмарного запустения, Данька выкорчевал деревья, вывез мусор, перепахал и сровнял землю. Теперь два раза в сезон нанимает рабочих, которые косят траву.

Я стояла и смотрела на место, где мы когда-то были очень счастливы. Траву еще не косили, участок представляет собой луг прямоугольной формы. Я отмечала знакомые растения. Когда-то мы с Данькой выискивали их названия в определителе. Папа знал почти все травы и цветы, но считал для нас полезным самостоятельно докапываться до истины. Я в детстве часто слышала в ответ на какой-нибудь вопрос: «Посмотри в энциклопедии, загляни в справочник, почитай в книге». И Даньке сии упражнения достались.

Белый донник, чертополох, цикорий, тысячелистник, ромашка, пижма, золотарник, мятлик... А вот гость из прошлого, единственный культурный ветеран среди диких аборигенов. Фалярис, или осока пестролистная – трава в бело-зеленую полосочку. Фалярис мама посадила вдоль дорожек, и он повел себя захватнически. Почему-то выкопанные с комом земли корни, подаренные соседям, не приживались. Фалярис хотел жить только у нас. Я его понимаю.

– Здесь была наша дача, – сказала я Жене. – Она сгорела. Мама и папа погибли. Все любят своих родителей и всем тяжело их терять. Но мои... Это была часть меня. Я состояла из сына Даньки и мамы с папой. И когда выжгло большую часть меня, я повела себя очень эгоистично. Впала в кататонический ступор, лежала, не шевелясь, на диване в позе эмбриона. Ничего не видела, не слышала – не жила, спряталась в черную коробку. Врачи хотели отвезти меня в психиатрическую лечебницу, сын не согласился. Похоронами занимался Даня и мои друзья Витя Самохин и

Лена Афанасьева. Я не была ни в крематории, ни на кладбище, меня не смогли расшевелить. Я отсутствовала, но, очнувшись, почему-то знала, что пожарные говорили, будто мама и папа погибли не от огня, они задохнулись. Как будто смерть от удушья легче сожжения. Знала, что хоронили их в закрытых гробах, и они были как головешки. Пожар начал, а печь крематория превратила их в пепел. Это было их завещание – крематорий. Наверное, не хотели, чтобы я тратила силы на уход за могилками. Их урны стоят в одной ячейке колумбария. Кладбищенские люди было подумали, что Данька экономит. А он не хотел, чтобы бабушка с дедушкой разлучались даже после смерти, даже их прах. Меня вылечил сын. Сидел рядом и говорил, день за днем. Постепенно я начала его слышать. Данька говорил, что все проблемы: ссоры, разводы, потеря работы, имущества, конфликты с начальством – ерунда, можно пережить и решить. Существует только один безвыходный тупик – смерть. Но бабушка обязательно бы сказала даже в этой ситуации, что *у нас все будет хорошо*. И она, и дедушка не хотели бы, чтобы я превращалась в зомби. *У нас все будет хорошо, мама!* Он приносил еду и специально чавкал у меня перед носом, чтобы я соблазнилась запахами пищи. Насильно вливал в меня воду. Рассказывал о своих институтских делах, о приятелях, даже о девушках размышлял вслух, чего раньше не случалось. Он меня провоцировал, успокаивал, плакал и умолял вернуться. Это было пятнадцать лет назад. С тех пор я здесь не появлялась. Спасибо, что привезли меня сюда! Теперь я окончательно выползла из черной коробки.

– Пятнадцать лет назад вам было...

– Мне было сорок четыре года, а сыну двадцать один год. Пойдемте! В лес заглядывать не имеет смысла, грибов нет.

– Как вы это определили?

– По сельским торговкам, мы проезжали мимо. У них только огурцы и зелень. Были бы грибы, торговали бы грибами. Дальше по улице спуск к реке, к пляжу. Раньше так было. Не знаю, возможно, ново-поместные *дворяне* захватили и берег. Попробуем проехать.

Пляж сохранился, никого на нем не было, то ли потому что погода снова испортилась, то ли детское население деревни сильно уменьшилось. Женя принес из машины плед, сумку-холодильник («тут бутерброды и фрукты») и большой термос.

– Какой вы молодец! – похвалила я. – Мне в голову не пришло.

– Предусмотрителен как все старики. Хотите кофе?

– Нет, спасибо! Может, потом, позже.

– Когда захотите.

Я лежала на спине и смотрела в небо. Оно представляло собой магистраль-полусферу, по которой будто на шабаш, с большой скоростью мчались облака. Женя прилег на бок на другом конце пледа. Смотрел на меня, вопросов не задавал. Но и невысказанные они были понятны.

– Небо, – заговорила я. – Реальные люди смотрят на него гораздо реже, чем книжные герои. Но мысли одни и те же. Оно огромное, вечное, равнодушное, все происходящее под ним не ново, все повторяется: благородство праведников и суета негодяев, любовь и ненависть, верность и предательство, правда и ложь. Я не хочу больше тебе врать. В этом месте, под этим небом. Меня зовут Александра, Саша Калинкина, в следующем году мне исполнится шестьдесят лет. Мы с тобой учились в одном классе. Ты сидел в третьем ряду у окна, я во втором ряду, через две парты дальше. Твоим соседом был Коля Булавин, моей соседкой – Лена Афанасьева. Это я написала тебе признание в любви. Когда ты выбрал в авторы Иру Комарову, когда ходил с ней, провожал домой, я чуть не рехнулась, заболела. И, кстати, до сих пор не простила. Ты нанес жестокий удар по моему авторскому честолюбию и девичьей гордости. Мы с тобой встретились под дождем не случайно. Я несколько дней тебя караулила, хотя падать в грязь не планировала – честно! Только хотела, чтобы ты понял, что в роли Татьяны Лариной была совсем другая девочка. Моя страсть к тебе, не пугайся, не тлела все эти годы, я не думала, что мы с тобой... подружимся.

– Но...

– Не перебивай, пожалуйста! Просто слушай. Как аудиокнигу фантастического содержания. *Штирлиц не раз был на грани провала*. Твою фамилию я не подсмотрела у тебя дома. Я ее прекрасно знала, как и отчество. Помню, как ты дрался с мальчишками, вздумавшими тебя дразнить Уее и Уёё. Что ты поступил в Бауманку, было известно всем одноклассникам. Да, у меня подобных промашек случалось по дюжине на день! Ты закрывал на них глаза, потому что... Я не знаю почему. Мои лавры суперэрудированной девушки не заслужены. Они принадлежат пенсионерке, которая много лет пишет статьи в корпоративные журналы различных ведомств. За это время и заяц обучился бы разным наукам. Ты не хочешь меня о чем-нибудь спросить? Из прошлого? Проверить?

– Не хочу.

Женя лег на спину, а я села, скрестив ноги по-турецки. Принялась вспоминать школьные проделки, учителей, наш выпускной, Сокольники, какими они были во времена нашей юности. Я говорила долго, выдохлась. Он молчал. Закрыв глаза.

– Ты спишь? – спросила я.
– Нет.
– Лучше бы ты испугался, таращился на меня, вызывал скорую неотложную психологическую помощь.
– Я испугался.
– Заметно. Давай попьем кофе?
– Попейте, – не пошевелился.
Он по-прежнему обращался ко мне на «вы», хотя я тыкала.
– Угости меня, пожалуйста! Я, конечно, болтлива, но все-таки не лектор, и длинные монологи – это пересохшее горло.
Он встал, налил в телескопически раздвигающийся стаканчик кофе, протянул мне и снова лег.
– А бутерброды?
– В сумке.
– С чем бутерброды?
– С рыбой, с колбасой, с сыром. Угощайтесь.
– Послушай, я большой специалист по впадению в ступор. Профессионал, можно сказать. Если ты сейчас же не поднимешься, не примешься за еду, я вылью на тебя горячий кофе, а потом покачу в воду охлаждаться.

Женя выдержал паузу, а потом сказал:

– Исккупаться – это мысль.

Он поднялся и пошел к реке. Разделся на берегу (фигура у него вполне даже... отличная фигура) и вошел в воду. У меня не имелось купальника, да и погода для купания была неподходящей. Вода наверняка холоднющая. Для меня та вода комфортная, температура которой приближена к температуре тела.

Я наблюдала, как Женя плавает, ныряет, за его энергичными гребками, и приказала себе не вспоминать, как мы здесь плескались с Данькой, пускали кораблики. Сын отлично плавал разными стилями, пытался обучать меня, ничего не получалось, я *тонула* на мелководье, он меня *спасал*, я вопила, что мой стиль навечно собачий. С дедушкой Данька ходил на рыбалку... Не вспоминать!

Женя плавал долго, мне показалось, едва ли не час. Вверх по реке, вниз по реке и обратно, от одного берега к другому и снова туда-сюда. Москва-река тут неширокая, метров пятьдесят-шестьдесят. Женя себя выматывал. Не самый плохой способ борьбы со стрессом.

Я как-то писала статью про гормоны стресса. Когда природа нас

задумывала, мы ходили нагими и нам важно было убежать от хищника, спастись. Для этой цели в кровь резко выбрасываются те самые гормоны, подстегивающие, утраивающие силы. Если физическая активность отсутствует, они нанесут вред. По реакции на стресс люди делятся на два типа. Одни бьются в истериках, вопят, бегают, рвут на себе волосы. *Шеф, все пропало, все пропало! Гипс снимают, клиент уезжает!* Через два дня эти люди приходят в себя и нормально продолжают жить. Второй тип спокойно, лицом к лицу встречает трудности, не проявляет излишних эмоций, успокаивает остальных, он разумен, адекватен и мужественен. А через несколько дней или недель у него случается микроинсульт, или седеют волосы, или сбоят гормональная система, никто не поймет почему.

В научную теорию я внесу свою копеечку. Если человек из-за стресса (продолжающегося) на длительное время впадает в оцепенение – не двигается, не говорит, не реагирует на внешние раздражители, то его эндокринная система ломается основательно, просто летит к черту. В сорок четыре года я уже не была худой стройняшкой. В меру упитанной, округлых форм женщиной. Когда встала с дивана, заставила себя жить, начала толстеть, набирать вес, пухнуть как сдобное тесто, в которое переложили дрожжей. Пусть звучит нелогично, отдает невежеством, фатализмом, но свой гормональный сбой я считала малой платой за смерть родителей, в которой была виновата. Я чувствовала бы себя виновной, погибни они в любых обстоятельствах. В тех конкретных – за то, что не настояла на смене старой электрической проводки в доме. Папа давно говорил, что ее следует менять, а я пропускала мимо ушей.

Итак, с научной точки зрения, Женя все делал правильно. Только долго. Я меняла позы, встала, походила, снова уселась на плед. Он все плавал. На пять стрессов вперед наплавал.

Женя вышел из воды, Попрыгал, наклонив голову к плечу, на одной ноге, потом на другой, вытряхивая воду из ушей, взял одежду и в плавках (*или это такие трусы шортиками?*) пошел к машине. То ли у него там было полотенце, то ли запасное белье, то ли вообще снял мокрые трусы и надел джинсы на голое тело. К месту стоянки он вернулся одетым, с причесанными мокрыми волосами.

- Что ж вы не едите? – спросил.
- Тебя жду. Обращайся ко мне, пожалуйста, на «ты»!
- С чем бутерброд?
- С сыром.
- Прошу! – Он протянул мне бутерброд и салфетку. Налил себе кофе,

взял бутерброд с красной рыбой.

– Что-то мне подсказывает, – усмехнулась я, – что эта трапеза может стать нашей последней совместной. А я еще не рассказала самого интригующего.

– Еще одна реинкарнация?

– Обыкновенная правда про то, какая я на самом деле. Очень толстая. Похожа на гигантскую грушу. У меня морбидное, то есть патологическое ожирение. Наверное, куча болезней, от диабета второго типа, атеросклероза и до всякого там варикоза. Я не хожу в поликлинику, не вызываю врачей на дом, игнорирую свои вероятные диагнозы, они обижаются, затаились и меня не беспокоят. Потому что я очень мало двигаюсь, крайне редко выхожу из дома. В булочную, в аптеку. Все покупаю по Интернету.

– Бутерброд с колбасой? – предложил Женя.

– Посыпь его цикуттой!

– Кончилась, – ответил он спокойно, словно речь шла про соль или молотый перец.

– Скажи, неужели ты меня... Ладно, девочку Сашу Калинкину не помнишь?

– Помню, симпатичная.

– И все? – спросила я разочарованно.

– Круглая отличница. Умная, начитанная. Она была окружена аурой... терпеть не могу этого слова... невидимым облаком, эфиром... В общем, чем-то окружена, через что надо было иметь смелость и наглость пробиться.

– Ты всегда был интеллигентной размазней! – в сердцах фыркнула я. – И таким же остался!

– Кто бы спорил.

– Не хотела тебя обидеть.

– И не получилось. Есть ли какое-то разумное объяснение странной метаморфозе, превратившей пожилую женщину в девушку?

Он избегал обращаться ко мне и на «вы», и на «ты».

– Разумного нет. Я не заказывала по Интернету средство Макрополуса или живую воду. Был, правда, Старичок-Боровичок.

– Кто?

– Это не живой человек, а персонаж сказки.

Я рассказала про свой в детстве любимый фильм «Морозко», как Старичок-Боровичок мне снился, как просила его в сложные моменты помочь мне.

– В четвертом классе я долго болела, запустила математику. Помнишь,

на экзамене меня учительница посадила рядом с тобой, и я передрала у тебя решение задач?

– Не помню.

– Может, ты не помнишь и как выносил меня со сцены на концерте дружбы народов в честь юбилея Октябрьской революции?

– Это помню. Саша Калинин так вцепилась в меня, что поцарапала шею.

– Серьезно? А мне казалось, что я красиво и безвольно возлегаю на твоих мужественных руках. Женя, все, поведенное мной, напоминает бред, фантастику, не лезет ни в какие ворота, даже в щелочку здравого смысла. Но с человеком иногда происходит нечто помимо его воли. Как с Олей Семиной.

– Баба́.

Оля Семина к седьмому классу приобрела полную биологическую зрелость. Рядом с ней мы выглядели мелкой шклявой пацанвой. Учитель физкультуры, глядя, как Оля безуспешно пытается перепрыгнуть через коня, обронил: «Баба́. Замуж можно выдавать». Прозвище к бедной девочке приклеилось намертво.

– Дети бывают очень жестоки, – сказала я. – Мой сын с приятелями надувал через соломинку лягушек.

– Расскажите о своем сыне, – попросил Женя.

Как любой мамочке, мне только дай повод поговорить о чадушке, не остановить.

В кратком изложении мой монолог был следующего содержания.

В детстве и отрочестве я воспитывала Даньку крайне неправильно. Например, никакого спорта, кроме бассейна – чтобы не утонул на даче, в Москве-реке. Проявляла твердость только в изучении английского языка и с большим, плохо замаскированным, интересом относилась к его проделкам. Антипедагогично разрешала прогуливать школу и читать по ночам, портить кухонную утварь на опыты по химии и превращать коридор в квартире в автомобильную трассу, разметка на которой была нанесена белой масляной краской. Удивительно, что из Даньки вырос порядочный и относительно дисциплинированный, ответственный человек. Он долго не женился. Почему-то не полысел, хотя я проедала ему плешь упорно и настойчиво. Зато теперь у меня есть внучка Катя, а жена Даньки Маша прекрасна во всех отношениях. Главное, обладает чувством юмора. Машина мама Любовь Владимировна, моя сватья, полная мне противоположность, то есть она образец преданного служения, а я только трескаю булки, разглагольствую и боюсь высунуть нос за дверь квартиры. У нас полное

взаимопонимание, я ценю ее жертвенность, она мне, как инвалиду, прощает неучастие в семейных делах.

Данька айтишник, программист. Несколько месяцев назад стал осваивать машинное обучение, то есть искусственный интеллект, обучение компьютеров всяким премудростям. Данька хочет заработать денег на квартиру, участвует в международных конкурсах. Это все делается по Интернету, никуда не нужно ехать, подавать документы, получать гранты. В первом же конкурсе Данька получил второе место и пять тысяч долларов. Его программа считала морских львов. Они возлежат на Алеутских островах, на сотни километров безлюдная территория, океан. Львы стали вымирать, а потом вроде бы восстанавливать популяцию. Чтобы это выяснить, ученые считали особи на снимках, которые делают беспилотники. Нудная и кропотливая работа, ведь надо отличать самцов от самок, а детенышей от камней. Теперь считает компьютерная программа. Сейчас Данька участвует еще в нескольких конкурсах. За машинным обучением – будущее. Данька рассказывал про ребят, которые сделали программу, различающую лица. Камеры везде натканы, но посадить армию народа, в режиме онлайн отсчитывающего изображения, нереально. Кроме того, люди меняются, отращивают бороды, носят головные уборы, очки. На этапе тестирования программы удалось задержать десять преступников, давно находящихся в розыске. Даня вряд ли решит свою финансовую проблему, накопит денег на квартиру их с Машей мечты в ужасном и прекрасном Доме в Сокольниках, но победа в конкурсах – это рейтинг, могут пригласить в компанию с большими возможностями. А с квартирой я им помогу.

Я рассказала, как вытрясла деньги из Вити Самохина. Торопилась, действовала без подготовки, потому что на следующий день могла проснуться снова толстой, *невыходной* – по аналогии с *невыездной*.

– Минуточку! – перебил Женя. – Я правильно понял, что Самохин заграбастал ваши деньги, их удалось вытянуть из него экстравагантным способом? А потом вы надели джинсовые трусы и помогли ему вернуть жену?

– Правильно. Я молодая девушка с психологией и опытом пожилой женщины. Влияние формы на содержание общеизвестно. Молодое тело жаждет приключений. Этюд с Гольдманами – моя первая авантюра, представление в ресторане – вторая. Наше *повторное знакомство* не в счет, ладно? Витька хороший, я же говорила. Этаким царедворец, то есть сплетник, интриган. Скупердяй, лгун, манипулятор...

– Но хороший человек?

– Точно!
– Вы очень добры.
– Да ни капельки! Нечего мне всякое приписывать! А то скажут *вы такая добрая и щедрая!* И приходится соответствовать, последнюю рубашку с себя снимать.

– Лучше, если скажут *злая и жадная?*
– Тогда есть шанс поразить, произвести благоприятное впечатление.
– У Дани, вашего сына, вероятно, имеется отец?
– Физик средней руки. Я его очень любила, по-настоящему. Он нас бросил, когда Даньке было четыре годика. Обрюхатил, как выразилась Лена Афанасьева, дочь замминистра мелиорации, переехал в высотку на площади Восстания. Я была только трамплином. Сергей ни разу не пришел к сыну, не позвонил, не прислал подарка на день рождения. Да это и к лучшему. Когда отрезают, больно, когда заживет, понимаешь, как хорошо, что отрезали. Мы с Сергеем встретились. Я была в своем нынешнем омоложенном состоянии. Сидела в кафе, ела пирожные, он подсел за мой столик, стал передо мной хвост распускать, павлин щипаный. Я ему нахамила. Отомстила мелко, подло и жестоко. Сожалею об этом.

Понятно, что Женю интересовала моя дальнейшая женская судьба, и лучше сразу внести ясность. Я ведь говорила, что по лености души не жалую недомолвки, секреты и тайны.

Следующую фразу я проговорила быстро в одно предложение:

– После развода у меня было два любовных романа, одна половая дружба, скоро дождь пойдет, не исключено, что я сейчас девственница, не идти же к врачу спрашивать.

Женя крикнул, моргнул, словно еще раз мысленно повторил мою тираду, и спросил:

– Дождь пойдет, потому что у вас ноют старческие суставы?
– Нет, оглянись, наползает черная туча. Надо собираться.

Когда мы проезжали по деревенской улице, Женя притормозил около нашего участка, посмотрел на меня, я кивнула, он остановил машину, я вышла.

Сбросив груз вранья, поняв, что меня больше не пугают призраки прошлого, я чувствовала облегчение, свободу. Но мне было страшно. Возможно, из-за сменившейся погоды. Небо сплошь затянуло тучами разных оттенков серого цвета. Изменилось освещение – с приглушенно-яркого от солнца за облаками до темного, пасмурного, как в преддверии пещеры. Поднявшийся ветер колыхал траву, в ее плавных наклонах было

что-то тревожное, наводящее на мысль о безмолвном пророчестве немого жестикулирующего пророка. Глупый иррациональный женский страх: сейчас-то все прекрасно, значит, потом будет ужасно.

Чехов писал про погоду на Сахалине, что там она безотрадная, со свинцовыми облаками, тянется изо дня в день и располагает к угнетающим мыслям и унылому пьянству. Московское лето 2017 года стало копией сахалинского.

Женя подошел ко мне сзади и обнял, скрестив руки на моем животе под грудью. Я с благодарностью прислонилась к нему – как к последней защите. Пусть мне некуда отступать, зато я приму удары судьбы под защитой дорогого человека. И это лето самое прекрасное в моей жизни!

Женя не торопился обсуждать со мной *вновь открывшиеся обстоятельства*. Все-таки каждый, самый милый и спокойный мужчина не лишен качеств изверга. По дороге в Москву мы опять наслаждались музыкой.

Прослушали партию Бориса Годунова в последовательном исполнении выдающихся басов: Шаляпина, Батурина, Ведерникова и Абдразакова. Потом пришла очередь бельканто. Беверли Силс, Монсеррат Кабалье, Мария Калас, Галина Вишневская, Анна Нетребко по очереди пели одну из самых трудных в репертуаре сопрано арий из оперы Беллини «Норма». Мне никогда не приходило в голову сделать такие подборки. С первого прослушивания я не могу уловить всех нюансов в исполнениях, мне нужно повторно, несколько раз их прокручивать. Мысль записать череду исполнителей одной и той же партии могла прийти в голову только завязтому меломану. Чего еще я не знаю про Женю?

– Мы с тобой поговорим? – спросила я его.

– Конечно.

– Сейчас мешает сложная дорожная обстановка? Дождь, мокрый асфальт?

– Вроде того. Поставить что-нибудь легкое: инструментальную музыку или русские романсы?

– Что угодно, кроме похоронного марша. Пусть будут романсы, только не цыганские.

Вот я всегда так: на все легко соглашаюсь, а потом оказывается, что выйдет по-моему.

По Новорижскому шоссе мы пересекли МКАД, въехали на проспект Жукова, потом на Звенигородское шоссе, на улицу Красная Пресня. Топографически путь мне был известен, зрительно – совершенно нов. Только когда повернули на Садовое кольцо, а с него на Краснопрудную, пошли знакомые места – тут я ездила на общественном транспорте и на такси, глазела в окна. До моего дома оставалось совсем чуть-чуть. Разговор переносится на завтра или вовсе на неопределенное будущее?

Женя припарковал машину на стоянке у длинного дома на Русаковской улице. Этот дом мне всегда напоминал небоскреб, который устал и лег на бок отдохнуть. Прямо перед нами были супермаркет астрономических цен, большой магазин электроники, кафе, отделения банков и еще торговые точки по мелочи. За спиной – перекресток с Маленковской улицей, по ней до моего дома метров пятьсот.

Женя выключил музыку, но говорить не торопился. Его манера держать паузы подчас вызывает у меня желание дикой выходки. Ущипнуть его, например.

– Проще было бы сразу к выводам, – сказал Женя, – но правильнее будет рассказать о себе...

– «Я сам собой ну просто жутко недоволен. / Живу сумбурно, трачу жизнь на ерунду. / Я мягкотел, слабохарактерен, безволен...»

– Что? – удивился Женя.

– Строки из песни Тимура Шаова. Не обращай внимания! Извини, что перебила, продолжай, пожалуйста!

– А как там дальше?

– «Я раздражителен, забывчив и небрежен. / Лабильна психика. Сомнительна мораль. / В быту капризен и физически изнежен, / Аж прямо в зеркале себя бывает жаль».

– Ого! Вы так меня воспринимаете?

– Нет, конечно! Эти стихи – самоирония, художественный прием. Шаов – талантливый пересмешник, сей дар очень редок. Я, вероятно, неудачно хотела тебя поддержать. Потому что ты не похож на самодовольного человека, обожающего рассказывать о себе, кокетливо признаваться в недостатках и намекать на многочисленные достоинства. Я так нервничаю, что не могу держать рот на замке.

– Тогда буду краток. Надо признать, что я всегда был трусоват. И даже не в том смысле, что боялся кому-то доставить боль, а чтобы мне ее не доставили. Пусть не боль, а некое эмоциональное неудобство. Есть люди, которые умеют любую дверь открывать ногой Я не из их числа. Вдруг за этой дверью мне скажут, что я осел, прохвост, дурак и ничтожество, *пошел*

вон! Ну скажут! Пожми плечами, отряхнись и ломись в следующую дверь. Не могу. С другой стороны, в качестве оправдания, я уж не совсем кисель и размазня. Однажды врезал по морде начальнику. За дело, конечно, Мне грозил офицерский суд, разжалование, увольнение. Обошлось.

– Невольник чести.

– То есть?

– Лермонтов назвал Пушкина «невольник чести». Невольник, как раб, заключенный. Это оксюморон своего рода. У чести не может быть невольников, а только рыцари. Опять тебя перебила. Не умею держать рот на замке.

– Вы меня вроде как успокоили и похвалили? – улыбнулся Женя. – Спасибо! Моя жизнь – это череда компромиссов, хотя я не могу перечислить: тут струсил, там сплеховал, тогда-то отсиделся в кустах, а тогда-то сподличал. Ничего конкретного, только ощущение. Как запах дохлятины без трупа мертвой кошки. Не подумайте, что рефлексия – моя постоянная спутница, самокопание – любимое развлечение. Ничего подобного! Я твердокож как бегемот и эмоционально ленив, как старый гамадрил. Не утомил вас повестью о себе любимом?

– Напротив, увлек.

– Задаваться вопросом, как сложилась бы моя жизнь и жизнь девочки Саши Калинкиной, сообрази я, что именно она написала письмо, не хочу. То, что история не имеет сослагательного наклонения, трюизм.

– «История» – существительное. Наклонения имеют только глаголы.

– Тем более. Предаваться скорби о несостоявшемся прошлом я не хочу, не желаю и не буду. Лишь замечу, что Саша Калинкина, решившись на столь отчаянный, смелый, удивительный поступок, могла бы помочь бедному закомплексованному мальчику Жене Уколову. Подойти, сказать два слова. Еще одно письмо написать, черт подери!

– Это ТЫ был закомплексованный? – возмутилась я. – Самый красивый в классе! Самый умный! Самый... Да ты смотрел поверх голов!

– Я и говорю: в душе очень стеснительный, робкий до хамства. И уже если говорить совсем откровенно и отчасти грубо, памятуя, что Саша *меня не простит*, то наш *ответ Чемберлену* будет зеркальным: я ей тоже никогда не прощу, что она оказалась рохлей, что еехватило всего лишь на один шаг, а потом она поджала хвост, струсила, молчала в тряпочку и плакала в подушку! А я как придурок таскался за Ирой Комаровой!

– Ты и есть придурок! Я чуть не умерла от горя! Я болела, меня родители к врачу повели. Он сказал: «Надо больше отдыхать». Я всю жизнь пыталась от тебя отдохнуть! Но ты хуже проказы, холеры и марсианского

гриппа.

– Это что такое? – удивился Женя.

– Не знаю! Но если он есть, то вызывается не таким злостным вирусом, как ты!

– Будем считать, что с прошлым мы разобрались? Так называемая Саша Калинкина, вы меня слышите?

– Без *так называемая!*

– Хорошо, – согласился Женя. – Саша Калинкина, вы согласны, что прошлые недоразумения устранены?

– И на «ты», а не на «вы»! – капризно потребовала я.

Далее, что уже стало нашей привычкой, мы обменялись цитатами:

– *Вы даете нереальные планы! Это... как его? Волюнтаризм,* – сказал Женя.

– *В моем доме не выразаться!* Если разобрались с прошлым, то теперь про настоящее или будущее? – с плохо скрываемой надеждой спросила я.

– Возможно, – охладил Женя мой пыл. – Предыдущие главы, посвященные самокритике, были озвучены с одной целью. Послать любую критику, анализ, самокопание к... к...

– Я поняла.

– Мне плевать, пардон, безразлично, сколько вам лет, существует ли колдовство, волшебство, ведовство и прочее ...ство, Старичок-Боровичок, Баба-Яга или Микки-Маус. Я вижу красивую девушку, она мне чертовски нравится, я потерял голову и находить ее не желаю, пусть катится хоть в тартарары!

– Я правда тебе нравлюсь?

– Ну-у-у...

– Ага, все-таки не очень!

– Я бы предпочел, чтобы вы были постарше и... и потолще, – Женя нарисовал в воздухе снежную бабу.

Он шутил, но я видела, что волнуется, что ему непривычны подобные разговоры, он от них давно отвык или их вовсе не было в его жизни.

– И что дальше? – тихо спросила я.

Сердце колотилось... чего-то там про пойманную птицу, все цитаты вылетели из головы. Вдруг от большого счастья у меня случится инфаркт? Как нельзя вовремя!

– У нас два варианта, – ответил на мой вопрос Женя. – Немедленно начать целоваться или пойти пообедать.

– Я знаю, что ты предпочтешь обед. Но сначала надо побегать или

попрыгать.

– Что сделать? – Он приблизил ко мне лицо, точно прислушиваясь. Или желая поцеловать.

– Хитрый, сам наплавался от стрессов, а я погибай?

Я вышла из машины и стала прыгать на месте. Женя вышел следом и наблюдал за мной с недоуменным интересом, потом он расхохотался.

До колик, пополам согнулся:

– Неподражаема! Это ведь надо! Вообразить! Ей в любви объясняются, а она *мне попрыгать надо...*

– Говорить... о человеке, – на каждые два прыжка я выстреливала по слову, – в третьем... лице... не... культурно...

Рядом припарковалась еще одна машина, из нее вышел водитель и обратился к Жене, кивнув на меня:

– Чего это она?

– Камни из почек выбивает, – вытер слезы Женя.

– А ты ржешь?

– Так веселое дело. Иди, куда шел, приятель!

– Не, честно, помогает? – настырничал *приятель*. – У меня у брата камни в почках.

– Шесть раз в день, – сказал Женя, – натоцак и после каждого приема пищи. До свидания!

– Не слушайте его! – Я закончила упражнения, восстанавливала дыхание. – Ни в коем случае нельзя прыгать...

– Только под наблюдением врача, – Женя обнял меня за плечи и повел к входу в ресторан. – Я похож на врача? – спросил он меня на ушко.

– Да, на смехотерапевта.

Суп на кокосовом молоке, азиатский рис с морепродуктами и пирожное были одинакового никакого вкуса. Не по вине повара, а потому что у меня от волнения заклинило все вкусовые рецепторы. Женя тоже ел без аппетита. По той же причине или ему не доставало водки с хорошей закуской.

Мое волнение было, конечно, связано с Жениным объяснением, с обрушившимся на меня счастьем, которое еще нужно было переварить, привыкнуть к нему. Однако это счастье не затмевало, не ретушировало один момент в его исповеди, ставший для меня откровением и вынуждавший меня, помимо воли, вернуться к нему. Женя понимал себя совершенно неправильно!

– Знаешь, чего у тебя с избытком, – спросила я, – а у меня в

недостатке?

– Если вы попросите поделиться волосатостью тела, то я не соглашусь.

– Нужна мне твоя растительность! Я имела в виду черты характера, склад психики.

– Слушаю вас, доктор Фрейд.

– Мне недостает твоего смиренномудрия. Однажды Любовь Владимировна сказала, что песня из фильма «Ирония судьбы...» ей очень нравится. Слова Цветаевой. «Под лаской плюшевого пледа / Вчерашний вызываю сон. / Что это было? – Чья победа? / Кто побежден?.. / В том поединке своеволий / Кто, в чьей руке был только мяч? / Чьё сердце – Ваше ли, мое ли / Летело вскачь?» Хороша песня, гениальные стихи. А я возьми да и скажи сватье, что эти стихи Цветаева написала во время отношений с Софьей Парнок. Любви Владимировне стало нехорошо: «женщина с женщиной?» Я заморосила про цветаевский цикл «Подруга». Словно чтобы окончательно добить свою бедную сватью, процитировала другие строки, опять-таки про Софью Парнок: «И лоб ваш властолюбивый, / Под тяжестью рыжей каски, / Не женщина и не мальчик, / Но что-то сильнее меня!» Ты, Женя, никогда бы так не сделал. Зачем шокировать человека? Расстраивать, развенчивать кумира? Хорошая поэзия – это хорошая поэзия, будь она хоть объяснение в любви к дереву.

– Действительно, – кивнул Женя, – может, и не стоило блистать знаниями такого рода.

– Вот! Твое смиренномудрие в полном цвете. Хотя, признаться, в глубине души я надеялась, что, как галантный кавалер, ты станешь убеждать меня в обратном.

– Кавалер-то я с истекающим сроком годности.

– Не напрашивайся на комплименты, старый хитрец! Ты женат. Ты любишь жену? Она... хорошая?

Я хотела развенчать его ошибочную самооценку, но говорила о себе любимой. И на самом-то деле, как произвольно стало ясно, желала прояснить его семейную ситуацию.

Женя не ответил быстро, подозвал официанта и попросил счет. Ох уж эти его паузы! Точно дождется щипков!

Женя посмотрел мне прямо в глаза:

– Она нормальная.

Он говорил без нажима, твердости, даже без той интонации, которая подразумевает точку. *Я сказал и точка, дальше никаких расспросов!* И в то же время было совершенно ясно, что продолжение этой темы стало бы неуместным и отчасти пошлым. Он не опустится до лживых уверений

завязтого ловеласа *мы с ней давно разные люди, мы не живем вместе, не спим, мы собираемся разводиться.* За это ему большое спасибо! Но мое женское любопытство не было удовлетворено.

– Ты изменял жене?

– Много будешь знать, снова состаришься. Поедем ко мне?

Наконец-то на «ты»!

Я помотала головой, постаралась извиниться глазами. Я не хотела, чтобы *это* произошло у него дома. Мне не понравилось, как пахнет в его квартире: холодом, одиночеством, живой-умершей женщиной, старыми радостями и обидами, для меня чужими.

– Есть другое предложение, подкупающее своей оригинальностью, – сказала я. – Я приглашаю тебя завтра к себе на романтический ужин. Ой, до завтрашнего ужина сто лет! Романтический завтрак из другой оперы. Пусть будет романтический обед?

Почему мы прямо из кафе не отправились ко мне? Ответ прост. У меня в квартире, как водится, был чистый (в смысле без грязи) беспорядок. В комнате по всем плоскостям валялась одежда и белье. Я не виновата, что синоптики путались с прогнозом и мне пришлось несколько раз переодеваться. Во второй комнате были свалены пестрые коробки с игрушками для внучки, которые я покупала регулярно и маниакально. На кухне в мойке сиротела посуда после завтрака и вчерашнего ужина. Вчера я забыла, а сегодня опаздывала. В ванной Женя лицезрел бы мое нижнее белье в немалом количестве, выстиранное накануне по причине отсутствия свежего. За несколько минут, проносясь по квартире, я бы не смогла навести порядок. А к завтрашнему обеду мои апартаменты будут сверкать, я продумаю меню, куплю свечи, продукты и наконец-то заменю коврик на сиденье рабочего кресла, который я протерла, сами знаете чем, до дыр, предварительно измочалив первозданную псевдокожаную обивку.

Мои слова: «Не лишай меня удовольствия подготовительной работы» – были почти искренними, а Женино вынужденное согласие напоминало кислое разочарование.

По законам жанра в финале комедии или водевиля происходит развязка, прозрение положительных героев и посрамление отрицательных, торжествует справедливость, все счастливы. Я имею в виду чистый жанр, а

не гениальные от него отступления, как в «Ревизоре» Гоголя или в «Горе от ума» Грибоедова. На сцене, как правило, толкаются основные действующие лица, а второстепенные маются за кулисами.

Последние годы мою жизнь трудно назвать веселой, хотя, с другой стороны, последние недели она отчаянно смахивает на фарс.

Данька и Маша вернулись из отпуска десять дней назад. Я с ними изредка разговаривала по телефону *из Благовещенска*, плела про красоты Дальнего Востока, сочиняла бюллетени здоровья вымышленной двоюродной сестры, уверяла, что со мной все в порядке. «Вы были правы, давно следовало вырваться на волю из квартиры-тюрьмы». У Даньки наступила горячая пора на работе и сверхгорячая с его программистскими конкурсами. У Маши в банке тоже гремели грозы. Их то ли закрывали, то ли сокращали, их владелец то ли сбежал, то ли попал в больницу, то ли с честным инфарктом, то ли с притворным. Любовь Владимировна с нашей внучкой отдыхала на даче у знакомых. Маша утопила свой телефон в Черном море и мамину странную эсэмэску не получила, купила новый телефон, по каким-то причинам не вернула старый номер. И так (не *итак*, а *раздельно и так*) для меня все складывалось очень удачно. Гуляй, устраивай личную жизнь, продолжай лукавить в мирных целях.

Но сколько веревочке ни виться, а конец будет.

Эта поговорка, кстати, имеет очень много синонимов, что говорит о русском характере как о типе, склонном к пессимистическому оптимизму. Сколько вор ни ворует, а тюрьмы не минует. Сколько ни куковать, а к зиме отлетать. Сколько ни ненастится, все равно прояснится. Сколько ни служи, отставка будет. Сколько цвету ни цвести, а быть опавшим. Это только примеры с наречием «сколько».

Чтобы выстроить цепь событий, предшествовавших моей встрече с детьми, не требуются дедуктивные способности Шерлока Холмса или Эркюля Пуаро. Марина рассказала дочери Оле, что в моей квартире поселилась сомнительная девушка, а меня самой, возможно, и на свете нет. Оля печалилась-печалилась, крепилась-крепилась, поборола-таки стеснительность и позвонила Маше. Маша донесла Даньке, и завертелось.

Утром мне позвонила Лена Афанасьева.

– Привет, ты где?

– Привет! На Луне. Где я могу быть? Дома.

– Я с Данькой разговаривала. Он говорит, что ты умотала на конец географии. Бред какой-то! Мы ведь с тобой недавно виделись.

Лена, очевидно, пережарилась под солнцем Турции и перепутала, она

ко мне приезжала больше месяца назад.

Понятное дело, я не стала поправлять подругу. Мы с ней дружески посплетничали, я рассказала, что Самохины воссоединились, не уточняя подробностей, Лена сказала, что купила мне гигантские штаны-алибабы из веселенького ситчика, «Увидишь – обхохочешься, но тебе подойдут». Кто из нас обхохочется, еще вопрос. Мне было недосуг болтать, еще многое не сделано, и я быстро попрощалась. И не насторожилась! Я хлопотала, предвкушала, парила, порхала, звонила в службу доставки деликатесов и собиралась в магазины, хотела приготовить свое фирменное блюдо в мультиварке – говядину с овощами, изюмом и черносливом.

У Даньки был ключ – магнитная таблетка – от подъезда. Такие таблетки имели Маша, Любовь Владимировна, Марина, Лена Афанасьева и даже Вася, чик-чирикнутый компьютерщик. Я считаю вульгарным барством держать близких мне людей на улице, точно скорбных просителей. По моим представлениям, стоять у входной двери в квартиру и ждать, когда ответят на звонок, – нормально, а торчать у бункерной двери подъезда унизительно и несправедливо. В сумочке у меня была запасная таблетка-ключ. На всякий случай. Вдруг я потеряю связку ключей, и придется звонить соседям, объясняться. Нет уж! Запасную таблетку я дала Жене. Выглядело даже элегантно и интимно, точно вручила заклинание: «Сезам, откройся!»

Ключ от замка входной двери в квартиру был только у Дани с Машей. Они им и воспользовались. Я не слышала, как они вошли, у меня на полную громкость венский оркестр исполнял вальсы Штрауса, романтические, волнительные и духоподъемные. Часы показывали половину второго, Женя придет в два, вряд ли опоздает. Я уже почти закончила приготовления и нарядилась. На мне была винтажная юбка до пола, купленная в интернет-бутике, в стиле пэчворк, для Маши, у которой в начале августа день рождения. Маша перебьется, наряд мне впору. К яркой, замысловатой, состоящей из сотен хитро подобранных как бы заплаточек, наползающих друг на друга, кое-где перемежающихся кусочками кружев, годилась только очень простая блузка. Такая и была на мне – белая, батистовая с малюсенькими пуговичками на груди, очень простенького фасона и немалой цены, она напоминала отрезанную по линии талии нижнюю сорочку воспитанницы Смольнинского института.

Подпевая Штраусу, я шла из комнаты на кухню, столкнулась с детьми в коридоре, испуганно ойкнула, а потом бурно обрадовалась.

– Даня! Маша! Вы меня напугали. Дорогие мои! Как давно я вас не

видела! – Сначала я облобызала сына, потом невестку. С равным успехом могла бы обниматься со статуями. – Проходите! Надевайте свои тапочки. А где Катя? Еще не вернулась с дачи? Я жутко без нее соскучилась.

– Где моя мама? – спросил Данька.

– Ты и есть та, нарисовавшаяся племянница? – спросила Маша.

– Не будем толкаться в коридоре. Проходите же!

В комнате ребятам открылась картина, не мыслимая в моем прежнем бытии. С дивана исчез ортопедический матрас, сам диван был сложен и покрыт новым чехлом (купила утром, домой из магазинов я возвращалась как ишак, нагруженный товарами). Журнальный столик накрыт на двоих. Свечи (днем свечи нелепо, но без них какая романтика), бабушкин (моей бабушки) кузнецовский фарфор, серебряные приборы, блеск хрусталя. Чтобы добиться этого блеска, снять вековую пыль, пришлось замачивать рюмки, стаканы и фужеры в мыльной воде с нашатырем, потом драить их зубной щеткой. Патина с серебра сошла гораздо легче, поддавалась зубному порошку.

– Оля сказала, что тут бордель, – заявила Маша, ткнув пальцем на стол.

– Где моя мама? – спросил Данька.

– Что за глупости! – ответила я Маше. – Стоит перед тобой, – ответила я сыну. – Дети! Мне нужно кое-что вам рассказать. В это трудно поверить. Но триста лет назад, если бы сказали, что наследственные черты передают крохотные частицы под названием гены, тоже никто бы не поверил. Даня, я твоя помолодевшая мама. Маша, я твоя омоложенная свекровь.

– Она чокнутая! – воскликнула Маша. – На генетическом уровне.

– Пусть хоть сто раз чокнутая, на любом уровне! – отрывисто сказал Данька. – Мне плевать! Где моя мама?

– Что ты заладил! Вот она я. Хочешь, расскажу, каким ты был маленьким, как ты...

– Не хочу! – рявкнул Даня. – Где моя мама?

Я никогда не видела сына таким встревоженным, злым, прячущим испуг. Обычно он насмешлив, в меру грубоват, не проявляет бурных эмоций, держит людей, даже меня, на дистанции. Данька словоохотлив, за хлестким выражением в карман не лезет, с ним не бывало, чтобы заклинило на одном предложении, вопросе. Мне было жаль Даньку до слез.

– Котик, миленький...

Я называла его котиком, только когда болел. Когда болел, ему даже нравилось это обращение: «Я твой котик, а ты моя мама-кошка». Выздоровев, он решительно пресекал подобные нежности и всякое

сюсюканье.

– Заткнись! – велел мне Данька. – Говори, где моя мама!

– Ее никогда не было в Благовещенске, – подхватила Маша. – Она никогда не покупала билет на самолет, Вася выяснил. Никогда ни в каких социальных сетях не регистрировалась. Все звонки с ее телефона из Москвы.

В доказательство Маша достала свой телефон, набрала номер, на столе мой сотовый откликнулся маршем Моцарта.

– Не была, – кивнула я. – Придумала, сочинила, заморочила вам голову. Простите великодушно! А что мне еще оставалось? Согласна, легенда была шита белыми нитками, если бы я снова через несколько дней оказалась в своем теле, пришлось бы срочно *возвращаться с Дальнего Востока*. Я как представитель древних народов доколумбовой Америки, майя или ацтеков. Они не знали, взойдет ли завтра солнце, каждый день может стать последним. Это диктует совершенно особую психологию бытия.

– Ты, вообще, кто такая? – Маша спросила, как мне показалась, не для того, чтобы уточнить мое *доколумбово* происхождение, а чтобы подчеркнуть презрение.

Так спрашивают знакомого человека *да, кто ты такой?* Имея в виду, что он самозванец и слишком много о себе мнит.

– Инопланетянка из созвездия Альфа Центавра, – ехидно ответила я. – У меня круиз. Сначала заглянула на Пандору, проверить аватаров, потом в галактику Кин-дза-дза, там, на Плюке, по-прежнему ку-ку, чатлане угнетают пацаков. Загорала на Альдебаране и планетах Андромеды, мне нравятся названия на «А». После Земли планирую посетить созвездие Волосы Вероники. Здравствуйте, земляне! Почему вы даете такие странные названия звездам? И когда, наконец, у вас прекратится гонка вооружения?

Я несла околесицу, но важно было просто говорить и говорить. Когда мы общаемся по телефону, не видим собеседника, но через несколько минут узнаем его по голосу. Давно расставшиеся люди, встретившись, сначала поражаются тому, как постарел каждый из них, потом не замечают перемен. Каждый человек уникален по комплексу признаков: голос, манера речи, жесты, мимика – все это так же неповторимо, как отпечатки пальцев. В актерах, игравших Ленина, несмотря на превосходный грим, мы безошибочно узнавали Щукина, Смоктуновского, Ульянова или Лаврова.

Мне хотелось, чтобы Данька меня узнал *в костюме и гриме*. Но сын, вероятно, был настолько взволнован и напряжен, что у него случился когнитивный диссонанс – психический сбой из-за конфликта идей,

представлений, эмоций и реальности.

– Она точно умалишенная, – сказала Маша, – если не преступница, захватившая квартиру. Где документы на квартиру?

– Твоя практичность меня радует, – похвалила я невестку. – Документы на месте. Я не умалишенная, просто чудом помолодевшая.

– Я тебе сейчас так помолодею, – пригрозил Данька, – что остаток жизни в памперсах проведешь! Где моя мама?

– Сынок, веди себя прилично! – попросила я.

– Я тебе не сынок! Если сейчас же не скажешь, где моя мама, то я тебе...

Что он мне – не дослушали. Раздался звонок домофона.

Подозрительно глянув на меня, Маша сказала:

– Я отвечу! И не смотри *так* на моего мужа!

– Как *так*? – говорила я в спину невестке, отправившейся в прихожую. – Как хочу, так и смотрю на сына!

Я пыталась утихомирить Даню, говорила ласковые слова, в ответ он рычал на меня неинтеллигентно, если не сказать, крайне грубо.

Вернулась Маша:

– Устрицы привезли. Говорю же, тут вип-бордель устроили.

– Почему если устрицы, то сразу вип, – пожалала я плечами. И спохватилась. – Не в том смысле, что бордель. Я ждала... жду на... просто на обед одного близкого мне человека.

– Эта аферистка тут полностью освоилась, – сказала Маша мужу.

– Где моя мама?

– Давай ты для разнообразия, – предложила я сыну, – станешь задавать другие вопросы? А то ты похож на дядю Валеру.

У Машиного дяди после инсульта случился психологический эмбол – пробка. Он говорил в разных интонациях только одно слово – *Тань*. Татьяной звали его жену. Два месяца строчил как из пулемета *тань-тань-тань*. Потом отошел, но нормальная речь так и не вернулась.

– Откуда ты знаешь про моего дядю? – встрепенулась Маша.

– Я даже знаю, что на последний день рождения ты хотела подарить Даньке сноуборд, но ошибочно купила в спортивном магазине кейтборд. Вместо катания с горок, фигуры на асфальте.

– Правда? – повернулся Данька к жене.

Маша пожалала плечами.

– А ты тоже хорош, – обратилась я к сыну. – На пятилетие, на деревянную свадьбу, подарил Маше фигуру верблюда. Намек прозрачен до пошлости – я на вас горбачусь.

Недоумение, замешательство на лицах детей было хорошим знаком. Но тут позвонили в дверь. Курьер из магазина деликатесов прибыл вместе с Любовью Владимировной и Катей.

При виде внучки я пришла в бурный восторг, подхватила ее на руки:

– Внученька моя яхонтовая, бриллиантик мой ненаглядный! Любовь Владимировна, здравствуйте! Примите, пожалуйста, доставку, расплатитесь, деньги на столе в кухне. Мой драгоценный изумрудик! Кнопочка моя золотая!

Я приговаривала наши любимые словечки («Бабушка, говори какая я ювелильная»), кружила внучку. И это было прекрасно! Только ради этого стоило помолодеть, сбросить вес.

– Немедленно отдай мою дочь! – Маша тигрицей была готова броситься на меня.

– Пожалуйста! – взмолилась я. – Минуточку, три минуточки! Я так давно не видела внучку и никогда не могла вот так подбрасывать... Я только покажу ей игрушки, подарки.

Не дожидаясь ответа, помчалась в детскую, опустила внучку на пол, присела рядом, обвела рукой:

– Это все для тебя. Открывай коробки, играй. Катюля, ты веришь, что я твоя бабушка?

– Велю.

Да здравствуют дети! Пусть будут прославлены их уста, глаголющие истину!

– А чего ты такая длугая? – спрашивала Катя, схватив первую коробку с лего для девочек.

– Я была в сказке, мне там дали молодильных яблочек.

– И мне дадут? – Катя бросила лего и взялась за куклу, наряженную принцессой.

– Обязательно! Только зачем тебе молодильные яблочки? Чтобы снова в люльке оказаться? Давай мы попросим для тебя шапку-невидимку или...

– Эй! – на пороге стояла Маша. – Там к тебе клиент пришел.

– Какой клиент? О господи! – Я рванула в прихожую.

Гости съезжались на дачу...

В одной руке у Жени был небольшой изящный букет, коробка с пирожными, в другой руке – пакет, из которого торчало горлышко бутылки шампанского.

Я протиснулась к Жене через бдительных родственников, державших приступ, поцеловала в щеку:

– Здравствуй! Цветы? Как мило, спасибо! Проходи! Разуваться не

надо. – Повернулась к отряду самообороны. – Пожалуйста, зайдите все в комнату! Нечего здесь толпиться. – И снова обратилась к Жене: – Тут у нас небольшая заварушка. Маленький филиал сумасшедшего дома. Я тебя сейчас с детьми познакомлю, – говорила я и тянула его за руку.

На мое предложение присесть никто не откликнулся. Все так и торчали столбами в центре комнаты.

– Женя, это мой сын Данила, его жена Маша, Любовь Владимировна, мать Маши. А это мой старинный школьный друг Евгений Евгеньевич, мы учились в одном классе.

– Как это? – У Любви Владимировны отвисла челюсть.

– В дурдоме, наверное, – сказала Маша.

– Вы кто, собственно, такой? – спросил Даня.

– Очень вас попрошу! – строго начала я. – Вести себя культурно! Женя, они хорошие дети, воспитанные... в привычных обстоятельствах.

– Я понимаю, – спокойно ответил Женя. И обратился к Любви Владимировне: – Вы не могли бы забрать у меня?

Женя так и стоял с цветами и презентами. Он безошибочно выбрал человека, которого требовалось срочно занять делом.

– Спасибо! – поблагодарил Женя мою сватью, которая, чуть помешкав, не найдя куда пристроить полученное от гостя, отправилась на кухню. – Меня зовут Евгений Евгеньевич Уколов. Я действительно учился с Александрой Петровной Калинкиной в одном классе.

– Опять! – всплеснула я руками. – Не величай меня по имени-отчеству! Я чувствую себя как Кузьма, сын их друга Вани, – махнула я в сторону детей. – Мало того, что дали ребенку нелепое имя, так еще и, фан такой, называют Кузьма Иванович. Было смешно, когда ему было два годика, но в десять лет? Никто не поинтересовался, нравится ли это ребенку. Помните песенку из мультика про капитана Врунгеля? *Как вы яхту назовете, так она и поплывет.* Данька, ты в детстве считал, что Врунгель – от «врун», и утверждал, что капитану нельзя верить.

– Откуда ты знаешь про Ваньку и Кузьку? – спросил меня сын. – И... про Врунгеля?

– Она хорошо подготовилась, – вместо меня ответила Маша. – Аферистка со стажем! Шпионка!

– Шпионка здесь не я. – Нервно хихикнув, я извинилась перед Женей: – Прости!

– Ничего.

– Хватит! – повысил голос Даня. – Мне все это надоело! Я хочу знать, где моя мама!

– Они нервничают, – мне почему-то требовалось все время извиняться перед Женей. – Стресс, сам понимаешь. А речки нет, поплавать нельзя. В ванной не то, даже если по очереди. Может, им попрыгать?

– Послушай, ты! – Данька шагнул ко мне.

Губы у него были поджаты, кулаки стиснуты, намерения кошмарны.

Женя тоже выдвинулся вперед, закрыл меня спиной:

– Давайте будем сохранять спокойствие, Данила!

– Пошел вон!

– Даня! – заорала я. – Ты ведешь себя как последний идиот!

– Где моя мама? Спрашиваю в последний раз! – Данька тоже кричал.

– Не исключено, – примирительно ответил Женя, – и даже весьма вероятно, хотя и совершенно не вероятно, что ваша мама и есть эта девушка. Я, например, приял сей факт, не предаваясь анализу.

– Мне плевать, что вы приняли или не приняли! Шпион вы, клиент или хвост собачий! – Данька и не подумал снизить голос.

– О, ужас! – сокрушалась я из-за Жениной спины. – Такое впечатление, что тебя воспитывали не в интеллигентной семье, а в бандитском притоне!

– Мне плевать на впечатление...

– Хватит плевать! О! У меня идея!

Мне казалось, что внезапно пришедшая идея исключительно замечательная.

Я бросилась к письменному столу, выдвинула нижний ящик, стала без разбора выбрасывать на пол бумаги. И продолжала сыпать фактами, которые должны были убедить Даньку, что я его настоящая мама:

– Помнишь, у нас была в детстве считалочка из стихотворения Некрасова: «Я был престранных правил, / Поругивал балет. / Но раз бинокль подставил / Мне генерал-сосед... / «... Не всё ж читать вам Бокля! / Не стоит этот Бокль / Хорошего бинокля... / Купите-ка бинокль!..» И как-то тебя спросила, почему не поинтересуешься, кто такой Бокль, хотела рассказать, что был такой английский ученый-историк. Но ты ответил, что бокля – это хромой человек с палочкой.

Мелькнула папка-скоросшиватель с прощальными сонетами Саввы. Именно она почему-то привлекла внимание Жени. Он поднял папку, открыл, стал читать, пролистывать. На его лице, я так называемым боковым зрением отмечала, появилось выражение как у любителя рыбных деликатесов (коим Женя и был), которому подсунули несвежие дары моря.

Наконец я нашла конверт со своими фото времен молодости, протянула сыну. Я забыла про надпись на конверте. Даня ее прочел: «Вскрыть после моей смерти».

У сына задрожал подбородок. Маша забрала у него конверт и тоже прочла. У Маши вырвался горестный, испуганный, с подвываниями стон.

Даня, запинаясь, прошептал:

– Моя мама... умерла?

– Да я живее все живых! Что ж это за напасть такая! Сынок, не пугайся! – Я рвала конверт, вытаскивала снимки, толкала их в руки сыну, Маше, Жене, вернувшейся Любове Владимировне. – Видите! Это же я! Та самая! Но обратно, то есть снова молодая.

Фото никого, кроме Жени, не заинтересовали.

– Данечка! – Маша обняла мужа. – Мы никуда не поедem, ни в какую Америку, мы все выясним! Я тебе клянусь, мой родной! Я их всех на чистую воду! На молекулы!

– В какую Америку? – выхватила я из Машиных стенаний опасную информацию. – Ты выиграл конкурс? Поздравляю! Тебя пригласили на работу? Но Даняк! Ты же сам говорил, что Силиконовая Долина – это деревня, там помрешь со скуки! – От волнения я называла его Даняком, что делала крайне редко. Не потому что этот вариант его имени был секретным, я хотела, чтобы он был только моим. – Это из-за денег на квартиру, да? Деньги есть! Любовь Владимировна, скажите!

– Маша знает, – ответила сватья.

– Что я знаю? – не поняла Маша, отстранившись от мужа. – Какие деньги?

Центр внимания переместился на мать и дочь. Даже Данька невольно прислушался.

– Которые Александра Петровна завещала.

– Не завещала, следите за речью, передала на хранение!

– Маша, я тебе эсэмэску присылала, – сказала Любовь Владимировна дочери.

– Какую эсэмэску? Я не получала, у меня телефон утонул.

– *Случае моей смерти смотреть балконе Александры Петровны.*

– Чего-чего? Мама? Смерти?

– Был филиал сумасшедшего дома, – закатила я глаза, повернувшись к Жене, – а теперь похоронной конторы. Хотя все живы и здоровы. Любовь Владимировна, принесите, пожалуйста, деньги!

Сватья отправилась на балкон, покопошилась там в старом кухонном столе, ему лет больше, чем мне, сделан из такого прочного дерева, что десятилетия поливается дождем, засыпается снегом и хоть бы хны. Умели раньше делать мебель. Когда я последний раз открывала этот стол, и не помню. Там, наверное, хранятся еще бабушкины вещи.

Любовь Владимировна принесла старый фанерный почтовый ящик. На его крышке еще можно было прочесть адрес «Кому» в верхнем левом углу, а в нижнем правом – «От кого». Советские химические карандаши годились для наскальной живописи.

Сватья поставила ящик на письменный стол, открыла крышку, и первым на свет появился алюминиевый бидон. Я его вспомнила: когда Данька был маленький, на даче с этим бидоном ходили к молочнице, держательнице коровы.

– Для маскировки, – сказала Любовь Владимировна про бидон.

Выдержала паузу, обвела всех взглядом как заправский фокусник, удостоверилась, что публика готова к чуду и стала выкладывать один за другим брикеты с валютой.

– Вот! Сто, двести, триста тысяч. Долларов! Остальные она, – кивок в мою сторону, – профукала.

Вид денег ни на кого, кроме Маши, не произвел впечатления. У Маши задрались брови, и на лице появилось то задумчивое выражение, которое бывает у человека, мысленно производящего арифметические расчеты. Это правильная, логичная и похвальная реакция. Маша хозяйка, мать семейства, и меркантилизм должен присутствовать в ее ощущениях и поступках.

Данька посуровел еще больше, хотя куда уж больше, дальше – только бросаться на людей и кусаться. Мой мальчик! Я догадывалась о его мыслях: «Я маму на деньги не меняю!»

Женя прятал улыбку. На этом представлении он был единственным персонажем, наблюдавшим за разыгрываемыми событиями с благодушным юмором. Не исключаю, что он даже получал удовольствие, слушая наши перепалки. Намедни сам от стресса плавал!

Если вчера на вас упал кирпич, а сегодня вы наблюдаете, как под градом камней пляшут другие, то ваше отношение к происходящему будет носить специфический характер.

– Откуда эти деньги? – прокашлялась Маша.

– Они мной честно заработаны...

– Хорошо же платят в...

– Маша! – строго потребовала я. – Прекрати! Деньги заработаны мной за многие годы. Даня, дядя Витя Самохин откладывал часть моей зарплаты, а сейчас выдал. Спокойно! Никто не задает никаких вопросов! Женя! Ты плохо прячешь улыбку, уж лучше смейся в голос. И не жди, что я стану рассказывать про... про Гольдманов.

– Это кто? – спросила Любовь Петровна. – Тут живут?

– Никаких вопросов! – повторила я. – Все молчат! Я набираю телефон Самохина и включаю громкую связь.

– Самохин, привет!

– Здорово, Калинкина! Вернулась? А как там твоя...

Витька был благодушен и настроен на долгую болтовню.

– Отлично! – перебила я его. – У меня мало времени. Я вручила детям деньги на квартиру. Они в понятном недоумении. Сейчас ты четко скажешь, откуда у меня тысячи долларов.

– А Данька не знал, что ли?

– Если бы знал, давно бы вытряс из тебя. А Маша, не забывай, что она банковский работник, насчитала бы такие проценты, ты бы без штанов остался. Сейчас, кстати, еще не поздно.

Угроза подействовала.

– А я что? – напрягся Самохин. – Я по-честному. Отдал твои гонорары за... за несколько лет.

– За двадцать лет, если быть точными. Все, спасибо! Привет Свете! Пока! – Я нажала отбой. – Убедились? – спросила я сына и невестку. – Данечка, сыночек! Если этих денег мало, продай участок. Я там была, я больше не боюсь. Даняк! Только не уезжайте! Что я без вас, без Кати? Вот у Жени тоже дети за границей. Это несправедливо! Мы будем век вековать как два брошенных старика.

– Особенно ты! – хмыкнул Данька. – Не нужны мне эти деньги, и участок продавать я не собираюсь.

– Отлично! – подхватила я. – Тогда на свои гонорары я построю дачу. Для внучки. Чтобы у нее было... как у тебя было... Даня, вы не уедете?

– У меня фимоз головного мозга, – устало сообщил Даня.

Это жаргонное выражение стало популярным. Фимоз – медицинский термин, сужение крайней плоти мужского члена. Фимоз мозга – оскорбительная оценка интеллектуальных способностей человека.

Я знала, как ответить в том же духе:

– Помогает живительная эвтаназия.

В комнату заглянула Катя:

– А на кухне сопли текут!

– Это устрицы, – пояснила я Жене. Повернулась к Любове Владимировне. – Хорошо бы убрать блюдо в холодильник. – Подхватила внучку на руки. – Катенька, скажи, кто я.

– Моя бабушка Шаша.

– Вот! Слышали? – торжествовала я. – До ребенка быстрее дошло, чем до вас. Катенька, а почему мы стали опять картавить и шепелявить? Мы

ведь с тобой занимались, и у тебя хорошо получалось. Скажи р-р-рыба!

– Л-рыба!

– Скажи р-рак!

– Л-рак!

– Кряк! – прервал наши упражнения Даня. – Катя, иди сюда!

Кряк, крэк, кряка (от английского «to crack» – раскалывать) на интернет-сленге «взломщик программ». Данька полагает, что у него полетела мозговая система или что я *крякалка*?

Я опустила внучку на пол, она подошла к отцу, он подхватил ее. Точно хотел спрятаться, укрыться, почувствовать родное тепло, отсидеться, избавиться от морока, страха, непоняток.

– Доченька? – спросила Маша. – Почему ты думаешь, что эта девушка твоя бабушка?

– Потому что она бабушка.

– Но ведь она очень молодая. И худая. А твоя бабушка Саша была полной и пожилой.

– Она молодительных яблоков поела.

– Точно яблок? – слегка боднул ее Даня. – Не грибочков? Такое впечатление, что тут все объелись галлюциногенов.

– В лесу грибов нет, – сообщила я не к месту, но по случаю.

Меня радовало, что Данька уже не трясся, не злился, не лез в драку. Выглядел он, конечно, неважнецки. Как человек... как человек, у которого пожилая мама вдруг стала молоденькой девушкой.

Женя, наконец, прервал молчание, обратился к моему сыну:

– Данила, позвольте мне дать вам совет. Я отлично вас понимаю. Вчера на меня тоже обрушилась эта информация, и я пребывал, мягко говоря, в замешательстве. Материальных, физических, логичных и понятных объяснений столь волшебному превращению Александры Петровны не существует. Но есть обстоятельства, из прошлого, которые никто кроме вашей мамы знать не может. Ни одна живая душа, подчеркиваю. Таким образом, не найдя объяснений, можно признать сам факт. Тем более что факт перед нами.

Я не обиделась на *факт*. Женя говорил спокойно, взвешенно, точно на научной конференции. И его слова подействовали на Даньку.

Он передал Катю жене и кивнул мне на дверь:

– Выйдем!

В детской комнате царил разгром. Внучка не вскрыла и половины коробок. Много игрушек хуже, чем мало. Если ребенка закрыть в отделе

игрушек магазина и позволить властвовать, то это станет самым большим разочарованием в его жизни. Моя страсть покупать внучке подарки была чистым эгоизмом, я тешила себя, не думая о последствиях.

Я точно не знаю события из прошлого, которое подвигло Женю к принятию счастливого для меня решения. Возможно, это было много событий или только мое давнее письменное объяснение в любви. В том, что Женя принял существующее положение дел, было что-то от прощения, он меня простил. И я страстно, до иступления, хотела, чтобы и сын меня простил.

Каждый человек волен выбирать себе секреты и назначать тайны. В том, что интересовало Даньку – знаю, помню ли я – не было ничего постыдного или кошмарного. Но я не стану пересказывать наш диалог. Чужие вещи и предметы мы храним бережнее, чем собственные. С тайнами и секретами подобная бдительность должна удесятаться.

Когда с прошлым было покончено, я заговорила о том, что мне не нужны молодость, стройное тело, личная жизнь и прочие утехи не по возрасту, если я потеряю сына, внучку, невестку. Это равнозначно потере жизни, бессмысленности моего существования, это будет смерть. Я изо всех сил старалась не заплакать, вложить в слова столько чувства, чтобы проняло даже бревно. Я называла сына тупым, бесчувственным, жестоким. Я его умоляла не бросать меня. Я согласна на Америку. Пусть едут, я переживу. Только не вычеркивают меня, не закрывают передо мной дверь. Я грозила самоубийством и была готова стать перед ними на колени. Я заклинала простить меня именем его, Даньки, бабушки и дедушки. Я говорила, что он никогда прежде не слышал от меня подобных монологов в стиле шекспировских трагедий, я сама не подозревала, что на них способна. Но сейчас я на краю пропасти, между жизнью и смертью. В его воле столкнуть меня или оставить жить.

Данька слушал, не перебивая. Избегал смотреть на меня, словно мог обжечь глаза. Когда все же проскальзывал взглядом, на его лице появлялось выражение испуга и, увы, легкой брезгливости. Я не обижалась на сына. Кому понравится иметь маму младше по возрасту? Мне хотелось сказать, что в этой нелепой ситуации можно найти положительные моменты. Например, у нас появятся общие интересы. Я готова на любые жертвы. Даже... даже отправиться с ними в лес, ночевать в палатке и слушать песни под гитару. Я молчала, и так много наговорила.

Сын ничего не ответил на мою пламенную речь. Прошел мимо меня, вернулся в большую комнату. Я поплелась следом.

Данька остановился на пороге, глядя на жену, развел руками:

– Не знаю!

Я посмотрела на Женю: ведь это благоприятная реакция? Женя кивнул и беззвучно, одними губами сказал мне: «Держись!»

И тут моя сватья Любовь Владимировна, дай ей господи счастья и здоровья, произнесла простую и гениальную фразу:

– Поживем – увидим! Чего воду в ступе толочь? – И спросила буднично: – Обедать-то будем?

– Конечно! – победно воскликнула я. – Еды на всех хватит, только мы тут не поместимся. Переезжаем на кухню. У меня лишь на двоих фужеры, рюмки и стаканы помыты. Но три пары женских рук способны сотворить чудеса. Четыре пары! Катюля, ты будешь помогать? А мужчины сгоняют за водкой. Отличное противострессовое средство, хотя и вызывает привыкание.

Внучка тут же потребовала:

– Я тоже хочу следство пла... плависиси... как бабушка сказала.

– Перебьешься, – ответил Данька.

И пошел в прихожую переобуваться. Следом за ним отправился Женя.

Утром я проснулась почему-то голая. Моя ветхая ночнушка окончательно распалась на волокна? Странно, не помню. Мне приснился удивительный сон. Длинный как роман или многосерийный фильм. Наверное, в реальном времени длился минуты три. Отлично сохранился в памяти, хоть записывай. Нет, писательский труд не для меня – слишком тяжек, требует много сил, а мне их лень тратить. Я специализируюсь на малых журналистских формах. Надо сегодня оправить Самохину план следующего номера. Чем это пахнет? Кофе! Кто-то хозяйничает, гремит посудой у меня на кухне. Данька с утра пораньше заявился?

В комнату вошел Женя. С подносом, на котором стояли две чашки кофе:

– Ты ведь любишь с молоком? Пирожных не осталось, намазал булки вареньем. Сойдет?

Я испуганно натянула одеяло до носа, потом закрылась с головой. Что он тут делает? Это был не сон! Где мой халат? Я снова толстая...

Женя поставил поднос на журнальный столик, подошел к дивану, наклонился, убрал с моего лица одеяло:

– Я тебя примерно такой и представлял.

Москва, 2017 год

---

notes

Примечания

1

Цитата из комедии У. Шекспира «Как вам это понравится» в переводе А. Флори.

Там же. Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник.

«Винни-Пух и все-все-все». Пересказ Б. В. Заходера.

Р. Киплинг. Баллада о Западе и Востоке. Перевод К. А. Филатова.

Л. П. Дербенёв. Песня про зайцев.

Слова песни «Стою под топодем» Л. А. Вялкиной.